

Вестник Московского университета

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в ноябре 1946 г.

Серия 8

ИСТОРИЯ

№ 4 • 2022 • ИЮЛЬ–АВГУСТ

Издательство Московского университета

Выходит один раз в два месяца

СОДЕРЖАНИЕ

А н д р о н о в И.Е. Папская область в 1815–1848 гг. в контексте итальянского Рисорджименто.	3
К р и в ч е н к о в Г.В. Влияние крестьянской этики на правовую практику волостных судов (по материалам Смоленской губернии второй половины XIX в.).	24
Б а р а б а н о в а М.А. К биографии народовольца Михаила Грачевского (1849–1887)	38
К и р и л ь ч и к Д.В. Частный капитал в Туркестане: дискуссия на страницах периодических изданий в 1880–1910-х гг.	51
Е р м и ш и н Л.В. Прощай, оружие? Укрытие оружия в Болгарии после Первой мировой войны	65
Ч ж а н Ц з у н х у а, Ц з я н Я н ь х у н. Русские эмигранты в Харбине после Октябрьской революции 1917 г.	82
В о р о н о в В.П. Причины импичмента президента Бразилии Дилмы Русеф в 2016 г.	96
А н д р е е в Н.Д. Образы африканских мигрантов в современных китайских социальных сетях	107
А б р а м о в а Н.Г., Г о л и к о в А.Г. Юбилей кафедры источниковедения	124
Ж д а н о в а А.Е. Жан-Луи Девельи (1730–1804?) — мигрирующий французский мастер в русском культурном пространстве XVIII в.	149

CONTENTS

Andronov I.E. Papal States 1815–1848 in Risorgimento Context.	3
Krivchenkov G.V. The Influence of Peasant Ethics on the Legal Practice of Volost Courts (According to the Smolensk Province Sources in the Second Half of the 19th Century)	24
Barabanova M.A. Notes to the Biography of <i>Narodovolets</i> Mikhail Grachevsky (1849–1887).	38
Kirilchik D.V. Private Capital in Turkestan: Discussion on the Pages of Periodicals in 1880s –1910s	51
Ermishin L.V. Farewell to Arms? Weapons Concealment in Bulgaria after World War I	65
Zhang Zonghua, Jiang Yanhong. Russian Emigrants in Harbin after the October Revolution 1917.	82
Voronov V.P. Reasons for the Impeachment of the President of Brazil Dilma Rousseff in 2016	96
Andreev N.D. Images of African Migrants in Contemporary Chinese Social Networks	107
Abramova N.G., Golikov A.G. Anniversary of the Department of Source Studies	124
Zhdanova A.E. Jean-Louis Develly (1730–1804?) — a Migrating French Master in the Eighteenth Century Russian Cultural Space	149

И.Е. Андронов

**ПАПСКАЯ ОБЛАСТЬ В 1815–1848 гг.
В КОНТЕКСТЕ ИТАЛЬЯНСКОГО РИСОРДЖИМЕНТО**

I.E. Andronov

**PAPAL STATES 1815–1848
IN RISORGIMENTO CONTEXT**

Аннотация. Судьба Папской области в ходе объединения Италии представляет особый научный интерес. Несмотря на усилившееся в годы Реставрации экономическое отставание своего государства, папство стремилось сохранить влияние в итальянской и европейской политике. Традиции управления теократическим государством вобрали многое из практики руководства католической церковью, что привело к формированию особой политической культуры. Благодаря ей в политической практике Папской области первой половины XIX в. стали оригинальным образом сочетаться крайне ретроградные элементы и идеологическое новаторство, позволившее использовать потенциал католической доктрины и сохранить ведущую политическую роль на Апеннинском полуострове. В начале 1840-х гг. складывается учение неогвельфизма, согласно которому папству уготована особая миссия в политическом возрождении и объединении Италии. Это учение обрело широкий отклик на территории всего Апеннинского полуострова и за его пределами. Целью данной статьи является анализ политических и административных практик папства, своеобразия его политической культуры и общественного климата. Для Папской области характерно сложное сочетание светских и церковных приемов воздействия на общество. Представления о политической роли папского государства и его ближайших перспективах были часто обусловлены не столько его объективным потенциалом, сколько вековой убежденностью в коренных отличиях природы этого государства от природы его итальянских соседей. Новаторский курс, взятый новоизбранным папой Пием IX в 1846–1847 гг., серьезно подорвал эту убежденность, но не отдалил модель политической эволюции Папской области от судеб некоторых других итальянских государств. Выявление особенностей политической культуры Папской области возможно только при изучении круга специфических источников. В статье рассмотрены основные официальные документы Курии религиозно-

---

Андронов Илья Евгеньевич, доктор исторических наук, профессор кафедры новой и новейшей истории исторического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова
Andronov Ilya Evgenievich, Doctor in History, Professor, Department of Modern and Contemporary History, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University
+7-916-777-28-26; orgizomenos@gmail.com

ного и светского характера, свидетельства, оставленные публицистической и художественной литературой эпохи. Полученные результаты позволят лучше понять состояние папского государства накануне революции 1848 г., а также причины последующего консервативного поворота.

Ключевые слова: папство, Рисорджименто, Реставрация в Италии, неогвельфизм, Ф.Р. де Ламеннэ, Григорий XVI, Пий IX.

Abstract. The fate of the Papal States during the unification of Italy is of particular scientific interest. Despite the economic backwardness of the state, which was aggravated during the years of the Restoration, the papacy sought to maintain its influence in Italian and European politics. The traditions of the theocratic state management absorbed much from the practice of governing the Catholic Church, which led to the formation of a special political culture. Due to this, the political practice of the Papal States in the first half of the 19th century combined extremely retrograde elements and ideological innovation in an original way, which made it possible to use the potential of the Catholic doctrine and maintain a leading political role in the Apennines. The early 1840s saw the crystallization of the doctrine of neo-Guelphism, which believed that the papacy was destined for a special mission in the political revival and unification of Italy. This doctrine evoked a wide response throughout the entire Apennines and beyond. The purpose of this article is to analyse the political and administrative practices of the papacy, the uniqueness of its political culture and social climate. The Papal States are characterized by a complex combination of secular and ecclesiastical methods of influencing society. Ideas about the political role of the papal state and its immediate prospects were often formed not so much around its objective potential as by centuries-old belief in the fundamental differences between the nature of this state and the nature of its Italian neighbours. The innovative course taken by the newly elected Pope Pius IX in 1846–1847 seriously undermined this conviction, but did not alienate the model of the political evolution of the Papal States from the fate of some other Italian states. Identification of the features of the political culture of the Papal States is possible only by studying a range of specific sources. The article deals with the basic official, religious and secular, documents of the Curia, and the evidence left by the publicist and fictional literature of the era. The results of the study will allow a better understanding of the condition of the papal state on the eve of the 1848 revolution, as well as the reasons for the subsequent conservative turn.

Keywords: papacy, Risorgimento, Restoration in Italy, neo-Guelphism, F.R. de Lamennais, Gregory XVI, Pius IX.

* * *

История Италии Нового времени традиционно изучается и преподается сквозь призму крупнейшего политического события — объединения ряда государств региона в единое Итальянское королевство (1861 г.). Этот процесс, получивший в науке название Рисорджименто, рассматривается как самодостаточное явление. Даже в наиболее непредвзятой практике, независимой от традиций

школьного обучения и государственной пропаганды, Рисорджименто представляют абсолютом исторической логики, естественным и безальтернативным процессом. Его историческое значение выходит далеко за пределы хронологических рамок. Например, внешняя политика Италии в конце XIX и начале XX в. рассматривается как продолжение линии «собираания земель», в которую отлично вписываются ирредентизм и даже маневрирование внешнеполитического курса Италии между Тройственным союзом и Антантой.

Между тем продолжительность Рисорджименто, сложности реализации политических программ, трудности с вовлечением широких народных масс в политическую деятельность — всё это указывает на наличие достаточно многочисленной оппозиции, неоднородной по социальному составу и способной затруднить реализацию политических программ. Очевидно, важнейшей противодействующей силой были элиты ряда «старых», ликвидированных в ходе Рисорджименто, государственных образований. Эти элиты включали в себя старинную аристократию (некоторые семейства прослеживали свою родословную с эпохи Возрождения), офицерство; кроме них имелись и другие консервативно настроенные слои (ревностные католики, крестьянство Юга и др.).

Удельный вес этих слоев в разных государствах Италии был различным. На Юге Италии более заметную роль играли городские нищие, принявшие, например, активное участие в разгроме карбонарской революции в Неаполе 1820 г. На Севере в ряде случаев на первый план выходила старинная аристократия. Так, известны эпизоды инспирированных аристократическими фамилиями волнений после декабрьской конвенции 1864 г., зафиксировавшей решение о переносе столицы во Флоренцию.

Особую роль в противодействии проектам политического объединения Италии сыграла Папская область. Своеобразие этого государства, расположенного в центральной части Апеннинского полуострова, не ограничивалось его теократическим устройством. Наметившееся еще в эпоху Просвещения расхождение между его политическим влиянием (на Апеннингах и в Европе) и экономическим потенциалом превратилось к середине XIX в. в глубокий разрыв, что привело к целому ряду противоречивых шагов, непредсказуемых поворотов и несбыточных надежд. Специфический подход к решению проблем экономики, глубокая уверенность в непогрешимости ответственных лиц, пренебрежение к культурным и мировоззренческим особенностям населения привели к глубокому кризису папской государственности, а в конечном счете — к бесповоротной ликвидации светской власти понтифика.

В то же время, существование самого института папства, его присутствие в качестве одного из акторов светского политического действия придавали Рисорджименто особый характер. Идеология этого политического движения представляла собой противоречивый конгломерат различных учений, важным элементом которого был религиозный компонент. В определенный момент папство — одна из ведущих политических сил на полуострове — рассматривалось в качестве политического лидера и морального ориентира Рисорджименто. В современной историографии изучается идейное наследие отдельных политических лидеров Папской области, всплеск энтузиазма, связанный с избранием Пия IX в 1846 г. Своеобразие судьбы этого государства в ходе Рисорджименто, его культурные и мировоззренческие особенности, обусловившие повороты этой судьбы, остаются слабо изученными. Возможно, причиной тому является традиционная принадлежность этой тематики к полю исследования историков правого толка или тех, кто выступает от имени институтов католической церкви. Историки левого направления, особенно в Италии, долгое время изучали Рисорджименто в его целостном виде, избегая выделения Папской области на культурном или мировоззренческом уровне. В последние два десятилетия наметилась тенденция к пересмотру многих (главным образом положительных) оценок Рисорджименто, ранее казавшихся незыблемыми, однако до вышеуказанной проблемы дело пока не дошло. На повестку дня выходит изучение политической культуры, общественного климата не в абстрактной, еще не объединившейся Италии, а в конкретных государствах, ее составлявших. Сложность и неоднозначность роли папства как идеологического, а в первую очередь — административного стержня светского государства в период масштабных перемен второй и третьей четверти XIX в. станет основным объектом рассмотрения в данной статье. В качестве основного источника были привлечены программные документы папства (энциклики и буллы), которым отводилась роль не только идеологического инструмента властвования в католическом мире, но и средства решения конкретных, актуальных политических и экономических задач. Общественный климат удобнее всего оценить по публицистической литературе эпохи, а также свидетельствам французского писателя Стендаля — умного наблюдателя, настроенного критически и готового постоянно сопоставлять увиденное и услышанное с тем, что он видел у себя на родине и в других итальянских городах.

Помещение Папской области в контекст Рисорджименто подразумевает, прежде всего, сопоставление ее административных

практик, идеологических постулатов, культурных установок с реалиями других итальянских государств, в первую очередь — с географически и культурно близким Королевством Обеих Сицилий со столицей в Неаполе. Хронологические рамки данной статьи объясняются ее проблематикой. В 1815 г. Венский конгресс подвел черту под наполеоновской эпохой, и в Риме была воссоздана система государственного управления; торжество католической идеи способствовало возвращению идеологических ориентиров ушедшей эпохи. Возврат в прошлое, впрочем, оказался невозможен. Новый поворот во внутренней политике Папской области и изменение ее роли в процессе национального возрождения Италии произошел после избрания в 1846 г. папы Пия IX, его либеральных нововведений; революция 1848–1849 гг. в Италии стала началом нового исторического этапа как в Рисорджименто, так и в истории Папского государства; этот этап остается за рамками данного исследования.

С каким багажом вступила Папская область в эпоху Реставрации? Реформы просвещенного абсолютизма едва ее коснулись. В раннее Новое время там исторически сложились явления и практики, затруднявшие развитие торговли и предпринимательства в сельском хозяйстве. Доминирующее положение в сельском хозяйстве занимали крупные владения (латифундии), часто принадлежавшие представителям крупнейших олигархических семейств (Орсини, Колонна и др.), веками боровшихся друг с другом за папский престол. В городском ремесле на протяжении всего XVIII в. безраздельно господствовал цеховой порядок, уже ликвидированный в ряде европейских стран. Архаичной была и система налогообложения. Дополнительным тормозом для развития экономики стали таможенные границы по периметру городов, установленные чаще всего по линии городских стен. Эта мера в Средневековье была призвана повышать заинтересованность сельскохозяйственных производителей (в первую очередь, хлеботорговцев) в дифференцированной торговле: дорогим товаром — в центре городов и более дешевым — у городских ворот; важнейшей ее функцией было обогащение казны, прежде всего — за счет городской бедноты.

Предпринятые в понтификат Климента XI (1700–1721) попытки реформировать структуру земельной собственности и улучшить положение сельскохозяйственных работников за счет латифундистов окончились ничем, поскольку сами собственники их игнорировали. Первый кадастр был принят лишь Пием VI (понтификат 1775–1799) в 1777 г., что несколько усовершенствовало систему налогообло-

жения¹. В XIX в. экономический уклад папского государства во многих отношениях выглядел глубоко архаичным². Однако, если в ряде других стран регулярно поднимался вопрос о систематическом реформировании экономической системы (например, в духе Кольбера³), то в Риме существовала убежденность в справедливости и незыблемости сложившегося порядка, разумного в силу многовековой традиции.

Теория о единственно разумной политике католической церкви, особо следящей за незыблемостью сложившегося порядка на папских территориях, была выпестована в ходе Контрреформации. Будучи важнейшим идеологическим оплотом самого существования светского государства церкви, эта теория оставалась практически непреодолимым препятствием на пути социального или экономического обновления государства. Сложности балансирования между крупными державами, отсутствие мощной армии уже в XVIII в. придавали особую ценность консервативным идеологическим постулатам.

Следующие реформы связаны с именем Пия VII (понтификат 1800–1821). Вскоре после интронизации папа столкнулся с полным разорением населения Рима в результате французской оккупационной политики и был вынужден предпринять шаги по либерализации торговли и ограничению власти цехов. После возвращения из наполеоновского пленения 1809–1814 гг. Пий VII отменил ряд наиболее

---

¹ Отметим, что первый кадастр в Неаполитанском королевстве был декретирован Карлом VII в 1740 г., а в Сардинском королевстве — в 1731 г. Первые проекты кадастра окрестностей Рима (*Agro Romano*) восходят к 1660 г., но они почти не имели практического значения, к тому же не были основаны на единых критериях и сохраняли фрагментарность.

² Эта архаичность была сугубо сознательной и представляла собой важнейший идеологический постулат. Например, в официальном, прошедшем все цензурные препоны Статистическом ежегоднике 1840 г. (*Cenni economico-statistici sullo Stato Pontificio. Roma, 1840*) содержался анализ экономической эффективности земель Лацио (р. 437–541). Там были выделены показатели по агрономии, «сельской экономике», «частной» и «общественной экономике», все выкладки систематизированы хронологически и основываются на охвате эпох от основания Города. Важными рубежами выступают реформы Сервия Туллия, Первая пуническая война, эпоха Августа, упадок империи, а период «от установления светской власти пап до наших дней» представляет собой эпилог. Seriously обсуждаются нормы наделения земель, известные по античным источникам, и их соответствие реальным потребностям людей. Примеров такого рода — великое множество.

³ Ж.-Б. Кольбер (1619–1683) — французский государственный деятель, министр финансов, фактический лидер французской экономической политики в 1665–1683 гг. Проведенные им меры меркантилистского толка (увеличение экспорта, борьба за повышение собираемости налогов, развитие дорожной сети и поощрение торговли) стимулировали экономическое развитие Франции и создание колониальной империи.

одиозных ограничений в области светского высшего образования, что, при всей символичности и значительном моральном эффекте, не могло сократить колоссального отставания в этой области не только от крупнейших европейских центров, но даже от столиц других итальянских государств.

Представления о сакральности собственной светской власти, распространенные в политических верхах Папской области, существенно отличались от подобных представлений, распространенных при дворах других европейских государей. Практика Французской революции фактически положила конец эффективному использованию этих представлений для политических целей везде, но только не в Риме. В целом ряде официальных документов папства мы можем проследить последовательный курс на подтверждение этой сакральности, не подлежащей никакому обсуждению⁴.

Присоединенный к Австрийской империи Север Италии (получивший название Ломбардо-Венецианского королевства), герцогство Парма и Великое герцогство Тоскана стали территориями культурного и политического компромисса между их населением и новыми австрийскими хозяевами региона. Папская область относилась к группе итальянских государств, в наибольшей степени стремившихся преодолеть наследие революции и наполеоновской эпохи. Непосредственное австрийское присутствие ощущалось в Риме в меньшей степени, нежели в ряде других итальянских государств. Важным ориентиром не только для правящих кругов, но и для других причастных политическому сознанию сил (от интеллектуалов до карбонариев) стали события у южных соседей. Король Обеих Сицилий Фердинанд I, как и папа Пий VII, наотрез отказался давать своим подданным конституцию, что обеспечило всему Югу Италии особый масштаб деятельности тайных обществ заговорщиков, а также наложившийся на вековую традицию разгул сельского бандитизма.

Фердинанд, как и Пий VII, имел опыт первой реставрации 1799 г. (в отличие от других воцарившихся на Апенниннах монархов), что позволило ему действовать в соответствии с цельной и продуманной политической линией. Так, в Неаполе была проведена полная

---

⁴ Весьма показательны в этом отношении энциклики *Traditi humilitati* (Пий VIII, 1829), *Mirari vos* (Григорий XVI, 1832) и особенно *Quanta cura* (Пий IX, 1864) с приложенным к ней знаменитым Силлабусом — перечнем из 80 «ошибочных утверждений», среди которых оказались почти все политические идеологии Западной Европы середины XIX в. Линия продолжилась и после ликвидации светской власти папы — в выступлениях Льва XIII (см., в частности, энциклики 1878 г. *Inscrutabili Dei consilio* и особенно *Quod apostolici muneris*).

политическая амнистия, были признаны все отчуждения собственности эпохи французского господства, а также титулы и звания, присвоенные королем Мюратом. Тем чиновникам и офицерам, которые не присягали французской власти (для простоты они именовались «легитимистами»), было гарантировано одинаковое обхождение с теми, кто сделал карьеру при Мюрате. Таким образом, в Королевстве Обеих Сицилий были четко очерчены границы реставрации, включавшие в себя признание глубоких социальных и экономических перемен периода правления «короля Джоаккино». Сделать это было тем более необходимо, что вернувшаяся с Фердинандом из Сицилии в Неаполь аристократия стремилась к тотальной реставрации; начавшиеся гонения на карбонариев привели к обострению социальной напряженности и заставили короля смягчить политический курс. Новый премьер-министр Де Медичи установил строгое единство законодательства и налогообложения на всей территории королевства (что было непросто, принимая во внимание различие в исторической судьбе Сицилии и Неаполитанского королевства в последние годы). Ликвидация столичного статуса Палермо, введение внутренних таможенных барьеров, единые нормы рекрутского набора вкуче с отменой гордости сицилийцев — Конституции 1812 г. — стали ценой вступления острова в Королевство Обеих Сицилий, что осложняло внутривнутриполитическое положение государства вплоть до его ликвидации.

С целью пригасить недовольство масс Де Медичи предпринял некоторые меры по сокращению расходной части бюджета, что позволило бы избежать усиления налогового давления. Расходы на преодоление наследия продолжительной войны и на содержание австрийского военного присутствия привели в 1817 г. к глубокому финансовому кризису. Для выхода из него министр был вынужден резко сократить общественные расходы, обратиться к внешним источникам государственного займа и настоять на выводе австрийских гарнизонов⁵.

---

⁵ Подробно экономическая политика Де Медичи и ее последствия рассмотрены в классическом труде Розарио Ромео: *Romeo R. Mezzogiorno e Sicilia nel Risorgimento*. Napoli, 1963. P. 72ss. Отметим, что принятый в Королевстве Обеих Сицилий в первые годы Реставрации курс сохранялся вплоть до ликвидации королевства в 1860 г. Выбранная модель сокращения расходной части бюджета показала настолько привлекательной, что превратилась в своего рода культурный стереотип: сокращение расходов коснулось даже военного и военно-морского ведомств. Именно резкое сокращение расходов на развитие дорожной сети, транспорта и других элементов инфраструктуры (а также отказ от мер, стимулирующих развитие ремесел, мелкой торговли и предпринимательства) привело к нарастающему отставанию Юга Италии от других областей в экономическом и социальном отношении; это отставание, приобретенное в конце концов системный

Провозглашенный курс на создание «административного государства» и «политику амальгамы», предназначенную сплотить все социальные группы и население всех регионов Юга, на деле обеспечил застой в общественных отношениях и нарастающее экономическое отставание, но в короткой временной перспективе представлялся весьма эффективным решением характерных для региона проблем.

Папский министр кардинал Консальви, таким образом, имел перед собой развернутую программу действий. Многие внешние факторы, как и обстоятельства внутренней жизни, сближали Папскую область и Королевство Обеих Сицилий, однако имелись и существенные различия. Прежде всего, иным был механизм принятия решений. Властная верхушка была далека от единомыслия; значительное влияние сохраняла группа ультраконсервативных кардиналов, так называемых дзеланти⁶. Папский абсолютизм сохранялся на уровне политической доктрины вплоть до самой ликвидации государственного образования. Рим заключил с рядом итальянских государств несколько конкордатов, в которых сумел в целом отстоять свои юридические и имущественные интересы (особенно по сравнению с наполеоновским Конкордатов 1803 г.). Добавим к этому, что Курия, в отличие от целого ряда европейских дворов, не была связана условиями Заключительного акта Венского конгресса и сразу после восстановления суверенитета на части Папской области (в Лацио и Умбрии) начала последовательно ликвидировать все следы «нечестивого французского режима»: в Лацио и Умбрии были восстановлены все старинные правовые и налоговые обычаи,

---

характер, еще практически не ощущалось в общественной дискуссии предшествующих Реставрации эпох. Безусловно, «проблема Юга» обсуждалась и ранее, но выглядела совершенно иначе. Общим было требование предоставления должностей и феодов представителям местных, а не пришлых элит. Важнейшей темой итальянского Просвещения в отношении Юга было несовершенство налогообложения и отток денежных средств за границу (см.: *Бондарчук В.С. Итальянское Просвещение // Общественно-политическая мысль европейского Просвещения. М., 2002. С. 161–178*), т.е. те самые факторы, которые были успешно преодолены администрацией Фердинанда I после ликвидации французского господства в 1814 г.

⁶ В годы Реставрации латинизм *zelante* (от *zelo* — рвение, в том числе религиозное) означал влиятельную группу кардиналов крайне консервативных убеждений, ориентировавшихся на церковную практику дореволюционной эпохи. Оппозицию им составляли умеренные (так называемые *politiciani*), из среды которых происходил не только кардинал Консальви, но и сам Пий VII. Джорджо Канделоро поддержал точку зрения, согласно которой *zelanti* — это секта ветеранов санфедистского движения, наследница старинного тайного «Общества миролюбивых» (*Rasifici*) или «Святого единства» (*Santa Unione*), проявившая себя в реакции на революцию 1799 г. и в подпольной борьбе католиков периода наполеоновского господства (см.: *Канделоро Дж. История современной Италии. Т. 2. М., 1961. С. 63*).

привилегии знати и церковников; среди прочих нововведений были отменены вакцинация от оспы и освещение улиц⁷. Некоторая часть наполеоновских законов была сохранена в областях, как тогда говорилось, «второй очереди возвращения» (прилегающие к Адриатическому побережью области Марке и Легатства). Административная практика была несколько модернизирована, но различия между территориями, в том числе между столицей и провинцией, между городом и деревней, между различными историческими областями — сохранялись. Отчуждение церковной собственности по большей части признавалось, но государство брало на себя обязанность в какой-то степени компенсировать потери бывшим собственникам. Налоги на земельную собственность были восстановлены без учета иммунитетов (столь распространенных в государстве, где заправляли церковники), но при определении сумм был использован старый кадастр Пия VI со всеми его недостатками. Всё законодательство наполеоновской эпохи было отменено. Были введены новые процессуальный и торговый кодексы, а в остальном произошел полный возврат к дореволюционным нормам.

Попытка сделать так же, как в Неаполе, провалилась. В 1818 г. сбор налогов частично был передан местным администрациям, и эта практика привела к постепенному, но стабильному росту налогового давления на население. Довольно высокие таможенные тарифы были определены неясно, что вызывало конфликты⁸. Льготы, распространявшиеся на кардиналов и иностранных послов, вызывали массу злоупотреблений и лишили таможенные тарифы минимального экономического смысла⁹. Хлынувшее на внутренний рынок российское зерно обогатило некоторых лиц, но разорило местных производителей. Хлебная торговля вступила в полосу глубокого кризиса. Серьезной проблемой было засилье церковников в образовании (которое также сильно отставало от образования в других частях Италии, особенно в Тоскане). Церковь сохраняла монополию на доступ к высшим должностям. Если Консальви еще пытался бороться с этим явлением, то после его отставки (Пий VII умер в 1823 г.) неэффективность и коррупция правительства достигли стабильного максимума. Характеризуя безнаказанность церковных иерархов на территории

---

⁷ Woolf S.J. *La storia politica e sociale // Storia d'Italia*. V. 3. Torino, 1973. P. 257s.

⁸ Примечательно, что попытки навести порядок в таможенных тарифах были предприняты в Легатствах только после подавления там карбонарской революции 1831 г. (*Bollettino di tutte le notificazioni, leggi e decreti pubblicati dal governo della città e della provincia di Bologna non che dal Comando militare*. Bologna, 1832).

⁹ Woolf S.J. *Op. cit.* P. 258.

Папской области, Пеллегрини Росси немного позже писал: «Кардинал в Риме — князь, а в провинции — паша»¹⁰.

Выступления карбонариев в 1820–1821 гг. напугали многих итальянских государей. В области Лацио они наложились на криминальный «фон» сельского бандитизма (известного под названием *brigantaggio* и бывшего печальной традицией Центральной и Южной Италии с раннего Нового времени¹¹). Новый папа Лев XII (понтификат 1823–1829) оказался в очень сложном положении. Поначалу он, как и его предшественник, пытался реформировать налогообложение, поскольку финансовое положение государства было весьма плачевным. После некоторых попыток сократить расходную часть бюджета выход из ситуации стали искать в более традиционных для Святого престола мерах: 1825 год был объявлен Юбилейным. Приток огромных масс верующих, привлеченных невиданным размахом и торжественностью церковных церемоний, должен был принести огромный доход, но реальные итоги оказались куда скромнее. Противоречивым было и моральное воздействие атмосферы этого мероприятия на римлян и многочисленных паломников. Во время Юбилея (по ряду политических причин следующий будет отпразднован лишь в 1900 г.) были запрещены балы, театральные представления и даже выступления уличных артистов и музыкантов. 23 ноября 1825 г. в рамках Юбилея на площади Пьяцца дель Пополо была проведена публичная казнь двух молодых карбонариев¹².

Юбилей 1825 г., безусловно, был специфическим событием, имевшим, в первую очередь, религиозный смысл. По замыслу Льва XII, он должен был сплотить паству вокруг католической твердыни, через прикосновение к римским святыням укрепить ее веру,

---

¹⁰ Цит. по: *Demarco D. Il tramonto dello Stato Pontificio. Il Papato di Gregorio XVI. Torino, 1949. P. 26.* Интересно охарактеризовал положение кардиналов Стендаль. Огромная пропасть между кардиналами и окружающим населением подчеркивалась снисходительным отношением кардиналов буквально ко всем остальным членам общества. «Два-три раза в жизни кардинал выбирает государя, в остальном же он смеется над всеми законами» (*Стендаль. Собр. соч.: в 15 т. Т. 9. М., 1959. С. 186*).

¹¹ Преемственность сельского бандитизма на протяжении всего XIX в. была вполне очевидна современникам, равно как и его связь с социальными проблемами. Даниэла Адорни построила свое исследование бандитизма на документах (официальных и не только), циркулировавших в придворной среде Турина; ее материалы полностью подтверждают как понимание сложности этого явления, так и склонность чиновников к силовым способам решения проблемы (*Adorni D. Il brigantaggio // Storia d'Italia. Annali 12. La criminalità. Torino, 1997. P. 283–322*).

¹² Крайне интересные свидетельства о царивших в Риме слухах, настроениях и суевериях по поводу этого Юбилея оставил Стендаль в «Прогулках по Риму» (записки датированы 1827–1829 гг.) (*Стендаль. Собр. соч. Т. 10*).

а посредством массовой индульгенции¹³ наполнить ее чувством оптимизма и уверенности в завтрашнем дне. Тем не менее, обстоятельства его проведения отражают некоторые важные моменты в мировоззрении лидеров папского государства, характерные для того времени. Прежде всего, отметим уверенность Льва XII и его окружения в том, что подобное мероприятие может служить значительному повышению престижа папства в ситуации, в которой другие государи традиционно обращались к мнению интеллектуальной элиты, министров с опытом экономических преобразований или к опыту друг друга. Мировоззренческие стереотипы, безраздельно царившие при папском дворе, предлагали иные модели управления. Так, в качестве идеологической опоры выступал обоснованный еще в эпоху Контрреформации тезис о незыблемости политики церкви от времен ее основания Иисусом Христом до настоящего времени; руководство страной отождествлялось с руководством церковью. Круг лиц, имевших доступ к понтифику при обсуждении административных вопросов, чаще всего ограничивался коллегией кардиналов¹⁴. Специфическая среда профессионального формирования этих людей была причиной того, что при выборе средств воздействия на экономическую и культурную реальность предпочтение отдавалось традиционным методам, к тому же сохранявшим пока свою действенность в сфере внешней политики или идеологии (диалог с монархами, проповедь, буллы и энциклики). Сохраняющаяся определенная эффективность традиционных методов ведения дел в некоторых сферах стала причиной того, что поиск новых путей хозяйствования не представлялся необходимым, а порой казался и идеологически неприемлемым. Новые методы управления государством, получившие распространение в Европе первой половины XIX в., отождествлялись в Риме (вполне правомерно) с появлением новых политических и идеологических ориентиров. Церковь, делая ставку на сохранение и привлечение верующих, упорствовала в отвержении этих идей.

---

¹³ Суть мероприятия состояла в ежедневном посещении жителями Рима трех главных базилик (Соборов св. Петра, Сан Джованни ин Латерано, Санта Мария Маджоре) на протяжении 30 дней, гостями города — на протяжении 15 дней, что было главным условием полного отпущения грехов. Особая индульгенция была обещана тем, кто по болезни или в случае кончины не сможет реализовать этот план. См. энциклику *Quod hoc ineunte* от 24 мая 1824 г. (Tutte le Encicliche dei Sommi Pontefici. V. 1. Milano, 1959. P. 159–166). Базилика св. Павла (также относящаяся к разряду главных) сгорела в 1823 г. и еще не была восстановлена.

¹⁴ Некоторые министерские магистратуры, напротив, гарантировали исполнителям ее человеку кардинальское достоинство и место в Коллегии кардиналов. Спекуляции на эту тему упоминаются в эссеистике, в частности, в произведении Стендаля «Рим, Неаполь и Флоренция» (1817) (*Стендаль. Собр. соч.* Т. 9).

Карбонарские организации в Папской области распространились быстро под влиянием вент из Ломбардо-Венецианского королевства и Королевства Обеих Сицилий, но были плохо консолидированы и оформлены, во многом из-за жесткой репрессивной политики своего правительства. В понтификат Льва XII (1823–1829) усилились репрессивные меры; была проведена массовая операция под командованием специально назначенного в 1825 г. лица — «чрезвычайного легата» Риварола. В результате операции было арестовано свыше 500 человек, и впервые аресты докатились до столицы.

Преследования карбонариев имели печальные социальные последствия. Прежде всего, на фоне общеевропейского роста либеральных и демократических настроений в государствах итальянского Юга усилился абсолютизм, причем режимы оказались в большей социальной изоляции, чем несколькими годами ранее. Выросла подозрительность правителей к деятельности высших должностных лиц; министры, в свою очередь, были лишены стимула к инициативе: гарантией их пребывания в должности становилось полное согласие с волей монарха. Другой характерной чертой стало усиление клерикализма. Специальными распоряжениями Лев XII усилил строгости режима пребывания евреев в гетто (Григорий XVI позже вновь ужесточит этот режим, и только смена курса в начале правления Пия IX положит начало смягчению жестоких анахронистических норм)¹⁵. Во всех итальянских государствах после подавления первых карбонарских революций усилилась церковная цензура, монополия на образование (часто сосредоточенная в руках иезуитов). Повсеместно отмечалось показное благочестие, особенно на уровне официальной риторики и документов; отход от этой риторики в неофициальном общении не одобрялся. Эти перемены привели к массовой эмиграции свободомыслящих людей, что, помимо прочего, привело к распространению карбонарского движения за границу, к усилению заговорщических организаций в Испании, Португалии, Франции и Швейцарии.

Карбонарские революции 1831 г. в Италии набрали ход только в Модене и на севере Папской области. Существует мнение, согласно которому причиной этого является эффективная деятельность полиции в других итальянских государствах¹⁶. К факторам, способству-

---

¹⁵ Одним из наиболее громких дел первых недель понтификата Пия IX станет снос стен и ворот римского гетто и разрешение свободно выходить в город по ночам. Полная свобода, которой пользовались римские евреи в период французского господства до 1814 г., вернется только после ликвидации Папской области в 1870 г.

¹⁶ Woolf S.J. Op. cit. P. 292.

ющим заговорщическому движению в Папской области вообще и в годы Реставрации в частности, следует добавить также паралич государственного аппарата, наступающий каждый раз после кончины верховного правителя. Пий VIII умер 30 ноября 1830 г.; конклав был созван сразу же, но до 2 февраля 1831 г. не мог определиться с новым папой. Всё это время карбонарии были предоставлены самим себе; если заговор в Риме (в нем принял участие Луи Бонапарт, будущий император Франции) был раскрыт, то в провинции революционные настроения распространились с быстротой лесного пожара. Тем не менее, выступления 1831 г. были легко подавлены австрийской армией, поскольку восставшие города подчеркнуто придерживались принципа невмешательства в дела друг друга и не пожелали скоординировать свои действия.

Внутреннее беспокойство в Королевстве Обеих Сицилий и Папской области давало повод ряду патриотов уже в 1830-х гг. планировать начало общенациональной революции на Юге или в Центре. Джузеппе Мадзини в газете «Молодая Италия» толковал это беспокойство как постоянную готовность к выступлениям, к революционному взрыву, для которого не хватало только небольшого толчка извне. Выступления сторонников Мадзини в Романье (1843) и Римини (1845) были быстро подавлены.

После репрессий 1833–1834 гг. (последовавших за последними карбонарскими революциями и выступлениями Мадзини в Савойе) революционная деятельность во всей Италии пошла на спад. Снизилась социальная напряженность, правители постепенно переставали отождествлять либералов с революционерами. В Ломбардо-Венецианском королевстве в 1838 г. даже последовала амнистия политических заключенных, которую подхватили другие итальянские государства, за исключением Королевства Обеих Сицилий (где правил Фердинанд II, 1830–1859) и Папской области (при папе Григории XVI, понтификат 1831–1846). В обоих государствах за основу новой идеологии было взято положение, что подрывные идеи не характерны для традиционных ценностей коренного населения и имеют очевидное иностранное происхождение. Фердинанд пошел по пути внешнеполитического изоляционизма, который должен был выступить заменой традиционной опоры на Австрию, и предпринял ряд шагов для укрепления армии и флота. Григорий XVI назначил госсекретарем кардинала Томмази Бернетти (уже занимавшего эту должность в конце понтификата Льва XII в 1828–1829 гг.). Бернетти учредил «корпус цензурионов» — репрессивную организацию для подавления инакомыслия. Довольно скоро эта организация вышла за пределы правового поля, однако ее основанная на политическом

насилие деятельность была столь же неэффективной, сколь и работа обычной полиции и других служб надзора за общественным мнением, коих в рядах церкви было несколько. Для этого периода характерна удивительная политическая апатия гражданского населения — любая политическая карьера, ответственные должности и право иметь собственное мнение были достоянием исключительно церковников. Коррупция стала настолько всеобъемлющей, что в обстановке тотальной неэффективности государства администрация Григория XVI с 1835 г. прекратила даже попытки составить государственный бюджет — ситуация, неслыханная в западноевропейской практике в XIX в. Как следствие, Папская область стала единственным государством Запада, которое в хозяйственной политике не пыталось как-то реагировать на новые вызовы меняющейся международной экономической конъюнктуры.

Препятствия для экономического развития, которые составляли рудименты феодального порядка, были проблемой, характерной для всех итальянских государств 1840-х гг. В Папской области и Королевстве Обеих Сицилий она выливалась в обнищание населения. Распространенной была точка зрения, согласно которой эффективными мерами по борьбе с нищетой были просвещение масс и филантропия¹⁷. Эти меры плохо работали даже в Тоскане; в Неаполе призывы к благотворительности сопровождались провозглашением свободы торговли и некоторыми послаблениями для благотворителей, однако в отсутствие эффективных коммуникаций (что было вызвано многолетней экономией на расходной части бюджета) государству приходилось действовать традиционно — переходить на «режим ручного управления», манипулируя ценами на зерно и вмешиваясь в рыночные отношения. Железнодорожное строительство в Королевстве Обеих Сицилий началось раньше, чем в других итальянских государствах, но продвигалось столь медленными темпами, что фактически новый вид транспорта оказался неспособен стимулировать экономическое развитие¹⁸. В Папской области не было и этого, поскольку Григорий XVI неодобрительно отозвался о железных дорогах, хотя предложения строительства линии от Болоньи до австрий-

---

¹⁷ *De Rita R.* Il monte di pietà di Roma. Credito e beneficenza alla fine dell'Ottocento. Roma, 2011.

¹⁸ Первой железнодорожной линией в Италии стала линия Неаполь — Портичи (1839 г.), соединяющая центр города с расположенным в 7,5 км к югу, на морском побережье, местом отдыха. К 1843 г. было построено около 40 км железных дорог, а к 1848 г. в эксплуатацию было введено около 100 километров линии, на которой Неаполь располагался примерно посередине (*Briano I.* Storia delle ferrovie in Italia. Milano, 1977). Отсутствие видимых экономических выгод некоторое время сдерживало строительство железных дорог в других итальянских государствах.

ского Милана звучали начиная с 1844 г.¹⁹ Идея о «гуманитарных» средствах борьбы с нищетой в Риме провалилась. Благотворительность, достигавшая в столице католического мира особого размаха, привела к непредсказуемым последствиям: местные нищие уже не искали заработка, а бедняки из окрестных земель съезжались в Рим, сокращая и без того скудный рынок рабочей силы в провинции. Интеллектуалы, в свою очередь, были озабочены тем, что известные еще в эпоху Просвещения рецепты оказывались недостаточными; они выдвигали более решительные требования отмены наиболее ненавистных косвенных налогов до учреждения общественных мастерских, благотворительных школ, больниц и других институтов. Так, Т. Мамиани²⁰ выступал с критикой существующих экономических теорий объединения Италии, обращая внимание на материальные и культурные интересы неимущего большинства.

Закрытый характер общества Папской области, его относительная изоляция от общеевропейской политической повестки позволяли до поры до времени поддерживать идеологическую устойчивость режима за счет полного подавления общественной дискуссии. Вместо нее обществу навязывалась модель одобрения или осуждения (чаще осуждения) понтификом того или иного явления в общественной жизни. Наличие такой модели делало излишним (и даже небезопасным) обсуждение публичных вопросов. Сельское население, жители небольших городов в своей массе сторонились обсуждения животрепещущих проблем. Кроме того, официально сформулированная в посланиях Курии точка зрения папы развернуто осуждала и сам принцип ведения широкой дискуссии теми, кто не уполномочен ее вести.

Основную угрозу своему существованию папство справедливо видело в набиравших популярность учениях, примирявших католическую религию и новые идеологии. Особое понимание в Италии в эпоху Реставрации встречали идеи одного из отцов христианского социализма Ф.Р. де Ламеннэ, основанные на возможности взаимовыгодного сосуществования католической церкви и демократических

---

¹⁹ Gallio S. Oggi è un'ora di viaggio. La costruzione della strada ferrata tra Milano e Bologna. Bologna, 2009.

²⁰ Mamiani T. Nostro parere intorno alle cose italiane. Parigi, 1839. P. 33–34. Теренцио Мамиани делла Ровере (1799–1885) — философ, политический мыслитель, видный идеолог умеренного течения Рисорджименто. Двоюродный брат Джакомо Леопарди. Министр внутренних дел карбонарского правительства в Болонье 1831 г., впоследствии жил в эмиграции. В сочинении “Del rinnovamento della filosofia antica italiana” (Parigi, 1834) высказывался в пользу решающей роли культурных факторов в выработке в народных массах национального самосознания: политические и военные выступления против Австрии он не считал достаточными для создания устойчивого итальянского государства.

свобод и ценностей. Путешествие Ламеннэ на Апеннины в 1824 г. способствовало распространению его идей в Италии. Итальянских интеллектуалов в первую очередь привлекал тезис о полном отделении церкви от государства, что позволило бы сочетать безусловное главенство папы в католической церкви с полным набором демократических свобод. Разумеется, такой подход рассматривался как коварная попытка подорвать политическую составляющую папской идеологии.

Направленные против Ламеннэ выступления церкви (в том числе энциклики Григория XVI *Mirari vos*, 1832 г. и особенно *Singulari vos*, 1834 г.) выглядят программными документами религиозного содержания. На деле их предназначение — прежде всего политическое. Сдерживать распространение вредной новой идеологии среди населения Папской области и окрестных итальянских государств — вот истинная цель этих воззваний. Если при этом достигается эффект причастности папства к «большой идеологии» (по аналогии с большой политикой), тем лучше.

Важным рубежом в эволюции официальной идеологии папского государства стала публикация книги Винченцо Джоберти «О моральном и гражданском первенстве итальянцев»²¹. В специфической духовной атмосфере кризиса Реставрации либерально-католическая идея, направленная против реакционного понимания «союза трона и алтаря», оказалась союзницей ультрамонтанизма, идеи единства церкви и ее независимости от светских властей отдельных стран. Массы верующих католиков оказались в ситуации выбора между церковной дисциплиной и складывающейся новой этикой индивидуальных свобод, гражданского долга и национальных ценностей. До поры до времени Риму удавалось сдерживать колебания путем осуждения новой этики. Со временем, однако, количество итальянских патриотов, сочетавших в своих чаяниях верность вселенской церкви и мечту о единой Италии, росло. Росла и их активность. Для папства эта перспектива, очевидно, была крайне нежелательной, поскольку ее реализация означала ликвидацию светской власти римского понтифика.

Богослов по образованию, туринец Винченцо Джоберти некоторое время прожил во Франции эпохи Июльской монархии; там много говорилось о европейском первенстве французов в отношении культуры, политических свобод и т.п. В 1843 г. Джоберти уехал в Брюссель, где постепенно сформулировал свое учение о превосходстве итальянцев, воплощенном в одновременном существова-

---

²¹ *Gioberti V. Del primato morale e civile degli italiani. Bruxelles, 1843.*

нии и взаимодействии целого ряда факторов: цивилизующей роли церкви, присутствия папства на итальянской территории, либеральных и национальных ценностей. Наблюдая за неудачами восстаний, устроенных сторонниками Мадзини, Джоберти подчеркивал свой реализм, который на деле сводился к готовности довольствоваться малозначащими результатами и к ставке на заговоры и политические сделки в духе Макиавелли. Фактически в отношении методов борьбы Джоберти возвращался к практике карбонариев, и единственным важным новшеством была фигура папы, олицетворяющего величие замысла. По идее Джоберти, папа должен был стать главным защитником и проповедником итальянской национальной идеи, буквально Спасителем (Salvatore) Италии.

Идеи итальянского превосходства над Францией и папы-Спасителя выродились в довольно оригинальную версию национализма, которой был уготован бурный, но краткосрочный успех. Популярность книги объяснялась тем, что в ней были сглажены углы, не рассматривались перспективы антагонизма в лагере патриотов Италии и рисовалась идиллическая картина всеобщего согласия. В ней говорилось о федералистском устройстве будущей Италии, об автономии городов, о сохранении неограниченной власти существующих династий и государей, на помощь которым должны поспешить лучшие граждане — «избранная аристократия», выделяющаяся интеллектом, опытом или богатствами. Итальянская конфедерация должна существовать под эгидой ее естественного лидера — папы, опирающегося на военную мощь Сардинского королевства. Популярность смутных идей Джоберти, подстегнутая несколькими переизданиями его книги, достигла пика накануне и сразу после избрания Пия IX. На начальном этапе революции 1848 г. эти идеи вполне конкурировали с другими учениями, в первую очередь — «умеренных» (*moderati*, среди которых — Чезаре Бальбо, Массимо д'Адзельо и другие) и Джузеппе Мадзини, причем имели широкое хождение и за пределами Папской области²². Помимо прочего, общая идея «либерального папы» вполне разделялась итальянскими мыслителями различных политических убеждений. Идеологический поворот середины 1840-х гг. придал событиям революции 1848 г. особый смысл. После краха идеи «либерального папы» как лидера политического объединения Италии Пий IX вынужденно оказался в лагере реакции, а папство стало одной из главных сил, препятствующих национальному объединению.

---

²² Идею наследие В. Джоберти (его собрание сочинений насчитывает 38 томов!) замечательно изложено в классических трудах: *Anzilotti A. Gioberti. Firenze, 1922; Omodeo A. Vincenzo Gioberti e la sua evoluzione politica. Torino, 1941.* Более кратко: *Woolf S.J. Op. cit. P. 350–361.*

Григорий XVI был очень стар, и его кончина 1 июня 1846 г. в возрасте 80 лет была давно ожидаемой. Новый папа (54-летний кардинал Джованни Мастаи-Ферретти) был избран быстро. Действия его на престоле в первые полтора года (с момента избрания 16 июня 1846 г. до начала итальянской революции в январе 1848) были решительными и новаторскими настолько, что в определенной части не только римского, но и итальянского и даже европейского общества быстро сформировался «миф о папе-либерале»²³. Уже 16 июля была объявлена амнистия политических заключенных. Госсекретарем стал кардинал Джицци, известный своими либеральными взглядами; к концу года были созданы специальные комиссии по пересмотру процессуальных норм, разработке мер против нищенства и безработицы, развитию образования и даже строительства железных дорог! В состав комиссий были включены несколько светских лиц. В 1847 г. была смягчена цензура, учрежден Государственный Совет при понтифике (*Consulta di Stato*), Совет министров и городская гвардия. Начались переговоры о таможенном союзе с Тосканой и Сардинским королевством. В ответ вспыхнули беспорядки, в которых обычно обвиняли консервативно настроенные слои населения. Пий IX попытался сдержать кризис. В ноябре 1847 г. при созыве Государственного Совета ему пришлось предостеречь его членов от попыток «даже на йоту поставить под сомнение суверенитет первосвященника»²⁴. В новом составе Совета министров не оказалось светских лиц. События в Риме непосредственно повлияли на настроения в Тоскане и Пьемонте (в частности, через обсуждение проблем присутствия религиозных орденов в городах Италии), что усугубило революционную ситуацию.

Таким образом, накануне общеитальянской и общеевропейской революции 1848 г. Папская область в своей практике, экономической и финансовой политике, отчасти даже идеологии начала поворот в сторону моделей развития, характерных для других итальянских государств. Южный сосед — Королевство Обеих Сицилий — имел близкий к Папской области уровень экономического развития, схожее политическое и идеологическое наследие последних десятилетий, сталкивался с подобными трудностями и вызовами. Поворот, намечавшийся в 1846–1847 гг., был связан с характером (и возра-

---

²³ История формирования и краха этого мифа была рассмотрена недавно в статье французского историка: *Jeangène Vilmer J.-B. Lamartine et Pie IX: La France Face à La Question Nationale Italienne En 1846–1849 // Revue Historique de Droit Français et Étranger*. 2006. Vol. 84. N. 1. P. 71–85. — URL: <http://www.jstor.org/stable/43852295>. (дата обращения: 20.02. 2022).

²⁴ *Diario di Roma*. 16 novembre 1847.

том!) нового понтифика; специфика теократического государства не позволяла римским публицистам и политикам отчетливо видеть общность политической судьбы Рима и Италии. Даже начавшиеся в январе 1848 г. протестные выступления в Милане, Ливорно и других итальянских городах не вызвали тревоги в Курии: рост уголовной преступности и уличного насилия в Риме не вызвал никакой особенной тревоги и принятия дополнительных мер полицейского характера.

Последующие события, однако, показали тщетность надежд на особую, отличную от итальянской, политическую судьбу Папской области. Рухнули проекты неогвельфизма: учение Джоберти показало свою несостоятельность, а папство в ходе революции перешло от фактического подпитывания либеральных надежд в лагерь консервативных сил. После выхода в свет энциклики *Quanta cura* с печально известным Силлабусом (1864) государство, бывшее сначала символом сопротивления Наполеону, а позже — Реставрации, стало оплотом сопротивления полному объединению Италии. Администрация Пия IX, осознавая отчаянное положение перед лицом Рисорджименто, вела поиск новой политической роли своего государства. Попытка вернуть то, что оказалось под угрозой в результате предреволюционных либеральных преобразований, обернулась значительными имиджевыми потерями и тяжелым ущербом для отношений между папством и светским обществом объединенной Италии.

References

Adorni D. *Il brigantaggio // Storia d'Italia*. Annali 12. La criminalità. Torino: Einaudi, 1997. P. 283–322.

Anzilotti A. *Gioberti*. Firenze: Vallecchi, 1922. 436, IV p.

Bondarchuk V.S. *Ital'yanskoye Prosveshcheniye* [Italian Enlightenment] // *Obshchestvenno-politicheskaya mysl' yevropeyskogo Prosveshcheniya* [Socio-Political Thought of the European Enlightenment] / Ed. by N.M. Meshcheryakova. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 2002. P. 151–215.

Briano I. *Storia delle ferrovie in Italia*. Milano: Cavallotti, 1977. 288 p.

Candeloro G. *Istoriya sovremennoy Italii* [Storia dell'Italia moderna]. Vol. 2. *Ot Restavratsii do Natsional'noy revolyutsii* [Dalla Restaurazione alla Rivoluzione nazionale] / Transl. by V.S. Bondarchuk; ed. by N.V. Rudnitskaya. Moscow: Izdatel'stvo inostrannoy literatury, 1961. 569 p.

Demarco D. *Il tramonto dello Stato Pontificio. Il Papato di Gregorio XVI*. Torino: Einaudi, 1949. 304 p.

De Rita R. *Il monte di pietà di Roma. Credito e beneficenza alla fine dell'Ottocento*. Roma: Progetto Cultura ed., 2011. 191 p.

Gallio S. *Oggi è un'ora di viaggio. La costruzione della strada ferrata tra Milano e Bologna*. Bologna: CLUEB, 2009. 147 p.

Jeangène Vilmer J.-B. *Lamartine et Pie IX: La France face à la question nationale italienne en 1846–1849* // *Revue historique de droit français et étranger*. 2006. Vol. 84. N 1. P. 71–85.

Omodeo A. *Vincenzo Gioberti e la sua evoluzione politica*. Torino: Einaudi, 1941. 121 p.

Romeo R. *Mezzogiorno e Sicilia nel Risorgimento*. Napoli: Edizioni scientifiche italiane, 1963. 194 p.

Woolf S.J. *La storia politica e sociale // Storia d'Italia*. Vol. 3. Dal primo Settecento all'Unità. Torino: Einaudi, 1973. 1544 p.

Поступила в редакцию
15 марта 2022 г.

Г.В. Кривченков

**ВЛИЯНИЕ КРЕСТЬЯНСКОЙ ЭТИКИ
НА ПРАВОВУЮ ПРАКТИКУ ВОЛОСТНЫХ СУДОВ
(ПО МАТЕРИАЛАМ СМОЛЕНСКОЙ ГУБЕРНИИ
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX в.)**

G.V. Krivchenkov

**THE INFLUENCE OF PEASANT ETHICS ON THE LEGAL
PRACTICE OF VOLOST COURTS (ACCORDING TO THE
SMOLENSK PROVINCE SOURCES IN THE SECOND HALF
OF THE 19TH CENTURY)**

Аннотация. Крестьянская этика являлась основой взаимоотношений крестьян в общине, ее нормы во многом определялись патриархальными традициями и религиозным мировоззрением ее членов. На примерах приговоров волостных судов Смоленской губернии второй половины XIX в. в статье показано влияние крестьянской этики и связанных с ней правовых обычаев на отправление правосудия в крестьянской сословной волости. До отмены крепостного права трудовые, финансовые и поземельные отношения в общине регулировали правовые обычаи, поэтому и после 1861 г. волостные суды, состоявшие в большинстве своем из неграмотных крестьян, не знавших общегражданского законодательства, руководствовались правовыми обычаями. Характерными чертами волостного суда являлись отсутствие бюрократических процедур и простота делопроизводства. Судебные разбирательства часто заканчивались примирением сторон, так как в рамках религиозного мировоззрения крестьян разрешение возникавших споров и разногласий миром считалось богоугодным делом. В книгах приговоров волостных судов преобладали разбирательства, связанные с неисполнением крестьянами долговых и трудовых обязательств. Крестьяне, не исполнявшие обязательства, имели дурную репутацию в общине. За такие проступки волостные суды наказывали обычно денежным взысканием. Кражи как вид правонарушений в практике крестьянских сословных судов встречались редко. Крестьяне хорошо знали друг друга, часто испытывали

Кривченков Глеб Валентинович, аспирант факультета истории и права Смоленского государственного университета

Krivchenkov Gleb Valentinovich, Postgraduate Student, Department of Russian History, Faculty of History and Law, Smolensk State University

+ 7-910-118-14-84; krivcen123@gmail.com

нужду, связанную с малоземельем и неурожаями, в этих условиях отношение членов общины к краже было крайне отрицательным. На примере приговоров волостных судов показана также эволюция отношения крестьян к телесным наказаниям, которые в последней четверти XIX в. все чаще воспринимались негативно. Такая динамика свидетельствует об изменении сознания крестьян, пробуждении в них чувства собственного достоинства. Наказание розгами в общине стало считаться недопустимой мерой, унижающей крестьянина. Крестьянская этика оказывала существенное влияние на правовую практику волостных судов, поскольку крестьяне в пореформенный период продолжали жить по правовым обычаям в отличие от других сословий дореволюционной России.

Ключевые слова: Смоленская губерния второй половина XIX в., волостной суд, крестьянская этика, правовой обычай, телесные наказания, кражи среди крестьян.

Abstract. Peasant ethics was the basis for the relationship of peasants in the community, while its norms were largely determined by the patriarchal traditions and the religious stance of its members. Based on the sentences of the volost courts in the Smolensk province in the second half of the 19th century, the article shows the influence of peasant ethics and the related legal customs on the administration of justice in a peasant estate volost. Before the abolition of serfdom, labour, financial and land relations in the community were regulated by legal customs. That is why, after 1861, the volost courts, which consisted mostly of illiterate peasants who did not know general civil law, were guided by legal customs. The characteristic features of the volost court were the absence of bureaucratic procedures and the simplicity of paperwork. Litigation often ended with the reconciliation of the parties, since within the framework of the religious worldview of the peasants, the peaceful settlement of disputes and disagreements was considered a deed which was pleasing to God. The majority of litigation cases in the books of verdicts of the volost courts concerned the non-fulfilment of debt and labour obligations by peasants. Peasants who did not fulfil their obligations had a bad reputation in the community. For such offenses, the volost courts usually punished the culprits with a monetary penalty. Theft was a rare type of offense in the practice of peasant estate courts. The peasants knew one another well, and often experienced distress due to the lack of land and crop failures. Under these circumstances, the attitude of the community members to theft was extremely negative. The materials of the volost courts verdicts also show the evolution of the attitude of peasants to corporal punishment, which in the last quarter of the 19th century increasingly met a negative reaction. Such dynamics indicates a change in the consciousness of the peasants, and the awakening in them a sense of dignity. Punishment with rods in the community began to be considered an unacceptable measure that humiliates the peasant. Peasant ethics had a significant impact on the legal practice of volost courts, since peasants in the post-reform period continued to live according to legal customs, unlike other classes of pre-revolutionary Russia.

Keywords: Smolensk province in the second half of the 19th century, volost court, peasant ethics, legal custom, corporal punishment, theft among peasants.

После отмены крепостного права в 1861 г. в бывшей помещицкой деревне появились сословные волостные суды, заменившие вотчинный суд помещиков. Дореволюционная историография, занимавшаяся изучением деятельности волостных судов, поставила задачу изучения влияния крестьянских обычаев на правопорядок и правосознание крестьян и вопрос о возможности распространения на крестьян общегражданских законов¹. В советской историографии изучению волостных судов уделялось меньше внимания. Среди немногочисленных работ советских историков следует отметить статью П.Н. Зырянова «Обычное гражданское право в пореформенной общине», в которой автор писал о противоречивости правовых обычаев и необходимости ввести в практику волостных судов «твердые основания писаного права»².

Работы современных исследователей волостного суда выполнены на материалах региональных архивов³. Это дает возможность изучить особенности правовой практики волостных судов в отдельных регионах дореволюционной России. Однако современная историография мало интересуется влиянием крестьянской этики на правовую практику волостных судов. В то же время учет этического фактора позволит более полно изучить развитие правового сознания крестьян в условиях изменений в крестьянской общине под влиянием модернизации.

Крестьянская этика как система взаимоотношений между крестьянами влияла на содержание норм обычного права. Торжество обычного права в волостных судах подпитывалось и государственными законами, дававшими широкий простор правовому обычаю в разрешении хозяйственных и административных вопросов крестьянской общины. Официальное законодательство не могло

¹ Астырев Н.М. В волостных писарях. Очерки крестьянского самоуправления. М., 1896; Дашкевич Г.И. О волостном суде и его реформе: из наблюдений над крестьянским самоуправлением. Вильна, 1885; Зарудный М.И. Законы и жизнь. Исследование крестьянских судов СПб., 1874; Скоробогатый П. Устройство крестьянских судов. М., 1880; Леонтьев А.А. Крестьянское право. СПб., 1909.

² Зырянов П.Н. Обычное гражданское право в пореформенной общине // Ежегодник по аграрной истории. Вып. 6. Вологда, 1976. С. 96–98.

³ Горская Н.И. Свободный крестьянин перед мировым и волостным судом (местная юстиция в 1860–1880-е гг.) // Российская история. 2011. № 1. С. 28–41; Она же. Волостные суды конца XIX — начала XX века (по материалам Сычевского уезда Смоленской губернии) // Вопросы истории. 2017. № 5. С. 69–73; Земцов Л.И. Волостной суд в России в 60-х — первой половине 70-х годов XIX века (по материалам Центрального Черноземья). Воронеж, 2002; Понн И.А. Крестьянская юстиция в пореформенный период // Вопросы истории. 2017. № 9. С. 66–76.

их решить⁴. Обычное право выступало в качестве совокупности житейских понятий, которыми руководствовались крестьяне при поддержании правопорядка в общине и организации волостного правосудия. По этой причине для крестьян, слабо разбиравшихся в тонкостях судебного процесса, правовые обычаи становились единственным источником права, которые вырабатывались в общине и действовали в обществах, не тронутых цивилизацией⁵.

По «Общему положению о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости»⁶ волостной суд состоял из крестьян-домохозяев сельского общества и действовал на основании правовых обычаев. Как орган правосудия волостной суд берет свое начало от крестьянской расправы, образованной после реформы государственной деревни П.Д. Киселева. Однако крестьянский суд 1861 г. не был создан полностью по лекалам суда государственной деревни. По мнению академика Н.М. Дружинина, в волостном суде государственных крестьян административная и судебная власти были отделены друг от друга. В государственной деревне председателем сельской расправы являлся сельский старшина, а волостной расправы — волостной голова. Такая ситуация развязывала руки должностным лицам крестьянского самоуправления, позволяя им влиять на ход дел, рассматриваемых в суде⁷. Общее Положение, наоборот, защищало волостной суд от злоупотреблений должностных лиц крестьянского самоуправления. Согласно Общему положению, выборные лица крестьянского общественного управления «не должны вмешиваться в производство волостного суда и не присутствуют при обсуждении дел»⁸.

Вместе с тем, это были крестьянские суды и, несмотря на некоторые различия, они являлись центрами крестьянского правосудия, в которых деревенские жители защищали свои интересы, самостоятельно вели судебный процесс без привлечения уездной администрации.

В пореформенной деревне в состав волостных судов избиралось от 4 до 12 судей, а в разбирательстве дела принимали участие не менее трех судей⁹. Волостной суд рассматривал крестьянские споры о движимом и недвижимом имуществе ценой до 100 руб. Однако подобные разбирательства касались имущественных споров в пределах

⁴ Скоробогатый П. Указ. соч. С. 39.

⁵ Добровольский В.Н. Смоленский этнографический сборник. Ч. II. СПб., 1893. С. 355.

⁶ ПСЗ-II. Т. 36. Ч. 1. № 36657. СПб., 1863. Ст. 93.

⁷ Дружинин Н.М. Государственная деревня и реформа П.Д. Киселева. Т. 2. М., 1958. С. 565.

⁸ ПСЗ-II. Т. 36. Ч. 1. № 36657. СПб., 1863. Ст. 104.

⁹ Там же. Ст. 96, 98.

крестьянского надела. Разбирательства в отношении имущества вне крестьянского надела передавались в мировые суды при согласии одной из сторон, участвовавшей в судебном процессе¹⁰. Уголовные проступки законодательство заключило в более жесткие правовые рамки. За совершенные правонарушения крестьяне наказывались денежным взысканием до трех рублей, арестом до семи дней, розгами до 20 ударов или общественными работами до шести дней¹¹. В связи со сложностью организации, общественные работы как мера наказания волостными судами Смоленской губернии не использовалась, в 1889 г. она вовсе была отменена.

Несмотря на широкий спектр наказаний, предусмотренных крестьянской юстицией, главная задача волостного суда заключалась в примирении сторон. Такое стремление крестьянского правосудия было основано на религиозном мировоззрении и традициях жизни в общине, в которой каждый крестьянин воспринимал себя ее частью. В рамках крестьянской этики примирение сторон являлось естественным итогом судебного разбирательства¹². Примеров тому множество. Так, крестьянин деревни Настасьино Дмитрий Ефимов обратился в Соколино-Субботинский волостной суд Сычевского уезда с требованием взыскать с крестьянина Трофима Карпова 39 рублей по расписке. Трофим Карпов добровольно согласился выплатить всю сумму¹³. По другому судебному разбирательству этого же суда крестьянин Василий Александров просил взыскать с крестьянина Сергея Максимова 50 коп. за веревку, которую тот ему не вернул. Сергей Максимов на суде отдал веревку Василию Александрову. Разбирательство было прекращено¹⁴.

О стремлении крестьян завершать судебные разбирательства миром писал известный общественный деятель, ученый и публицист А.Н. Энгельгардт. В письмах «Из деревни» он особо выделяет примеры из правовой практики волостного суда, которые завершались примирением. А.Н. Энгельгардт описал случай кражи у местного житочного крестьянина Матова воловьей кожи. Матов начал искать преступника. Свидетели указали на деревенского пьяницу Костика, несшего кожи на продажу. Рассмотрение дела в волостном суде завершилось примирением сторон, так как вор сознался в краже, а непроданные кожи вернул обратно. За проданные кожи он воз-

---

¹⁰ Там же. Ст. 101.

¹¹ Там же. Ст. 103.

¹² *Вороновский Вл.* Сословная обособленность крестьян // *Право.* 1904. № 22. С. 36.

¹³ ГАСО. Ф. 927. Оп. 1. Д.3. 1890–1891. Л. 54.

¹⁴ Там же. Л. 58.

местил материальный ущерб в размере двойной их стоимости¹⁵. Другое разбирательство крестьян, которое завершилось миром и которое мы находим у Энгельгардта, касалось случая в деревенском кабаке. Его содержатель поручил своему работнику присмотреть за заведением, но работник вместе с товарищами выпил всю водку, превратившись из сторожа в вора. На заседании волостного суда дело закончилось миром. Виновные признались в совершении кражи и заплатили двойную стоимость водки. Работник остался на службе содержателя кабака, потому что, по мнению суда, он «прелестнейший и добрейший человек, но любит выпить, а выпивши, хочет еще выпить, и, чтобы достать водки, готов пойти на воровство водки, но не чего-нибудь другого»¹⁶.

Крестьянская этика, побуждая членов сельского общества к разрешению споров и тяжб миром, отодвигала сиюминутные материальные расчеты на задний план, сглаживала имевшиеся среди крестьян раздоры. Если бы зажиточный крестьянин Матов обратился с жалобой в полицию, то «в глазах же крестьян сильно бы потерял, что неблагоприятно отозвалось на его торговых делах. Не лучше ли кончить все полюбовно, по-божески?»¹⁷.

В условиях низкого уровня грамотности волостные суды придавали большое значение свидетельским показаниям. Крестьянская этика исключала лжесвидетельство, а члены сельского общества, приглашенные на суд, старались в точности изложить суть дела. В то же время крестьяне не хотели быть свидетелями в суде, так как остерегались негативной ответной реакции со стороны осужденных односельчан¹⁸. О роли свидетельских показаний в крестьянской юстиции говорит делопроизводственная документация Соколино-Субботинского волостного суда. Согласно книгам приговоров суда, во всех разбирательствах, где свидетели не подтвердили показаний жаловавшегося крестьянина, решения выносились в пользу ответчика¹⁹. Например, в суд обратился крестьянин деревни Ложкино Иван Гусев, обвинивший крестьян деревни Гайдуково Михаила Захарова, Макара Васильева и Корнея Антонова в том, что они не выполнили работу по «намятию льна» за потраву его поля. Гусев хотел взыскать с крестьян деньги за потраву, но они настояли на отработке

---

¹⁵ Энгельгардт А.Н. Из деревни. 12 писем. 1872–1887. СПб., 1999. С. 36–38.

¹⁶ Там же. С. 38–39.

¹⁷ Там же. С. 38.

¹⁸ Шатковская Т.В. Обычное право российских крестьян второй половины XIX века — начала XX века: историко-правовой аспект. Дис. ... канд. ист. наук. Ростов-на-Дону, 2009. С. 176.

¹⁹ ГАСО. Ф. 927. Оп. 1. Д. 2. 1890; Д. 3. 1890–1891.

за причиненный ущерб. Крестьяне пришли к Гусеву, поработали несколько часов, затем попросили за работу водки. Гусев им отказал. После этого крестьяне ушли, так и не выполнив работу. Иван Гусев просил волостной суд, чтобы крестьяне закончили свою работу или выплатили 15 рублей материального ущерба. Опрошенные свидетели не дали точных подтверждений устной договоренности. Ввиду недоказанности взаимных обещаний Гусева и крестьян-ответчиков, суд принял решение в пользу крестьян и отказал в иске Гусеву²⁰. Этот случай интересен еще и тем, что суд проиграл зажиточный крестьянин. Показания свидетелей оказались весомее других обстоятельств. Кроме прочего этот случай показывает, что устные договоренности очевидно теряли силу в крестьянской среде, более надежным становилось заключение письменных договоров даже между хорошо знакомыми людьми.

Еще одним примером влияния свидетельских показаний на приговор волостного суда является дело Сожинского суда Смоленского уезда, связанное с оскорблением крестьянина. Оно показывает, что у крестьян растет чувство самоуважения, появляется потребность обращения в суд за защитой чести и достоинства, что в крепостную эпоху было невозможно. Крестьянин деревни Берцово Виктор Николаев пожаловался на крестьянина Семена Михайлова за нанесение ему «площадными словами» устных оскорблений и двух ударов по лицу. По показаниям свидетелей Владимира Иванова, Никиты Васильева и Стефана Демьянова, Семен Михайлов действительно нанес Виктору Николаеву оскорбление «площадными словами» и ударами по лицу, так как считал, что тот распространяет про него нехорошие слухи. По решению суда крестьянина-ответчика за совершенный проступок приговорили к денежному взысканию в размере двух рублей²¹.

Приведенные примеры из повседневной правовой практики волостных судов наглядно подтверждают, что в крестьянском суде решение по делу напрямую зависело от свидетельских показаний. Волостной суд исходил из неписаной нормы, исключавшей лжесвидетельство, и придавал свидетельским показаниям значение «царицы доказательств».

В исторической литературе существует мнение о распространении воровства в крестьянской среде. Однако изучение практики волостных судов опровергает это представление. Действительно, в практике волостных судов встречались такие уголовные проступки,

---

²⁰ Там же. Д. 3. 1890–1891. Л. 12–13.

²¹ Там же. Д. 1. 1886. Л. 17–18.

как кражи. Крестьяне воровали друг у друга вещи, которые им требовались в повседневной жизни. Изучение судебных материалов показывает, что «не чистыми на руку» были бедные крестьяне, которые «брали» самое необходимое. Приведем несколько примеров. По приговору Кощинского волостного суда Смоленского уезда крестьянин деревни Копанки Фрол Михайлов за кражу ремня от хомута лошади у отставного рядового Захара Иванова был приговорен к взысканию в размере двух рублей²². По приговору Красноболотовского волостного суда Дорогобужского уезда крестьянина Егора Сиднева за кражу полушубка приговорили к взысканию в размере трех рублей²³. В то же время кражи не были распространенным явлением в смоленской деревне. Это хорошо видно из перечня дел в книгах приговоров волостных судов. По книге приговоров Кощинского волостного суда, из 19 жалоб за 1877 г. поданных крестьянами, только одна была по поводу кражи; по книге Сожинского суда, из 47 жалоб за 1886 г. только две касались кражи. В Соколино-Субботинском суде из 69 дел 1888 г. три относились к кражам; в Ярыгинском из 26 дел того же года четыре были делами о краже²⁴.

Небольшое количество дел в волостных судах относительно краж связано с тем, что крестьянская среда строго осуждала воровство. Для крестьянина заповедь «не укради» не являлась пустым звуком. «Кража скошенного сена на лугу, хлеба на поле, хотя никто не сторожит — вещь совсем исключительная, покрывающая виновника позором»²⁵. Поэтому в сельской местности было обычным явлением для путника оставить деньги в стоге сена за прокорм лошади. Крестьяне также возвращали в больших объемах хлеб в скирды, взятый ими в неурожайный год²⁶. Однако к вору, укравшему у богатого человека, крестьяне относились снисходительнее, чем к вору, укравшего у бедняка²⁷. В общине крестьяне жили бедно, терпели лишения, вызванные малоземельем и частыми неурожаями. Поэтому кражи в общине воспринимались как самый дурной проступок.

Большое количество дел, поступавших в волостные суды, касались не краж, а неисполнения крестьянами своих долговых

---

²² ГАСО. Ф. 925. Оп. 1. Д. 2. 1877. Л. 2.

²³ ГАСО. Ф. 1193. Оп. 1. Д. 1. 1889. Л. 24.

²⁴ ГАСО. Ф. 925. Оп. 1. Д. 2. 1877; Ф. 927. Оп. 1. Д. 1. 1886; Д. 2. 1890–1891; Ф. 926. Оп. 1. Д. 1. 1888.

²⁵ Громыко М.М. Традиционные нормы поведения и формы общения русских крестьян XIX века. М., 1986. С. 143.

²⁶ Там же.

²⁷ Фирсов Б.М. Структуры повседневной жизни русских крестьян конца XIX века (опыт этнографического исследования) // Социологические исследования. 1992. № 4. С. 13.

и трудовых обязательств. Они составляли около трети от всех разбирательств волостных судов. Из книг приговоров видно, что в Сожинском суде (1886 г.) к неисполнению долговых и трудовых обязательств относилось 36,1% дел; в Кощинском суде (1877 г.) — 36,8% дел; в Ярыгинском суде (1888 г.) — 38,3%; в Соколино-Субботинском (1888 г.) — 39,1%²⁸. Крестьянская этика в пореформенный период по-прежнему влияла на правовые обычаи и повседневную жизнь крестьянина в сельском обществе. Например, по правовому обычаю наниматель должен с уважением относиться к своему работнику, не оскорблять его и вовремя с ним рассчитываться. В противном случае работник мог отказаться от выполнения своих трудовых обязательств, не возвращая задаток нанимателю²⁹.

Трудовая деятельность и степень овладения трудовыми навыками влияли на социальный статус крестьянина в общине, формируя негативную или положительную репутацию в глазах ее членов³⁰. Поэтому волостные суды достаточно подробно рассматривали дела, связанные с неисполнением крестьянами долговых и трудовых обязательств. Известен случай, когда в Кощинский волостной суд с жалобой на крестьянина Никиту Ивлева и его жену обратился землевладелец Христиан Николаев. Землевладелец обвинил крестьян в неисполнении трудовых обязательств. Он взял крестьян в работники на год, заплатив 10 рублей. Однако крестьяне не доработали положенного срока и не выполнили работу. Землевладелец просил суд взыскать с крестьян 10 рублей за причиненные убытки. В суде свидетель Тихон Иванов подтвердил, что крестьяне действительно «самовольно против рабочего времени ушли от Николаева». Поэтому согласно приговору суда с крестьян взыскали 10 рублей в пользу землевладельца³¹. Дело Ярыгинского суда Сычевского уезда сообщает о крестьянине д. Осипово Василии Федорове, который обратился с жалобой на своего односельчанина Афанасьева Савельева за невыплату ему по расписке долга в размере 8 рублей. Афанасий Савельев наличие расписки не опроверг, однако доказать уплату долга Василию Федорову на суде он не смог. По решению суда крестьянин обязан был выплатить полную сумму долга³².

²⁸ ГАСО. Ф. 927. Оп. 1. Д. 1886; Ф. 925. Оп. 1. Д. 2. 1877; Ф. 926. Оп. 1. Д. 1. 1888; Ф. 927. Оп. 1. Д. 3. 1890–1891.

²⁹ *Ерин П.В.* Общественное управление и сельское правосудие русских крестьян на рубеже XIX — XX веков (на материалах Тамбовской губернии). Дис. ... канд. ист. наук. Тамбов, 2014. С. 148.

³⁰ *Ефименко А.Я.* Исследования народной жизни. Обычное право. М., 1884. С. 108.

³¹ ГАСО. Ф. 925. Оп. 1. Д. 2. 1877. Л. 23.

³² ГАСО. Ф. 926. Оп. 1. Д. 1. 1888. Л. 31.

Важным вопросом при изучении влияния крестьянской этики на правовую практику волостных судов является отношение членов общины к телесным наказаниям. В 1860–1880-х гг. розги часто использовались волостными судами в качестве меры наказания по всей России. Дореволюционный исследователь и деятель земской медицины Смоленской губернии Д.Н. Жбанков отмечал, что телесные наказания в волостных судах применялись часто в зависимости от любви к ним волостных судей и представителей уездной администрации³³. После отмены крепостного права наказание розгами воспринималась крестьянами, жившими столетиями под властью помещиков, обычным делом. Крестьяне не понимали, почему следует ограничить применение розог в волостных судах. Поэтому крестьянские судьи не скупались на количество ударов при оглашении приговора, наказывая даже девушек и женщин, которые по закону 1863 г. не подлежали телесным наказаниям³⁴.

Однако во второй половине XIX в. «авторитет» розог в деревне снижался. Крестьяне начали воспринимать телесные наказания негативно, поскольку они унижали человеческое достоинство. По отношению к телесным наказаниям проявлялся «конфликт поколений» среди членов крестьянской общины. Крестьяне, жившие в крепостническую эпоху, выступали за применение розог как меры наказания. Молодые крестьяне, наоборот, считали, что свободного человека сечь недопустимо³⁵. Такое представление всё больше набирало силу в деревне, поэтому крестьянин, наказанный телесно, мог полностью потерять уважение в общине. Об этом свидетельствует приведенный Д.Н. Жбанковым в качестве примера случай из «Смоленского вестника». В Ельнинском уезде крестьянина Фомина за избиение своей соседки, якобы увезший несколько деревьев с его участка, волостной суд приговорил к наказанию 10 ударами розог. Фомин, человек тихий и трезвой жизни, после приговора пребывал в удрученном состоянии. По мнению крестьянина, он потеряет уважение своих односельчан и счастье в семье. Об этом говорил Фомину и его тесть: «меня уже ни жена, ни дети не могут попрекнуть, что я опозорил себя»³⁶.

По приговорам волостных судов Смоленской губернии в 1880-е гг. телесные наказания применялись редко и, как правило, — за нарушение общественного порядка в волости. В Ярыгинском суде

---

³³ Жбанков Д.Н. Хроника телесных наказаний. СПб, 1901. С. 7.

³⁴ Горская Н.И. Розги для крестьян: из истории телесных наказаний в России // Право, общество, государство: проблемы теории и истории. М., 2021. С. 100.

³⁵ Там же. С. 100–101.

³⁶ Жбанков Д.Н. Указ соч. С. 7–8.

(1888 г.) из 26 разбирательств телесные наказания волостные судьи применили в трех случаях; в Сожинском суде (1886 г.) из 47 случаев — в 5; Соколино-Субботинском (1888 г.) из 69 — в 11³⁷. Розги назначались за проступки, связанные с телесными повреждениями. Например, крестьянин Стефан Артемьев (Ярыгинский суд) был приговорен к 19 ударам розог за драку на сельском сходе³⁸, а крестьянин Николай Семенов (Сожинский суд) получил 20 ударов розгами за избиение и оскорбление нецензурными словами сельского старосты Тихона Фролова³⁹.

Таким образом, в последней четверти XIX в. волостные суды начали отказываться от повсеместного использования телесных наказаний. Ломка общинных отношений и развитие отходничества вели к изменениям в этических представлениях крестьян, пробуждению чувства собственного достоинства у членов общины. Это чувство шло вразрез с практикой телесных наказаний, которая ассоциировалась с унижением человека. Однако правительство вплоть до 1904 г. продолжало считать крестьян неполноправным сословием и разрешало применение розог по приговорам волостных судов.

Весьма распространенным пороком в русской пореформенной деревне являлось пьянство. За пьянство, согласно приговорам волостных судов, крестьян наказывали по жалобам должностных лиц волости, в частности, сельских старост и полицейских урядников. Должность полицейского урядника была введена в 1878 г. Урядники поддерживали правопорядок в деревне, контролировали деятельность низших полицейских чинов — десятских и сотских⁴⁰. Жалобы урядников на крестьян преимущественно были связаны с обвинением в пьянстве и неподобающем поведении. Так, по делу Соколино-Субботинского суда полицейский урядник Башилов обвинил крестьянина Евгения Иванова в том, что тот находился на улице в пьяном виде и нарушал общественный порядок. По приговору суда крестьянин получил трехдневный арест⁴¹. По приговору Ярыгинского суда крестьянин Егор Дмитриев по жалобе урядника был приговорен к 15 ударам розог за драку и нахождение в пьяном виде⁴².

---

³⁷ ГАСО. Ф. 926. Оп. 1. Д. 1. 1888; Ф. 927. Оп. 1. Д. 1. 1886; 1. Д. 3. 1890–1891.

³⁸ ГАСО. Ф. 926. Оп. 1. Д. 1. 1888. Л. 7.

³⁹ ГАСО. Ф. 927. Оп. 1. Д. 1. 1886. Л. 31.

⁴⁰ Будаев Д.И. Смоленская деревня в конце XIX — начале XX века. Смоленск, 1972. С. 92.

⁴¹ ГАСО. Ф. 927. Оп. 1. Д. 3. 1890–1891. Л. 27.

⁴² Там же. Л. 11.

Наказание крестьян за пьянство и нарушение общественного порядка по жалобам сельских старост в приговорах волостных судов встречается реже. Из восьми жалоб, поступивших в Сожинский суд (1886 г.) от должностных лиц крестьянского самоуправления и полицейских чинов, две было подано сельскими старостами⁴³, а в Красноболотовском суде (1889 г.) из шести аналогичных жалоб только одна была подана старостой⁴⁴.

Сельские старосты по причине устойчивой материальной зависимости от общины и тесных связей с ней так и не стали государственными чиновниками⁴⁵. Следовательно, несмотря на свой более высокий социальный статус в деревне, староста, как и остальные члены общины, продолжал следовать неписаным нормам крестьянской жизни. Жалобы по незначительным проступкам община не приветствовала, а староста оставался членом общины. Тем не менее, в практике волостных судов встречались случаи наказания крестьян за пьянство по жалобе старосты. Старосты, занимая свою должность, не хотели портить отношения с односельчанами. Неспроста в пореформенной деревне бытовало выражение: «сейчас ты староста, а потом я»⁴⁶.

Таким образом, волостной суд больше соответствовал потребностям крестьян, нежели коронный суд, в котором главенствовал письменный закон, а его правовые нормы были понятны образованному обществу, но не крестьянскому сословию. Большое влияние на правовую практику волостных судов оказывала крестьянская этика, в основе которой лежали религиозное мировоззрение и вековые традиции жизни крестьян в общине. По этой причине большинство дел волостные суды стремились решать миром. Неоспоримыми достоинствами волостного правосудия, утверждавшими его авторитет в крестьянской общине, являлись простота и бесплатность судопроизводства. Волостной суд славился отсутствием чрезмерных бюрократических процедур, которые тормозили судебный процесс. Он защищал крестьян от дополнительных материальных затрат, позволял надолго не покидать деревню, тем самым не отрывая их от сельскохозяйственных работ или занятий кустарными промыслами. Эти обстоятельства повышали значение волостного суда в глазах крестьянства.

---

⁴³ Там же. Д. 1. 1886.

⁴⁴ ГАСО. Ф. 1193. Оп. 1. Д. 2. 1889.

⁴⁵ *Миронов Б.Н.* Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.). СПб., 2000. Т. 1. С. 464.

⁴⁶ *Ерин П.В.* Указ. соч. С. 91.

References

Astyrev N.M. *V volostnykh pisaryakh. Ocherki krest'yanskogo samoupravleniya* [In the Capacity of the Volost Clerk. Essays on Peasant Self-Government]. Moscow: Redaktsiya zhurnala "Russkaya mysl", 1896. 324 p.

Budayev D.I. *Smolenskaya derevnya v kontse XIX — nachale XX veka* [Smolensk Village in the Late 19th – Early 20th Centuries]. Smolensk: Moskovskiy rabochiy, 1972. 467 p.

Dashkevich G.A. *O volostnom sude i yego reforme: iz nablyudeniye nad krest'yanskim samoupravleniyem* [The Volost Court and Its Reform: From Observations on Peasant Self-Government]. Vil'na: Tipografiya A.G. Syrkin, 1885. 109 p.

Dobrovol'skiy V.N. *Smolenskiy etnograficheskiy sbornik* [Handbook of Smolensk Ethnography]. Part 2. Saint Petersburg: Tipografiya S.N. Khudekova, 1893. 443 p.

Druzhinin N.M. *Gosudarstvennaya derevnya i reforma P.D. Kiseleva* [State-Owned Village and the P.D. Kiselev's Reform]. In 2 vols. Vol. 2. Moscow: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1958. 617 p.

Firsov B.M., Kiseleva I.G. *Struktury povsednevnoy zhizni russkikh krest'yan kontsa XIX veka (opyt etnosotsiologicheskogo issledovaniya)* [Structures of Everyday Life of Russian Peasants of the Late 19th Century (A Case of Ethno-Sociological Research)] // *Sotsiologicheskiye issledovaniya*. 1992. N 4. P. 3–14.

Gorskaya N.I. *Rozgi dlya krest'yan: iz istorii telesnykh nakazaniy v Rossii* [Rods for Peasants: From the History of Corporal Punishment in Russia] // *Pravo, obshchestvo, gosudarstvo: problemy teorii i istorii: sbornik statey* [Law, Society, State: Problems of Theory and History: A Collection of Articles]. Moscow: Moskovskiy universitet Ministerstva vnutrennikh del Rossiyskoy Federatsii imeni V.Ya. Kikotya, 2021. P. 100–102.

Gorskaya N.I. *Svobodnyy krest'yanin pered mirovym i volostnym sudom (mestnaya yustitsiya v 1860–1880-ye gg.)* [The Free Peasant Standing Trial in Magistrates' and Volost Court (Local Justice in the 1860s–1880s)] // *Rossiyskaya istoriya*. 2011. N 1. P. 28–41.

Gorskaya N.I. *Volostnyye sudy kontsa XIX — nachala XX veka (po materialam Sychevskogo uyezda Smolenskoj gubernii)* [Volost Courts of the Late 19th — Early 20th Centuries (According to the Sychevsky District Sources of the Smolensk Province)] // *Voprosy istorii*. 2017. N 5. P. 69–73.

Gromyko M.M. *Traditsionnyye normy povedeniya i formy obshcheniya russkikh krest'yan XIX veka* [Traditional Norms of Behavior and Forms of Communication of Russian Peasants of the 19th Century]. Moscow: Nauka, 1986. 274 p.

Leont'yev A.A. *Krest'yanskoye pravo* [Peasant Law]. Saint Petersburg: Zakonovedeniye, 1909. 401 p.

Mironov B.N. *Sotsial'naya istoriya Rossii perioda imperii (XVIII — nachalo XX v.)* [Social History of Russia in the Imperial Period (18th — Early 20th Centuries)]. In 2 vols. Vol. 1. Saint Petersburg: Dmitriy Bulanin, 2000. 568 p.

Popp I.A. *Krest'yanskaya yustitsiya v poreformennyy period* [Peasant Justice in the Post-Reform Period] // *Voprosy istorii*. 2017. N 9. P. 66–76.

Shatkovskaya T.V. *Obychnoye pravo rossiyskikh krest'yan vtoroy poloviny XIX veka — nachala XX veka: istoriko-pravovoy aspekt: dissertatsiya ... doktora yuridicheskikh nauk* [Customary Law of Russian Peasants in the Second Half of the 19th — Early 20th Centuries: Historical and Legal Aspect: Dissertation for the Degree of Doctor of Law]. Rostov-na-Donu: Rostovskiy yuridicheskiy institut MVD RF, 2009. 596 p.

Skorobogatyy P. *Ustroystvo krest'yanskikh sudov* [Arrangement of Peasant Courts]. Moscow: Tipografiya A.I. Mamontova i Co, 1880. 68 p.

Voronovskiy V.I. *Soslovnaya obosoblennost' krest'yan* [Isolation of Peasant Estate] // *Pravo*. 1904. N 22. P. 32–38.

Yefimenko A.Ya. *Issledovaniya narodnoy zhizni. Obychnoye pravo* [Studies of Folk Life. Customary Law]. Moscow: Tipografiya V.A. Kasperova, 1884. 322 p.

Yerin P.V. *Obshchestvennoye upravleniye i sel'skoye pravosudiye russkikh krest'yan na rubezhe XIX–XX vekov (na materialakh Tambovskoy gubernii): dissertatsiya ... kandi-data istoricheskikh nauk* [Public Administration and Rural Justice Concerning Russian Peasants at the Turn of the 19th–20th Centuries (According to the Sources of the Tambov Province): PhD Candidate Dissertation in History]. Tambov: Tambovskiy gosudarstvennyy tekhnicheskii universitet, 2014. 229 p.

Zarudnyy M.I. *Zakony i zhizn'. Issledovaniye krest'yanskikh sudov* [Laws and Real Life. A Study of Peasant Courts]. Saint Petersburg: Tipografiya Vtorogo otdeleniya Sobstvennoy yego imperatorskogo velichestva kantselyarii, 1874. 221 p.

Zemtsov L.I. *Volostnoy sud v Rossii v 60-x — pervoy polovine 70-kh godov XIX veka (po materialam Tsentral'nogo Chernozem'ya)* [The Volost Court in Russia in the 1860s — the First Half of the 1870s (Based on Materials from the Central Chernozem Region)]. Voronezh: Izdatel'stvo VGU, 2002. 448 p.

Zhbankov D.N. *Khronika telesnykh nakazaniy* [Chronicle of Corporal Punishment]. Saint Petersburg: Tipografiya Ya. Trey, 1901. 55 p.

Zyryanov P.N. *Obychnoye grazhdanskoye pravo v poreformennoy obshchine* [Customary Civil Law in the Post-Reform Peasants Community] // *Yezhegodnik po agrarnoy istorii* [Yearbook of Agrarian History]. Issue 6. Vologda: Izdatel'stvo VGPI, 1976. P. 96–98.

Поступила в редакцию
14 апреля 2022 г.

М.А. Барабанова

**К БИОГРАФИИ НАРОДОВОЛЬЦА
МИХАИЛА ГРАЧЕВСКОГО (1849–1887)**

M.A. Barabanova

**NOTES TO THE BIOGRAPHY OF NARODOVOLETS
MIKHAIL GRACHEVSKY (1849–1887)**

Аннотация. Самоубийства политических заключенных Шлиссельбурга и других тюрем в царской России не были редкостью. О Михаиле Грачевском сложилось представление, что самоубийством он пытался заставить власти смягчить тюремный режим и пожертвовал собой ради товарищей по заключению. В данной статье предпринимается попытка установить истинную причину самоубийства. Рассматривается путь Грачевского в революцию, анализируются его личностные качества. Вскоре после первого ареста Грачевский примыкает к народникам, ведет пропаганду среди рабочих, за которую и был арестован. Трехлетнее заключение в одиночной камере, участие в Процессе 193-х (1877–1878 гг.) окончательно формируют его как революционера. Сосланный в Холмогоры Архангельской губернии, он бежит, а затем присоединяется к революционной организации «Народная воля», входит в ее Исполнительный комитет. Многочисленные аресты народovolьцев в 1881 г. выдвигают его на первые роли в организации. К моменту ареста 5 июня 1882 г. Грачевский — один из опытейших революционеров, он участвовал в нескольких терактах, работал в подпольных типографиях, вел пропаганду в провинции. Неудивительно, что такая ответственная, опасная работа истощила его нервную систему. Будущее предвещало лишь арест и виселицу, Грачевский не ждет для себя другого, но его мучает вина: народovolec, видимо, по неосторожности навел полицию на конспиративную квартиру, где были арестованы многие товарищи. В показаниях он

Барабанова Мария Андреевна, кандидат исторических наук, ассистент кафедры истории России XIX века — начала XX века исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Barabanova Maria Andreevna, PhD Candidate in History, Assistant Professor, Department of Russian History of the Nineteenth and Early Twentieth Centuries, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University
+7-916-877-90-42; mariapankina92@ya.ru

Исследование выполнено при поддержке Междисциплинарной научно-образовательной школы Московского университета «Сохранение мирового культурно-исторического наследия».

This research has been supported by the Interdisciplinary Scientific and Educational School of Moscow University “Preservation of the World Cultural and Historical Heritage”.

берет максимум вины на себя, но суд по процессу 17-ти (1883 г.) приговаривает его к пожизненной каторге. Грачевский оказывается в каменном мешке Шлиссельбурга, где и покончит с собой спустя три года. Прежде подробно не исследовавшийся вопрос о причинах самоубийства Грачевского решается автором в пользу потери им рассудка вследствие тяжелых условий заключения. На основе официальных донесений врача и смотрителя тюрьмы и мемуаров шлиссельбуржцев восстанавливается хронологическая картина состояния народовольца.

Ключевые слова: «Народная воля», Шлиссельбургская крепость, одиночное заключение, политический заключенный, самоубийство заключенных, мемуары шлиссельбуржцев.

Abstract. Political prisoners' suicide in Schlisselburg and other prisons in Tsarist Russia was not uncommon. The opinion that Mikhail Grachevsky attempted to force mitigation of the prison regime and sacrificed himself for the sake of his fellow inmates is generally accepted. While analyzing Grachevsky's path to the revolution and his personal qualities, the article examines the real reason for his suicide. Soon after his first arrest Grachevsky joined the Narodniks, led propaganda among the workers, for which he was arrested. Three years of solitary confinement, participation in the trial of 193 (1877–1878) formed him as a revolutionary. He was sent into exile to Kholmogory (Arkhangelsk province) and escaped, then joined the revolutionary organization Narodnaya Volya and became a member of its Executive Committee. Numerous arrests of his colleagues in 1881 put him at the forefront of the organization. By the time of his arrest on 5 June 1882 Grachevsky was one of the most experienced revolutionaries, who participated in several terrorist attacks, worked in underground printers and led propaganda in provinces. Not surprisingly, such responsible, dangerous activity had exhausted his nervous system. The future promised only arrest and the gallows, and Grachevsky expected nothing else for himself. He was also tormented by guilt, because he carelessly led the police to the safe apartment where many members of Narodnaya Volya were arrested. He took the most blame and was sentenced to life imprisonment in the trial of 17 (1883). Grachevsky ended up in a prison cell at Schlisselburg, where he committed suicide three years later. The author examines Grachevsky's medical case as revealed by the official reports of the doctor and jail warden and the memoirs of Schlisselburg's prisoners and argues that he lost his mind due to harsh imprisonment conditions.

Keywords: *Narodnaya Volya*, Schlisselburg Fortress, solitary confinement, political prisoner, suicide of prisoners, memoirs of Schlisselburg's prisoners.

* * *

26 октября 1887 г. в камере № 9 Старой тюрьмы Шлиссельбургской крепости бессрочный каторжанин, народоволец Михаил Федорович Грачевский облил себя керосином и совершил самоубийство. Когда смотритель и охранники ворвались в камеру, на спасение заключенного не было ни единого шанса.

Содержавшаяся в то время в Старой тюрьме Людмила Волкенштейн вспоминала: «Вдруг раз вечером раздался крик — ужасный, нечеловеческий, но короткий. Вслед за этим суматоха, глухое трение и колебание проволоки, проведенной к звонку в коридор к вахмистру; слышались растерявшиеся голоса всегда безмолвных дежурных унтер-офицеров и, наконец, запах гари и дыма, проникшего в камеру. Слышались легкие стоны, потом поспешно открываемые двери, голоса доктора и смотрителя. Трудно было разобрать сразу, в чем дело, но было несомненно, что с Грачевским случилось что-то ужасное. На другой день к нему не подходили с пищей. Ясно было, что он сжег себя. После оказалось, что он облил себя керосином. Умер же, очевидно, через несколько минут, так как слабые стоны продолжались минуты две-три»¹.

Грачевский был не единственным самоубийцей Шлиссельбурга: повесился Михаил Клименко, зарезалась ножницами Софья Гинсбург, спровоцировали свою казнь Ипполит Мышкин и Егор Минаков². Немало было и сошедших с ума. И если Василий Конашевич и Николай Похитонов потеряли рассудок во время заключения, то Николай Щедрин, по всей видимости, был уже привезен в Шлиссельбург душевнобольным³. В опубликованном Р.М. Кантором докладе министра внутренних дел графа Д.А. Толстого императору Александру III отмечалось, что «наклонность к самоубийству весьма часто является последствием психического настроения арестантов, содержащихся поодиночно при безусловной тишине в тюрьме и при отсутствии всяких развлечений». Также, объясняя самоубийства в тюрьме, он сетовал на невозможность «иметь у каждой камеры неотлучного, наблюдающего за арестантом, надзирателя», что и не позволяет предупредить случаи самоубийства⁴.

По происхождению сын дьячка Саратовской епархии, Михаил Грачевский (1849–1887) получил первоначальное образование в Петровском духовном училище, а затем в Саратовской духовной семинарии⁵. Важную деталь об этом времени своей жизни революционер обозначит в своих автобиографических показаниях: «Я отчетливо помню, какой ужас и негодование меня охватили, когда мне сказали,

¹ *Волкенштейн Л.А.* Из тюремных воспоминаний. Ленинград, 1924. С. 56.

² Не вынеся тюремного режима, они решили добиться казни, нанеся оскорбление действием служителям тюрьмы: Минаков ударил врача, а Мышкин швырнул тарелку в смотрителя.

³ *Кантор Р.М.* Комментарии // Панкратов В.С. Жизнь в Шлиссельбургской крепости. Пг., 1922. С. 9–9100.

⁴ *Кантор Р.М.* Указ. соч. С. 104.

⁵ Биографические данные см.: *Рязанов Д.В.* М.Ф. Грачевский в русском освободительном движении (1874–1882 гг.). Дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 1997.

что меня будут сечь розгой; кровь бросилась мне в лицо, и я внутренне решил, что я этого сделать над собой не позволю, и судорожно сжимал свои кулачки <...> При мысли о розге мороз пробежал по коже, я давал себе клятву, что не допущу до этого, а если?.. — выскочу из окна, убегу, а затем будь, что будет, только не дам себя сечь. Я решил, что смерть для меня не так страшна, как позор розги, и уверен, что, защищая себя от розги, не остановился бы ни перед чем». Очевидно, не только решительность, но и чувство человеческого достоинства развились в нем рано⁶.

Семинарию будущий революционер не окончил, решив стать народным учителем. Позднее он говорил: «Я горел желанием приносить пользу крестьянам»⁷. В этом смысле Грачевский был близок многим молодым людям 1860-х гг. Он преподавал в камышинской трехклассной немецко-русской школе для колонистов, которую был вынужден оставить из-за подозрений в «противоправительственном направлении»⁸. После этого работал конторщиком на Грязе-Царицынской железной дороге. Тогда, в 1873 г., он наконец встретил единомышленника. Это был долгушинец Александр Чиков. Грачевский намеревается начать занятия с рабочими, а Чиков пообещал помочь с литературой — прислать книги. Посылка и письмо с прокламациями были перехвачены полицией, случился первый арест Грачевского, впрочем, оставшийся для него без последствий. В 1874 г. Грачевский, разорвав отношения с семьей, уехал в Петербург, где сблизился с некоторыми чайковцами, затем работал в Москве. Народник Иван Джабадари писал о нем: «...я видел, с какой энергией взялся он за организацию рабочих, и убедился, что в этом тщедушном теле таятся неисчерпаемые силы. В один месяц мы исходили с ним всю Москву вдоль и поперек, и во время этих непрерывных хождений он меня всегда поражал своей неутомимостью; он готов был целые дни оставаться голодным, лишь бы приобрести хоть одного нового сознательно сочувствующего нам рабочего»⁹. Грачевский вел пропаганду также среди рабочих Петербурга. За эту деятельность он и был арестован в 1875 г. Сразу после задержания неудачно пытался бежать.

Следствие шло три года, готовился грандиозный Процесс 193-х (1877–1878 гг.), народник провел их в одиночной камере. По приговору ему было вменено распространение книг преступного содер-

---

⁶ Валк С.Н. Автобиографические показания М.Ф. Грачевского // Красный архив. 1926. Т. 18. С. 152.

⁷ Речь М.Ф. Грачевского // Былое. 1906. №12. С. 237.

⁸ Прибылева-Корба А.П. «Народная воля». Воспоминания о 1870–1880-х гг. М., 1926. С. 216.

⁹ Джабадари И.С. Процесс 50-ти // Былое. 1907. № 9. С. 189–190.

жания, что наказывалось одним месяцем заключения. Осужденному засчитали предварительный арест. Неудивительно, что именно тогда Грачевский окончательно перешел на радикальные позиции, сформировался как революционер.

Выйдя на свободу в начале 1878 г., он служит на Курско-Харьковской, затем на Одесско-Кишиневской железных дорогах. Но уже в августе 1878 г. народник вновь арестован, что, видимо, было связано с пересмотром излишне мягкого приговора. Его высылают без срока в Холмогоры Архангельской губернии. Товарищ по ссылке Дмитрий Руднев вспоминал, что именно в это время Грачевскому становится ясно: одной пропаганды мало, нужна «открытая борьба с правительством»¹⁰. Еще один важный штрих к портрету Грачевского: Лев Тихомиров добавлял, что у ссыльного «с первых же дней была мысль о побеге»¹¹. После нескольких неудачных попыток замысел революционера удастся, и он оказывается в Петербурге. Нельзя не отметить свободолюбивую натуру Грачевского, на счету которого было уже несколько попыток бегства.

В столице Грачевский без колебаний присоединяется к «Народной воле», становится членом ее Исполнительного комитета. Он участвует в подготовке покушений на императора Александра II, убийстве предателя Александра Жаркова вместе с Андреем Пресняковым¹², работает в динамитной мастерской вместе с Николаем Кибальчичем и Григорием Исаевым, затем руководит подпольной типографией на Подольской ул. вместе с Прасковьей Ивановской. Вера Фигнер писала, что «из всех крупных народовольцев к Грачевскому, быть может, более всего приложимо название “фанатика”. Это была индивидуальность сильная, самобытная и вместе с тем замкнутая в резко очерченное русло. Его железная воля, раз поставив себе цель, преследовала ее неуклонно, с упорством, которое граничило с упрямством. Никогда не считался он с препятствиями, не признавал возможности отступления... для товарищей он всегда был один и тот же: вооруженный с головы до ног, непреклонный революционный деятель, и в этом смысле во всем движении трудно найти человека более прямолинейного»¹³.

После убийства Александра II 1 марта 1881 г. Грачевский поддерживает связи с провинциальными народовольческими кружками.

---

¹⁰ Рязанов Д.В. Из воспоминаний Д.Ф. Руднева // Освободительное движение в России. 2001. Вып. 19. С. 104.

¹¹ Тихомиров Л.А. Заговорщики и полиция. М.; Ленинград, 1928. С. 137.

¹² Иохельсон В.И. Первые дни «Народной воли». Пг., 1922. С. 56.

¹³ Фигнер В.Н. Михаил Федорович Грачевский // Голос минувшего. 1916. Т. 12. С. 30.

За 1881 г. «Народная воля» несет большие потери в связи с арестами, и Грачевский выдвигается на главные роли. С весны 1882 г. он организует динамитную мастерскую в Петербурге для подготовки новых техников и убийства жандармского майора Георгия Судейкина. Почти трехлетняя жизнь на нелегальном положении, вынуждавшая все время быть настороженным и собранным, руководящая роль среди народовольческих кружков Петербурга нелегко давались революционеру. По словам Александра Прибылева, хозяина динамитной мастерской, Грачевский тогда «был серьезно болен; его руки временами дрожали, лицо покрывалось каплями пота, иногда, крайне утомленный, он как бы впадал в забытие»¹⁴. Ко всему этому добавляется и срыв с таким напряжением готовившегося покушения на Судейкина. В это время за Грачевским уже ведется филерское наблюдение, что приводит к аресту в ночь на 5 июня 1882 г. В своих показаниях с грустной иронией он пишет, как бы подводя итог всей своей жизни: «В руках прокуратуры имеются все данные, говорящие о том, что и во мне почти с детского возраста, как и у массы других лиц партии, была искра, которую я тщательно хранил в тайниках моей души и которая, наконец, была старательно раздута усердными огнегасителями в пламя, превратившее меня ко времени ареста в обугленный труп, поступивший, наконец, в вашу лабораторию для дальнейшего химического разложения»¹⁵.

Грачевский понимал, что, видимо, навел полицию на след всех своих товарищей по процессу, и жестоко страдал от этого. В показаниях он стремился взять всю вину на себя и оградить остальных. Анна Корба, его сопроцессница, вспоминала, как перед судом спросила его, не собирается ли он разоблачать Пелагею Осмоловскую (ее подозревали в предательстве), на что Грачевский «ответил очень резко и хмуро: “Теперь перед нами одна только задача: стремиться облегчить участь обоих Прибылевых”»¹⁶, хозяев мастерской. По процессу 17-ти (1883 г.) народоволец был приговорен к смертной казни. Судя по сохранившемуся письму к племяннице, написанному уже после вынесения приговора, ничего другого он не ждал: «Не бойся. Я к нему был давно готов <...> обо мне не жаль, потому что я щастлив»¹⁷. Однако при конфирмации приговор заменен вечной каторгой, которую Грачевский сначала отбывал в Алексеевском ра-

¹⁴ Прибылев А.В. Записки народовольца. М., 1930. С. 44.

¹⁵ Валк С.Н. Указ. соч. С. 162.

¹⁶ Прибылева-Корба А.П. Аресты в Петербурге в 1882 году // Каторга и ссылка. 1934. № 4. С. 20.

¹⁷ К биографии М.Ф. Грачевского // Каторга и ссылка. 1929. № 11. С. 146–147.

велине Петропавловской крепости. 4 августа 1884 г. его перевели в Шлиссельбург, где через четыре года он покончил с собой.

И хотя фигура Грачевского не была обделена вниманием современников, всё же его тюремная жизнь освещена сравнительно мало. Последнее принятое Грачевским решение описывают многие мемуаристы-шлиссельбуржцы¹⁸, однако мало кто пытался разгадать причину этого поступка революционера. Единственный исследователь его революционной деятельности Д.В. Рязанов говорит о его самоубийстве кратко¹⁹. Наиболее полно это событие освещено в воспоминаниях шлиссельбуржцев Людмилы Волкенштейн, Людвиг Яновича, Михаила Попова, Василия Панкратова и Веры Фигнер. Если Волкенштейн, Панкратов и Янович причиной самоубийства указывают то, что Грачевский не мог выносить тяжелых условий существования в шлиссельбургском застенке, то Попов прямо говорит о сумасшествии заключенного. Эту точку зрения разделяют некоторые исследователи: не сомневались в утрате Грачевским рассудка М.Н. Гернет²⁰ и Е.Е. Колосов²¹.

Фигнер же указывает на желание Грачевского добиться реформирования тюремного режима, привлечь внимание властей к положению заключенных как на первопричину его поступка. Последняя концепция становится популярной, попадая в мемуары народовольцев и работы исследователей²². Особенно любопытен в этом свете подход упомянутого Е.Е. Колосова, который, хотя признает сумасшествие Грачевского, все-таки подчеркивает самопожертвование заключенного ради смягчения режима тюрьмы²³. А в словаре «Деятели революционного движения в России», составленном при участии бывших народовольцев, сказано лишь, что «в 1885–1886 гг. страдал сильным расстройством нервов»²⁴. Насколько сведения, передаваемые мемуаристами, точны (если оставить в стороне естественные

---

¹⁸ Фроленко М.Н. Записки семидесятника. М., 1927. С. 205; Попов М.Р. Л.А. Волкенштейн // Голос минувшего. 1918. № 4–6. С. 74, 77; Янович Л. Шлиссельбуржец Л.Ф. Янович. СПб., 1907. С. 64–66; Фигнер В.Н. Указ. соч. С. 41–42; Волкенштейн Л.А. Указ. соч. С. 56; Ювачев И.П. Шлиссельбургская крепость. М., 1907. С. 75–77; Морозов Н.А. Повести моей жизни. Т. 2. М., 1965. С. 439; Панкратов В.С. Указ. соч. С. 35–36; ГМП.ИР. Ф. II. Д. 13054.

¹⁹ Рязанов Д.В. М.Ф. Грачевский в русском освободительном движении (1874–1882 гг.). С. 122–123.

²⁰ Гернет М.Н. История царской тюрьмы. Т. 3. М., 1961. С. 253.

²¹ Колосов Е.Е. Государева тюрьма Шлиссельбург. М., 1930. С. 199–209.

²² См. например: Прибылева-Корба А.П. Указ. соч. С. 20–21; Лурье Ф.М. Политический сыск в России. 1649–1917. М., 2006. С. 174–175.

²³ Колосов Е.Е. Указ. соч. С. 209–210.

²⁴ Деятели революционного движения в России. Т. 3. Вып. 2. М., 1934. Стб. 955–956.

ошибки памяти)? С одной стороны, каждая новость быстро разносилась по тюрьме посредством перестукивания узников, но с другой — заключенные могли находиться в другом здании, используемом как карцер, — Старой тюрьме, а значит, узнавали о происходившем в Новой тюрьме только спустя какое-то время. В Старой тюрьме узники могли не быть соседями по камерам, а значит, могли «домысливать» происходившее с товарищами. Всё это заставляет с большой осторожностью относиться к этому источнику.

Кроме мемуаров, есть и официальные данные о душевном состоянии Грачевского — донесения смотрителя тюрьмы Телесфора Покрошинского и тюремного врача Николая Заркевича. Эти материалы были отрывочно опубликованы Р.М. Кантором²⁵. Благодаря этому можно выстроить жизнь Грачевского в Шлиссельбурге хронологически. Оснований не доверять этим источникам нет, отчеты писались до того, как он совершил самоубийство, а значит, в них врач и смотритель тюрьмы не имели резона оправдывать свой недосмотр.

Фигнер писала, что «все три первые года существования Шлиссельбургской тюрьмы наполнены его [Грачевского] негодующей борьбой со смотрителем Соколовым. Все предшествовавшее, несомненно, играло свою роль в этой борьбе. Человек, менее переживший, не так исстрадавшийся, быть может, смог бы игнорировать или переносить молча многое из той обстановки, в которой жили шлиссельбуржцы. Но Грачевский был потрясен до самых основ своих, потрясен физически, истерзан нравственно, и его нервная система была напряжена до последней степени»²⁶. Год заключения уже в Алексеевском равелине, который был просто «мертвецкой», не мог пройти бесследно для Грачевского. Панкратов писал: «Судя по рассказам, можно думать, что у Грачевского, как только он попал в Шлиссельбургскую крепость, зрела мысль покончить с собой. Очевидно, и при такой железной энергии не хватило терпения»²⁷.

По официальным же данным, после перевода в Шлиссельбург с партией заключенных через полгода заключения, 28 февраля 1885 г., Грачевскому была дана льгота за хорошее поведение: гулять не в одиночку, а попарно (он гулял вместе с народовольцем Михаилом Тригоном)²⁸. Янович писал, что спокойное поведение Грачевского даже ставили в пример более нервным и требовательным заклю-

---

²⁵ Кантор Р.М. Указ. соч. С. 108–112. Оригиналы: ГА РФ. Ф. 98. Оп. 1. Д. 125; Ф. 110. Оп. 7. Д. 71.

²⁶ Фигнер В.Н. Указ. соч. С. 30.

²⁷ ГМПИР. Ф. II. Д. 13054. Л. 4–5.

²⁸ Кантор Р.М. Указ. соч. С. 108.

ченным²⁹. Видимо, первое время у него еще хватало сил терпеть. Льготой этой заключенный пользовался до 30 сентября 1886 г., когда отказался от прогулки из-за плохого состояния здоровья (по официальным донесениям, его здоровье было тогда удовлетворительным³⁰).

Таким образом, приведенные материалы говорят о том, что Грачевский, вопреки свидетельствам Фигнер, с самого перевода в Шлиссельбург вел себя настолько примерно, что ему были даны особые льготы, которыми он пользовался в течение семи месяцев.

18 октября 1886 г. заключенный пообещал начать голодовку, если не будут выполнены его требования: право гулять не только с Тригоном, но и вдвоем с другими арестантами по его выбору, а также право присутствовать в его камере другому арестанту, пока он не может гулять из-за плохого самочувствия. Тогда же Грачевский начал голодовку. Его поведение вызывало беспокойство остальных заключенных, из-за чего 21 октября народоволец был переведен в здание Старой тюрьмы.

Фигнер вспоминала, что здесь Грачевский написал обширную записку министру внутренних дел Д.А. Толстому с подробным описанием условий существования в крепости и притеснений со стороны администрации. Заключенный, по словам Фигнер, верил, что записка заставит власти смягчить режим³¹. Янович добавлял к этому, что комендант обещал Грачевскому передать записку по назначению³². Представляется важным отметить, насколько наивны были эти надежды: если поведение Минакова и Мышкина, приведшее к их казни в 1884 и 1885 гг., не заставило власти смягчить режим, то вряд ли это смогло бы сделать письменное заявление. Среди архивных материалов подобной записки не обнаружено, возможно, она просто не была передана по назначению. К тому же об этой записке сообщают только двое мемуаристов, которые находились тогда в здании Новой тюрьмы. Насколько точны их сведения, неизвестно.

В Старой тюрьме уже через два дня, 23 октября 1886 г., Грачевский окончил голодовку, выразив при этом сожаление о своем поведении и попросив дать ему возможность исповедоваться. Кроме того, он просил лекарств для утоления болей в желудке, но заявлял, что не оставляет надежды уморить себя голодом. С 24 октября по 4 ноября заключенный вновь держал голодовку³³.

---

²⁹ Янович Л. Указ. соч. С. 64.

³⁰ Кантор Р.М. Указ. соч. С. 108.

³¹ Фигнер В.Н. Указ. соч. С. 40–41.

³² Янович Л. Указ. соч.

³³ Кантор Р.М. Указ. соч. С. 109.

Вероятно, под долгой борьбой Грачевского, о которой писала Фигнер, имеются в виду именно его требования и объявление голодовки спустя год после перевода в Шлиссельбург.

По приведенным материалам в поведении заключенного очевидна некоторая непоследовательность действий. С одной стороны, он выдвигает требования, удовлетворить которые тюремное начальство не в состоянии, начинает голодовку. С другой — сожалеет о своем поведении.

Всё это заставило врача крепости Заркевича составить донесение о психическом состоянии Грачевского. В этом документе говорится о частых переменах настроения заключенного (он то спокоен, то груб и подозрителен), его преследуют слуховые и зрительные галлюцинации (будто в тюремном коридоре намеренно стучат, а в соседних пустых камерах слышит присутствие узников³⁴). При этом Заркевич не делает еще вывода о несомненном психическом расстройстве и считает нужным продолжить наблюдение. Следующие отчеты показывают, что Грачевскому становится хуже³⁵. В 1887 г. Фигнер, находясь в карцере Старой тюрьмы, услышала пение. «Пел приятный, несильный баритон со странным тембром, в котором было напоминающее кого-то <...> Песнь была простая, народная, мотив несложный, однообразный». Спустя время Фигнер вспомнила, чей голос она узнала тогда, — голос Грачевского³⁶. Учитывая страдания, которые в тот момент должен был испытывать народоволец, трудно поверить, что пение это было пением психически здорового человека. Подтверждением этому может служить и бездействие жандармов в отношении пения Грачевского, ведь инструкцией предписывалось соблюдать тишину.

По всей видимости, весной 1887 г. его возвращают в здание Новой тюрьмы, так как последующие события происходят в ней. В мае 1887 г., когда официальные данные фиксируют периодические галлюцинации у Грачевского³⁷, он стучит своим соседям: «Нет сил терпеть более: просто с ума сойду!.. Завтра же ударю доктора...»³⁸. Панкратов уточняет: «Он стучал Богдановичу, что он решил покончить с собой. Тот начинает его убеждать, ободрять, но это мало действовало на Грач[евского].<...> Богданович всю ночь стучал Грачев-

---

³⁴ Стоит заметить, что камера Грачевского находилась изолированно, соседей у него не было; что же касается стука, то он мог слышать либо перестукивание заключенных Старой тюрьмы через дверь, либо намеренно производимый унтер-офицерами шум в коридоре, дабы заглушить перестукивание.

³⁵ Кантор Р.М. Указ. соч. С. 109–110.

³⁶ Фигнер В.Н. Запечатленный труд. Т. 2. М., 1964. С. 44.

³⁷ Кантор Р.М. Указ. соч. С. 110.

³⁸ Фигнер В.Н. Михаил Федорович Грачевский. С. 41.

скому, убеждал его — он был близкий его друг; но Грачевский остался при своем. Богданович утром простучал нам, что Грач[евский] хочет покончить с собой. Мы хотели стуком коллективно просить его не делать этого. Но пока мы собирались это сделать, входит к нему доктор, он дает ему пощечину, хотя он нисколько не сумасшедший»³⁹. Это произошло 26 мая. Сам поступок квалифицировался как оскорбление действием и карался смертной казнью. Именно подобным образом ранее добились казни Минаков и Мышкин.

Однако желание Грачевского исполнено не было, его вновь перевели в Старую тюрьму. Здесь тогда находились Волкенштейн и Попов. Последний писал, что Грачевский, «по всем признакам, уже психически больной»⁴⁰, «в глазах “Ирода”⁴¹ был уже “решенный”, он был, кажется, на 6 месяцев, лишен прогулки за пощечину доктору, и о его существовании мы знали только из того, что от времени до времени он выкрикивал что-то непонятное»⁴². Волкенштейн, впрочем, в своих воспоминаниях, говорит не столь определенно о состоянии заключенного: «в течение двух недель соседи слышали, как он говорил с жандармами и требовал казни, но говорил он спокойно»⁴³. И действительно, официальные отчеты фиксируют, что летом 1887 г. состояние народовольца улучшается⁴⁴.

По всей видимости, периоды активности у Грачевского сменялись периодами апатии. Состояние то улучшалось, то ухудшалось. Этим и приходится объяснить разночтения в мемуарных свидетельствах и официальных документах: разные заключенные заставляли Грачевского в разном состоянии, тогда как врач мог наблюдать течение его болезни. Представляется, что в случае уверенности в стабильном состоянии психики народовольца его должны были судить за пощечину врачу. При этом Янович считал, будто отказ казнить Грачевского был вызван желанием не допустить новых казней, вследствие чего смотритель Соколов получил соответствующие инструкции⁴⁵. Позиция эта сомнительна, во-первых, в Шлиссельбурге еще не раз после этого будут привозить на казнь, во-вторых — казни происходили в обстановке строгой секретности, вряд ли власть беспокоилась об огласке.

---

³⁹ ГМП. Ф. II. Д. 13054. Л. 4.

⁴⁰ Попов М.Р. Указ. соч. С. 73.

⁴¹ Так заключенные называли смотрителя тюрьмы М.Е. Соколова за его жестокость.

⁴² Попов М.Р. Указ. соч. С. 74.

⁴³ Волкенштейн Л.А. Указ. соч. С. 56.

⁴⁴ Кантор Р.М. Указ. соч. С. 110.

⁴⁵ Янович Л. Указ. соч. С. 64.

Согласно официальному донесению, вечером 26 октября 1887 г. дежуривший в Старой тюрьме унтер-офицер Вичунников, заглядывая в «глазок» камеры Грачевского, заметил, что он перекидывает через плечо мокрую тряпку. Дежурный решил, что заключенный по своему обыкновению обтирается мокрым полотенцем, и не придал этому значения. Заглянув в «глазок» снова, он увидел вторую мокрую тряпку на другом плече заключенного и то, как он отвинчивает горелку керосиновой лампы. Дежурный тут же дернул сигнальный звонок и позвал на помощь смотрителя Соколова, который всегда носил при себе ключи от камер. В третий раз глядя в «глазок» дежурный увидел пламя и дым. По официальным данным, Соколов явился минуты через 3-4, надо ли говорить, что этого времени оказалось достаточно, чтобы самоубийца получил сильные ожоги и задохнулся⁴⁶.

Подводя итог этой ужасной истории, можно сделать очевидный вывод, что поступок Грачевского был связан не столько с желанием облегчить тюремный режим, сколько с личной невозможностью существования в условиях одиночного заключения и с душевным забоеванием, которым он начал страдать, видимо, уже в 1885 г.

Столь печальный исход жизни революционера видится неизбежным вследствие целого ряда качеств его личности. Как было показано выше, в нем рано сформировалось острое чувство человеческого достоинства, в сочетании с неприятием всякой несправедливости, они подвигли его к революционной деятельности и сформировали как фанатика революционной идеи. Свободолюбие Грачевского заставило его совершить не один, а несколько побегов и долгие годы жить на нелегальном положении. В этом отношении важным представляется и крайне деятельная натура революционера, большую часть сознательной жизни посвятившего работе ради революции.

Связь такого типа личности с подобным исходом подчеркивал другой шлиссельбуржец, Николай Морозов: «Если я не сошел с ума во время своего долгого одиночного заточения, то причиной этого были мои разносторонние научные интересы <...> Но вы представьте себе положение тех, у кого не было в жизни никаких других целей, кроме революционных. Попав в одиночное заточение, они догорали тут, как зажженные свечи»⁴⁷. Стоит ли добавлять, что жизни вне активной революционной деятельности для Грачевского просто не существовало.

---

⁴⁶ Кантор Р.М. Указ. соч. С. 111–112.

⁴⁷ Морозов Н.А. Указ. соч. С. 439.

References

Gernet M.N. *Istoriya tsarskoy tyur'my* [History of the Tsarist Prison]. Vol. 3. Moscow: Gosyurizdat, 1961. 430 p.

Kantor R.M. *Kommentarii* [Commentaries] // Pankratov V.S. *Zhizn' v Schlisselburgskoy kreposti* [Life in the Schlisselburg Fortress]. Petrograd: Byloye, 1922. 142 p.

Kolosov E.E. *Gosudareva tyur'ma Schlisselburg* [The Tsar's Prison of Schlisselburg]. Moscow: Izdatel'stvo Vsesoyuznogo obshchestva politkatorzhan i ssyl'no-poselentsev, 1930. 328 p.

Lurie F.M. *Politicheskiy sysk v Rossii. 1649–1917* [Political Policing in Russia. 1649–1917]. Moscow: Tsentrpoligraf; Saint Petersburg: Mim-Del'ta, 2006. 398 p.

Ryazanov D.V. *M.F. Grachevskiy v russkom osvoboditel'nom dvizhenii (1874–1882 gg.). Dissertatsiya... kandidata istoricheskikh nauk* [M.F. Grachevsky in Russian Liberation Movement (1874–1882): PhD Candidate Dissertation in History]. Saratov: Gosudarstvennyy tekhnologicheskii universitet, 1997. 183 p.

Поступила в редакцию
5 апреля 2022 г.

Д.В. Кирилчик

**ЧАСТНЫЙ КАПИТАЛ В ТУРКЕСТАНЕ:
ДИСКУССИЯ НА СТРАНИЦАХ ПЕРИОДИЧЕСКИХ
ИЗДАНИЙ В 1880–1910-х гг.**

D.V. Kirilchik

**PRIVATE CAPITAL IN TURKESTAN: DISCUSSION ON THE
PAGES OF PERIODICALS IN 1880s–1910s**

Аннотация. Промышленный подъем в России в конце XIX в. не в последнюю очередь обязан экономическим возможностям Туркестана, ставшего базой развития хлопководства в империи. Частный капитал с самого начала заинтересовался потенциальной выгодой экономической эксплуатации Средней Азии, ведущую роль в развитии этого направления должны были сыграть мероприятия по орошению земель и развитию транспортной инфраструктуры в крае, обеспечивавшие бесперебойное поступление сырья на перерабатывающие заводы в европейской части России. Казенных возможностей для этого не хватало, и общественная мысль задалась вопросом: возможно ли привлечь значительный частный капитал в Туркестан с выгодой для всех и что именно нужно для этого сделать? Предметом настоящего исследования является общественная дискуссия в периодической печати по вопросу привлечения частного капитала в Туркестанский край в конце 1880-х — начале 1910-х гг. В результате рассмотрения эволюции общественной мысли о привлечении частного капитала были выявлены наиболее спорные аспекты обсуждения. Из проведенного исследования можно сделать общий вывод о господстве в общественной мысли как либерального, так и консервативного направления идеи о безоговорочной необходимости использовать в Туркестане средства частного предприни-

---

Кирилчик Денис Викторович, аспирант кафедры истории России с древнейших времен до XX века Института истории Санкт-Петербургского государственного университета

Kirilchik Denis Viktorovich, Postgraduate Student, Department of Russian History from Ancient Times through the 20th Century, Institute of History, Saint-Petersburg State University.

+7-962-082-70-18; kirilchik.denis@yandex.ru

Исследование выполнено за счет средств проекта РФФ № 22-28-01267 «Частный капитал или государство? Общественная дискуссия о путях экономического развития России (вторая половина 1870-х — первая половина 1890-х гг.)».

The study was supported by the Russian Science Foundation Project No. 22-28-01267 «Private Capital or the State One? Public Debate on the Paths of Russia's Economic Development (from the Second Half of the 1870s through the First Half of the 1890s)».

материнства. Критика же подобного тезиса являлась скорее исключением, характерным для реакционеров и «охранителей», опасавшихся вмешательства иностранного капитала, особенно еврейского. При этом отдельные авторы призывали сделать ставку на мелкий и средний капитал, который виделся им более гибким, крупный же капитал рассматривался не только как способ быстро решить проблему нехватки средств, но и как угроза принципам общественного водопользования. В работе впервые поднимается тема общественной дискуссии по вопросу о роли частного капитала как в туркестанских периодических изданиях, так и на страницах центральной печати, при этом привлекается ряд ранее не использованных материалов периодики различной политической направленности.

Ключевые слова: Туркестанский край, хлопководство, общественная мысль, закаспийская железная дорога, амударьинская флотилия, орошение в Туркестане, частные железные дороги, частное предпринимательство.

Abstract. The industrial boom in Russia in the late 19th century was not least owed to the economic opportunities in Turkestan, which became the basis for the development of cotton production in the empire. From the very beginning, private capital became interested in the potential benefits of the economic exploitation of Central Asia. The leading role in this process had to be played by land irrigation and the development of transport infrastructure in the region, which ensured an uninterrupted supply of raw material to the processing plants in the European part of Russia. Public funds were not enough for the purpose, and public opinion asked the question: could substantial private capital be attracted to Turkestan for common advantage, and what should be done? The subject of this research is public discussion in the periodicals on the attraction of private capital to the Turkestan region from the late 1880s through the early 1910s. The analysis reveals the most controversial aspects of the discussion. The author concludes that public thought, both liberal and conservative, was dominated by the idea that funds from private enterprises should be used in Turkestan. Its criticism was rather an exception, characteristic of reactionaries and conservatives who feared the interference of foreign (especially Jewish) capital. At the same time, some authors urged reliance on small and medium-sized capital, which they saw as more flexible, while big capital was regarded not only as a way to quickly resolve the problem of lack of funds, but also as a threat to the principles of public water management. For the first time, the article deals with the public discussion of the role of private capital both in Turkestan periodicals and in the central press. A number of previously unused publications of different political orientation are employed.

Keywords: Turkestan province, cotton growing, public thought, Transcaspian railway, Amu Darya flotilla, irrigation in Turkestan, private railways, private entrepreneurship.

* * *

С момента своего вхождения в состав Российской империи Туркестан стал играть важную роль в экономике страны. Торговые возможности региона вкупе с чисто колониальной ролью сырьевого придатка (хотя это по-настоящему касалось только хлопчатни-

ка) давали широкий потенциал для экономической эксплуатации Туркестана российским капиталом. При этом Туркестан постоянно сохранял в себе возможности для антироссийских выступлений, а близость к индийским владениям Британской империи делали край стратегически важным и с военной точки зрения. Поэтому ключевую роль здесь играли военные, а сам Туркестанский край управлялся через Военное министерство, которому подчинялся назначаемый императором генерал-губернатор. До самого конца своего существования империя не могла окончательно определиться со статусом края, а именно: Туркестан — это колония или неотъемлемая часть империи с населением этнически чуждым большинству жителей России? Отсутствие подобной определенности ставило препятствия для экономического освоения края, в частности, не позволяло приобретать недвижимость иностранцам, которые могли бы принести инвестиции в регион. С другой стороны, это избавляло российский капитал от конкуренции — чем он старался пользоваться. Особый статус края и общее экономическое состояние России, часто определяемое как государственный капитализм, способствовали более высокой роли государственного вмешательства в местную экономику: на откуп государственным компаниям отдавались железные дороги, имевшие также военно-стратегическое значение, проектировались ирригационные каналы. Однако со временем всё громче раздавались голоса в пользу расширения в регионе роли частного капитала, «захвата» Туркестана русскими предпринимателями. Актуальность рассмотрения данной проблематики не вызывает сомнений, в том числе в связи с современными экономическими процессами в Средней Азии, взаимодействием России и среднеазиатских государств.

Процесс русской колонизации Туркестана достаточно хорошо изучен, среди авторов, чьи работы напрямую касаются темы проникновения туда частного капитала, следует отметить Н.П. Верховского, П.Г. Галузо, М.П. Вяткина, М.И. Вексельмана, Т.М. Китанину¹. Советская историография старательно критиковала вмешательство российского капитала в туркестанскую экономику, указывая на эксплуатацию им нижних слоев общества и малую результативность

---

¹ *Верховской Н.П.* Хлопководство в Туркестане и перевозка хлопка по Ташкентской и Среднеазиатской железным дорогам. СПб., 1910; *Галузо П.Г.* Туркестан-колония. М., 1929; *Вяткин М.П.* Социально-экономическое развитие Средней Азии. Историографический очерк. Фрунзе, 1974; *Вексельман М.И.* Российский монополистический и иностранный капитал в Средней Азии (конец XIX — начало XX в.). Ташкент, 1987; *Китанина Т.М.* Проникновение крупного российского финансового капитала в экономику Средней Азии в конце XIX — начале XX в. (финансово-промышленная группа А.И. Путилова и железнодорожное строительство). СПб., 2018.

этого вмешательства. Современная российская историография говорит о большой выгоде для всех сторон, прежде всего о включении Туркестана в экономическую систему страны и его поступательном развитии вследствие этого взаимодействия.

Предметом настоящего исследования является общественная дискуссия в периодической печати по вопросу привлечения частного капитала в Туркестанский край в конце 1880-х — начале 1910-х гг. В связи с широтой темы были выделены и рассмотрены два направления участия частного капитала: транспортная система и мелиорация. Так как значимых публикаций по исследуемому вопросу в органах центральной российской печати практически не было, основное внимание уделено материалам местных туркестанских изданий.

Транспортная отрасль экономики, прежде всего — железные дороги, в рассматриваемый период играли важнейшую роль. Первая железная дорога в Средней Азии, Закаспийская, изначально строилась (первая очередь — 1880–1886 гг.) с военно-стратегической целью — поддержки русских войск в Туркестане, но постепенно она приобрела и хозяйственное значение. Однако железная дорога оставалась изолированной от метрополии даже после продления на Восток вплоть до Ташкента и далее. Вопрос соединения двух частей империй железнодорожным полотном оставался нерешенным. Первые проекты железных дорог частных компаний появились еще в 1870-е годы, в том числе, это был и иностранный капитал, французский и британский. Проект железной дороги в Индию через Среднюю Азию французского инженера Ф. де Лессепа (1873 г.) был отвергнут правительством, полагавшим преждевременность подобного строительства².

Однако уже в процессе строительства предметом обсуждения стала сама Закаспийская железная дорога. С критикой обрушился на нее генерал М.Г. Черняев, отправивший в «Новое время» письмо³. В этой публикации «Ташкентский лев» пытался, указав на географические факторы, обосновать безграмотность выбора пути, названного им «академической дорогой» и созданного, по его мнению, только с целью доказать саму возможность строительства железных дорог в сыпучих песках, но не имеющую торговой значимости. Куда более предпочтительными казались генералу более южные маршруты, у персидской границы или даже на территории Персии, либо, наоборот — северные, в обход Каспийского моря. Впрочем, тут же Черняев

---

² Письмо министра путей сообщения генерал-лейтенанта графа А.П. Бобринского в Министерство иностранных дел о проекте Ф. Лессепа. — URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Indien/XVIII/1780-1800/Russ_ind_19/41-60/58.phtml?id=15830 (дата обращения: 18.03.22).

³ Черняев М.Г. Академическая железная дорога (Письмо в редакцию) // Новое время. 31 марта 1886. № 3623. С. 1.

отмечал, что «после затраты миллионов на бесполезную дорогу тратить новые миллионы на сооружение другой дороги в Азию, сношения с которой так немногочисленны», он считает бессмысленным. В статье предлагалось также «просто оставить» железную дорогу до лучших времён, сохранив плату по процентам и эксплуатационные издержки. На следующий же день редакция «Нового времени» в очередном номере заявила об ошибочности взглядов Черняева (сообщалось о неверных расчетах пропускной способности дороги, критиковался северный вариант пути), однако согласилась с тем, что торговое значение дороги остается под вопросом в отличие от военного, которое уместно и оправдано⁴. Впрочем, и Черняев, и редакция газеты поддержали важность государственного контроля строительства и расхода казенных средств, не ставя под сомнение необходимость участия государственного капитала.

Точка зрения о необходимости именно казенного строительства железных дорог, в частности, из Оренбурга в Ташкент, звучала в 1880-е чаще, чем мысль о привлечении частных капиталов. Управляющий Туркестанской казенной палатой С.А. Идаров в своей статье «Туркестанская железная дорога»⁵ утверждал, что дорогу необходимо строить за счет государства, а ее окупаемость обеспечит «золотая операция», как он именуется последующее развитие хлопководства и торговлю качественным туркестанским хлопком, которое принесет миллиард рублей за 10 лет. Идеи частного предпринимательства в железнодорожной сфере начнут активно обсуждать только в начале 1890-х.

Именно тогда появляется ряд частных проектов по строительству железной дороги из Самарканда через Ташкент в Ферганскую область. Это было обусловлено тем, что Фергана являлась центром выращивания хлопка, и железнодорожная связь значительно увеличила бы прибыль хлопковых компаний. К 1899 г. была проложена Среднеазиатская железная дорога от Красноводска до Ташкента, включавшая также и ветку на Андижан, а в 1906 г. железная дорога стала частью единой железнодорожной системы империи после строительства пути Оренбург–Ташкент. Но ряд территорий по-прежнему ожидал строительства железных дорог, средств на которые у казны не хватало.

В 1899 г. по частной инициативе инженера Л.О. Юговича проводились изыскания для строительства железной дороги из Таш-

---

⁴ О Закаспийской железной дороге (по поводу письма М.Г. Черняева) // Новое время. 1 апреля 1886. № 3624. С. 1.

⁵ Идаров С. Туркестанская железная дорога // Туркестанские ведомости. 5 декабря 1889. № 49. С. 2.

кента в Верный, что связало бы столицу Семиречья с центром края. Туркестанское сельскохозяйственное общество выделяло деньги на работу комиссии по проектированию пути от Чимкента на север, что также позволяло соединить Сибирь или Поволжье с Туркестаном, обеспечив последний более дешевым хлебом. В целом такие дороги, по мнению военного инженера Я.А. Порошина, должны были обеспечить рост экономического благосостояния как Семиречья в частности, так и Туркестана в целом⁶: «Простые арифметические подсчеты, и расчеты сравнительной выгоды перевозки хлопка и пряжи, пряжи и ткани — заставят коммерсантов расширить и изменить свою деятельность. Рядом с хлопкоочистительными заводами возникнут в Туркестанских городах заводы бумагопрядильные; пройдет еще немного лет и задымят трубы ткацких фабрик»⁷, — писал он в газете «Окраина». Следует отметить, что частная «Окраина» придерживалась умеренно-либеральных взглядов. В статье другого автора под псевдонимом «Туркестанский» (под ним писал публицист и экономист В.В. Никольский) утверждалось, что «эта богатая почва при интенсивном труде новых колонизаторов района даст огромные запасы нового продукта, который и должен попасть от Семиречья в центральный русский рынок; этому же должна способствовать железная дорога, которую с таким нетерпением ждет Семиречье»⁸. Более того, появление новых железных дорог должно было облегчить привлечение новых частных капиталов: предполагалось, что за добывающей промышленностью в край придет хлопкообрабатывающая. Впрочем, по мнению других авторов, и в этом вопросе следовало ориентироваться сначала на создание казенных предприятий, которые служили бы «наглядным образцом для частных промышленников-хлопководов»⁹. «Туркестанские ведомости», обсуждая частные инициативы железнодорожного строительства в Семиречье, призывали решать вопрос строительства новых железных дорог тех, «кому это надобно», а неуказанный автор заметки в «Семиреченских областных ведомостях», осуждавший подобную оторренность от проблемы, полагался на общественную инициативу Семиречья¹⁰.

⁶ Порошин Я.А. К вопросу о железной дороге Ташкент–Россия // Окраина. 9 февраля 1898. № 15. С. 2–3; 11 февраля 1898. № 16. С. 2–3; 13 февраля 1898. № 17. С. 2–3.

⁷ Порошин Я.А. К вопросу о железной дороге Ташкент–Россия // Окраина. 9 февраля 1898. № 15. С. 2.

⁸ Туркестанский. Проект орошения долины реки Каратала и его значение // Вопросы колонизации. 1914. № 16. С. 111.

⁹ Иванов А.И. Одна из наших окраин // Русский вестник. 1889. № 11. С. 194.

¹⁰ Еще о направлении железной дороги из Ташкента // Семиреченские областные ведомости. 12 февраля 1899. № 13. С. 2.

С интересными проектами выступило «Общество азиатских железнодорожных ветвей» с заявленным капиталом в 33,283 млн рублей. Оно предлагало построить боковые железнодорожные ветки и передать их в концессионный срок в эксплуатацию магистральям, к которым они примыкают. Как указывает безымянный автор заметки об этом обществе, проект позволит «облегчить постройку таких веток, осуществления которых за казенный счет в скором времени никак нельзя ожидать»¹¹. Предполагалось проложить всего 13 новых веток в Самаркандской, Сыр-Дарьинской и Ферганской областях (Катта-курганская, Заравшанская, Ургутская, Зиаминская, Ура-Тюбинская, Ходжентская, Яйпанская, Риштанская, Балыкчанская, Ошская, Конногвардейская, Троицкая и Ангренская) и одну — в Закаспийской области (Тедженская). Сама статья представляется скорее рекламой для потенциальных акционеров, оценка этих проектов отсутствует, но сам факт таких предложений говорит о заинтересованности частных компаний в больших вложениях в железнодорожное строительство, хотя подобный размах кажется фантастическим.

Эти и последующие проекты для железнодорожного строительства в Туркестане, предлагаемые частными предпринимателями, как правило, отвергались правительством¹². Связано это было, главным образом, со стратегическим значением железных дорог в Средней Азии: государство стремилось обеспечить казенную собственность этих путей. Кроме того, большую роль играла и позиция министра путей сообщений С.Ю. Витте, взявшего курс на национализацию железных дорог России и выкуп частных компаний.

Еще одной стороной дискуссии о роли частного капитала в транспортно-пароходной сфере стало развитие пароходства. Не критикуя в полной мере государственное участие в строительстве железных дорог, Черняев в своей, уже цитировавшейся, статье предлагал бросить казенные средства на организацию пароходного сообщения на Амударье. Тем не менее, он заявлял, что вопрос, хотя и назрел давно, но государством никак не решается, «застряв» в бюрократии¹³.

Территории, прилегающие к крупнейшей реке Средней Азии Амударье к началу XX в. испытывали острую потребность в организации пароходной компании, перевозящей частные грузы. Вопрос о необходимости завести частное грузовое пароходство был поставлен еще в конце XIX в., тем не менее, такой проект считался труднореализуемым и откладывался на перспективу. Журналист и

---

¹¹ Общество азиатских железнодорожных ветвей // Туркестанские ведомости. 20 сентября 1913. № 208. С. 3.

¹² РГИА. Ф. 268. Оп. 3. Д. 695–699.

¹³ Черняев М.Г. Указ. соч. С. 1.

ташкентский краевед Е. Т. Смирнов считал, что без государственных субсидий это сделать будет крайне трудно, он указывал на технические трудности пароходного предприятия на Амударье. В частности, требовались грузовые плоскодонные пароходы с мощным двигателем, которые строить было крайне затратно¹⁴.

В. Белугин, автор статьи «Аму-дарьинская флотилия»¹⁵, видел главным препятствием отсутствие дешевого топлива и технические трудности эксплуатации водного пространства реки. Годовое содержание пароходства при потенциальном объеме грузо- и пассажиропотока обходилось бы в 650 тыс. рублей, что практически равнялось ожидаемому годовому доходу и ставило под сомнение выгоду организации частной пароходной компании. В эту стоимость не входила цена постройки судов, число которых предполагалось следующим: 2 парохода и 3 баржи для нижнего плёса (участок Чарджуй–Петроалександровск с открытой навигацией в 8 месяцев) и 15 барж и 11 пароходов, включая 3 пассажирских, для верхнего плёса (Чарджуй–Термез, с круглогодичной навигацией). Вывод автора был очевиден: без участия субсидии из казны организовать частную компанию не выйдет.

Поддерживал частную инициативу по развитию пароходства и известный туркестанский журналист, исследователь-востоковед, офицер и чиновник, начальник Амударьинского отдела Н.С. Лыкошин (занимавший эту должность с марта 1912 по апрель 1914 гг.). В статье «Новый путь» он в красках представлял позитивные изменения в состоянии транспортного пути на Амударье и Аральском море с приходом туда основанного нижегородскими предпринимателями М.П. Лапшиным-старшим и Д.В. Сироткиным акционерного общества «Хива»: «...это нововведение (появление двух частных пароходов. — Д.К.) значительно усилило сообщение с Чарджуем, и оба парохода вечно переполнены; не мешало бы завести еще и третий — ему хватило бы работы»¹⁶. Пароходы «Хивы» возили не только пассажиров, но и установили грузовое сообщение от Нового Ургенча до станции «Аральское море» Оренбург-Ташкентской железной дороги. Лыкошин стремится привлечь внимание потенциальных партнеров к транспортной сфере, чтобы и дальше развивать перевозку грузов на Амударье, намекая на преимущества частных средств перед казенными.

---

¹⁴ Смирнов Е.Т. Рыбные промыслы на среднем течении р. Аму-Дарья // Туркестанские ведомости. 26 марта 1891. № 13. С. 2–3.

¹⁵ Белугин В. Аму-дарьинская флотилия // Туркестанские ведомости. 3 марта 1911. № 49. Прибавление к № 49.

¹⁶ Лыкошин Н.С. Новый путь // Туркестанские ведомости. 11 июля 1913. № 150. С. 3.

Другим важным аспектом экономики региона стали оросительные мероприятия. С 1890-х гг. Туркестанский край всё более тесно связывается с хозяйственной жизнью России. Ведущую роль среди отраслей экономики края играло сельское хозяйство, которое получило новый толчок с хотя еще слабым, но всё же постепенным внедрением механизации, развитием новых способов обработки, более широким использованием удобрений и появлением ряда новых земледельческих культур. Ключевая проблема в этой отрасли заключалась не столько в нехватке земель, где можно было бы внедрять инновации (все-таки упор делался на русских переселенцев, владевших незначительной долей обрабатываемых земель в регионе), сколько в слабости ирригационной инфраструктуры.

Использование орошения обеспечило бы быстрый рост производства в сельском хозяйстве, но на это требовались значительные средства, которые мог предоставить либо очень крупный частный капитал, которого в Туркестане долгое время не было, либо государственный, которого недоставало на подобные проекты. Однако были и варианты привлечения средств мелких предпринимателей.

Ирригация позволила бы, в первую очередь, значительно нарастить производство хлопка, который стал основной продукцией Туркестана. Проекты по орошению новых земель, в частности, в Голодной степи¹⁷, выдвигались еще во времена генерал-губернаторства К.П. фон Кауфмана (1867–1882). Считалось также, что «кто орошает — тот и владеет землёй»¹⁸, к 1890-м гг. голоса в пользу государственного финансирования ирригационного строительства звучали всё громче¹⁹. Итогом стало, однако, участие в строительстве каналов частного капитала в лице великого князя Николая Константиновича Романова, развернувшего в Туркестане активную предпринимательскую деятельность. К 1913 г. был построен крупный Романовский канал (в состав оросительной системы вошел и построенный им ранее, в 1897 г., канал Николая I), оросивший 40 тысяч десятин земли²⁰. Это наиболее яркий пример частной инициативы в экономике Туркестана вообще.

Наиболее обстоятельное мнение по поводу участия частного капитала в орошении туркестанских земель выразил главноуправляющий землеустройством и земледелием А.В. Кривошеин. Он, в частности, сетовал на то, что у государства нет денег на развитие

---

¹⁷ Глинисто-солончаковая пустыня в Средней Азии.

¹⁸ РГИА. Ф. 391. Оп. 2. Д. 184. Л. 290–290 об.

¹⁹ Анненков Н.М. Средняя Азия и ее пригодность для водворения в ней русской колонизации // Известия И.Р.Г.О. XXV. СПб., 1889. С. 277–293.

²⁰ Вексельман М.И. Указ. соч. С. 90.

хлопководства, которому требуется орошенное пространство, поэтому ставку нужно сделать на привлечение частного капитала, без которого добиться полной автаркии в хлопковой промышленности не выйдет, — «делиться с ними (частными капиталами. — Д.К.) уже изысканиями и вообще всячески их поддерживать»²¹. Кроме того, Кривошеин считал, что денег всё равно потребуется много, и поддержка государства тоже нужна: «придется идти на крупные затраты и казне»²². Призывал он бороться и с посредниками-кредиторами из инородцев, которые разоряют мелких предпринимателей и наносят вред казне, в связи с чем предлагалось убрать многочисленные звенья посреднической цепочки²³.

Автор также указывал на особую значимость крупного капитала из Москвы, уже вложившего средства в переработку хлопка и имевшего наибольший интерес в создании ирригационной инфраструктуры; для разработки проектов Кривошеин предлагал привлечь и иностранные компании, в частности, английские и швейцарские²⁴. В целом, чиновник полагал невозможным развития Туркестана без сильного частного капитала по крайней мере в сельском хозяйстве, но указывал на регулирующую роль государства, которому надлежало обеспечить предпринимателей дешевыми кредитами и следить за порядком исполнения всех обязательств. Главную проблему, которая мешала пойти по «американскому пути» и привлечь частную инициативу, он видел в том, что «в России нет того обилия предприимчивых, вооруженных энергией, инициативой и техническими знаниями капиталистов, которые есть в Соединенных Штатах. Нет у нас и того класса крепких фермеров, которые обычно являются там покупателями орошенных земель у частных компаний и возвращают им наличными деньгами, с лихвой, все затраты»²⁵. Таким образом, по мнению Кривошеина, при всей важности привлечения частного капитала в сельское хозяйство, отказаться от государственного участия всё же было невозможно.

Дискуссия о важности частных капиталовложений в орошение земель была достаточно активной. Так, официальный печатный орган Туркестана «Туркестанские ведомости» оспаривал²⁶ содержание статьи под названием «Водный закон для Средней Азии», поме-

---

²¹ Кривошеин А.В. Записка главноуправляющего землеустройством и земледелием о поездке в Туркестанский край в 1912 году // Вопросы колонизации. 1913. № 12. С. 308.

²² Там же. С. 349.

²³ Там же. С. 308.

²⁴ Там же. С. 326.

²⁵ Там же. С. 324.

²⁶ Туркестанцев. Частные оросительные предприятия // Туркестанские ведомости. 5 марта 1911. № 51. С. 2.

щенной в «Окраинах России»²⁷, а именно идею, что «сдача в аренду государственных земель частным лицам идет вразрез с основным принципом водных законов всех стран, не допускающим продажи и переуступки оросительной воды, эта статья водного закона самым существенным образом подрывает всю будущность русской колонизации края», а привлечение частных средств непременно приведет к появлению еврейского и иностранного капитала, а на орошенных землях будут селиться какие угодно колонисты, но только не русские, что обнуляет смысл создания сети ирригационных сооружений. В статье критикуется сама возможность передачи воды в частные руки и указывается на необходимость исключительно казенной собственности, поскольку лишь государство может обеспечить правильное водопользование. Следует отметить националистическую направленность издания, которое выдвигало на первый план опасность заселения орошенной территории инородцами (как и вообще рост численности инородческого населения и укрепление их прав).

В ответ публицист «Туркестанских ведомостей» под псевдонимом «Туркестанцев» заявлял, что подобные водные законы как раз не редкость для разных стран, приводя в пример Южную Америку и юго-западную Францию, где именно привлечение частных капиталов позволило расширить ирригационную сеть. Кроме того, тезис о «еврейских и иностранных капиталах» не имел, по его мнению, под собой оснований, так как согласно водному праву вкладываться будет разрешено лишь русским подданным православного вероисповедания. Выгод же от сотрудничества властей и частных предпринимателей много: предполагаемая площадь для орошения в 3–4 миллиона десятин потребовали бы вложения 300–400 миллионов рублей, что не только для Туркестанского края, но и всего государства являлось немалой суммой. После истечения срока контракта земли переходили в собственность казны, что позволило бы заселить эти территории миллионами русских колонистов. В качестве аргумента в пользу невозможности действовать лишь государственными средствами автор приводил в пример канал Николая I, где на сооружение магистрального канала и производство капитального ремонта требовались 10 миллионов рублей, которые с большим трудом удалось найти.

Частный капитал виделся автору жизненно необходимым в деле колонизации региона. Любопытно, что оба издания при этом занимали консервативную позицию по вопросу колонизационного процесса вообще, всячески его поддерживали, но разными средствами и путями.

---

²⁷ Водный закон для Средней Азии // Окраины России. 12 февраля 1911. № 7. С. 101–103.

Подробно осветил процесс привлечения частного капитала ташкентский журналист и исследователь хозяйства Туркестана Юрий Могилев, автор ряда статей в «Туркестанских ведомостях». В отличие от правительственной ставки на крупные капиталы он считал необходимым привлечь и капиталы малые. В одной из статей он утверждал: «Мне кажется, что следовало бы пойти навстречу и мелким предпринимателям, и не только крупным капиталистам, — тогда бы масса пустующих земель скорее была орошена...»; «идя навстречу мелким предпринимателям, главное управление землеустройства и земледелия сделает решительные шаги к скорейшему заселению края, так как на мелкие [участки] всегда больше найдется охотников, которые самостоятельно будут обрабатывать их, а следовательно не истощать, а обогащать почву, да кроме того и свой отечественный капитал будет в обороте»²⁸. Могилев справедливо замечал, что крупному капиталу (приводится пример ирригационного проекта А.И. Кузнецова в Ферганской области) были предоставлены неоправданно комфортные условия: 250 тыс. десятин (110 тыс. десятин казенной земли и 140 тыс. частновладельческой) без арендной платы, половина казенной земли переходила в его собственность, взимание с частных владельцев орошаемой земли до 1/3 урожая, вода из реки Нарын для него самого бесплатна. Могилев считал, что отдавать контроль за распределением воды на частновладельческих землях предпринимателям не стоило, поскольку это нарушало сам принцип общественной пользы. В итоге автор приходит к мысли, что ставка лишь на крупный капитал вредна, так как рано или поздно привела бы к замещению отечественного капитала иностранным.

В другой статье Могилев продолжал критику проекта Кузнецова, опираясь на аргументы из интервью инженера М.Н. Ермолаева, изучавшего ирригационный вопрос в Египте: «На г. Кузнецова я смотрю как на идейного человека и серьезно в его дела не верю»²⁹. В целом автор не отказывался от участия крупного капитала и полагал, что «без частной инициативы обойтись трудно», а если «министерство пойдет навстречу частной инициативе и даст льготные условия орошений, то край заселится в 5–10 лет русскими настолько, что русских окажется больше, чем мусульман»³⁰.

---

²⁸ Могилев Ю. Искусственное орошение в Средней Азии // Туркестанские ведомости. 17 сентября 1913. № 205. С. 3.

²⁹ Могилев Ю. Взгляд инженера М.Н. Ермолаева на орошение земли в Средней Азии // Туркестанские ведомости. 18 сентября 1913. № 206. С. 3.

³⁰ Могилев Ю. Земли под переселение и искусственное орошение // Туркестанские ведомости. 20 сентября 1913. № 208. С. 4.

В печатном органе Переселенческого управления «Вопросы колонизации» можно найти немало замечаний о необходимости привлечения частных капиталов для оросительных работ в крае. Известный статистик П.П. Румянцев в одной из своих статей замечал, что для развития Семиречья важно строить железные дороги и наладить землеустройство туземцев и старожилов, что привлечет частные средства и создаст условия для качественной мелиорации, «которая здесь сводится к искусственному орошению»³¹ частными предпринимателями, очевидно признавая невозможным решить этот вопрос лишь государственными средствами.

В итоге от Главного управления землеустройства и земледелия в Государственную думу был внесен законопроект о правилах использования частных средств для оросительных работ. В них оговаривались условия получения территории для оросительных предприятий, включая постоянный надзор правительственных органов и переход всей земли, оросительной сети на ней и всех сооружений в собственность казны по истечении срока договора; срок договора оросительных предприятий на площади до 5 тысяч десятин предполагался в 36 лет, а свыше 5 тысяч — более 36 лет; полное освобождение от налогов в течение первых пяти лет и половина от налогов в последующие пять лет³². Запрос обсуждался на двух сессиях в сельскохозяйственной комиссии Государственной думы, откуда его направили на переработку в подкомиссию, полагая, что весь вопрос целиком должно рассматривать в переселенческой комиссии, так как она «имеет деятелей, принимающих вопросы колонизации близко к сердцу и опытных в их разрешении»³³, но реализацию законопроекта на практике, вероятно, задержала Первая мировая война.

Привлечь дополнительный интерес предпринимателей к ирригационной работе в крае мог вопрос о выдаче мелиоративных кредитов предпринимателям, продвинуть который пытались октябристы в начале работы 1-й сессии IV Думы (предлагался к созданию Государственный земельный банк), но реализации идея не получила³⁴.

---

³¹ Румянцев П. Условия колонизации Семиречья // Вопросы колонизации. 1911. № 9. С. 224.

³² Законопроект Главного Управления Землеустройства и Земледелия, по Отделу Земельных улучшений, о производстве за счет частных средств оросительных работ в Туркестане // Вопросы колонизации. 1914. № 14. С. 222.

³³ Муганский В. Вопросы колонизации в четвертой Государственной Думе // Вопросы колонизации. 1914. № 16. С. 3.

³⁴ Мамаев А.В. Проблемы экономического развития Туркестана в работе IV Государственной Думы // КЛИО. 2018. № 11. С. 77.

Таким образом, на рубеже XIX и XX вв. на страницах периодической печати России и в частности Туркестана активно продвигалась идея о привлечении капиталов частных предпринимателей в Среднюю Азию. Среди основных выгод называлось развитие хлопкового дела, заселение края русскими переселенцами, новые возможности по эксплуатации центрально-азиатского рынка, освоить который позволяло развитие транспортной системы. Критика такой политики касалась как обширных льгот для предпринимателей, нарушавших общественные принципы земле- и водопользования, так и, наоборот, нехватки льгот и возможной неконкурентоспособности русского капитала с иностранным. Постепенно в дискуссию на страницах печати включались и крупные чиновники, выступавшие в защиту частного капитала. Публицисты в большинстве своем старательно подчеркивали невозможность быстрой и успешной колонизации и экономического освоения края лишь силами государственного капитала, а предметом спора выступал не столько факт привлечения частных средств, сколько их направление и использование.

References

Galuzo P.G. *Turkestan-koloniya* [Turkestan-Colony]. Moscow: Kommunisticheskiy universitet trudyashchikhsya Vostoka imeni I.V. Stalina, 1929. 162 p.

Kitanina T.M. *Proniknoveniye krupnogo rossiyskogo finansovogo kapitala v ekonomiku Sredney Azii v kontse XIX — nachale XX v. (finansovo-promyshlennaya gruppa A.I. Putilova i zheleznodorozhnoye stroitel'stvo)* [The Penetration of Big Russian Financial Capital into the Economy of Central Asia at the Late 19th and Early 20th Centuries (Financial-Industrial Group of A.I. Putilov and Railway Construction)]. Saint Petersburg: Gumanitarnaya akademiya, 2018. 222 p.

Mamayev A.V. *Problemy ekonomicheskogo razvitiya Turkestana v rabote IV Gosudarstvennoy dumy* [Issues of Economic Development of Turkestan in the Work of the Fourth State Duma] // *Klio*. 2018. N 11. P. 73–82.

Vekselman M.I. *Rossiyskiy monopolisticheskiy i inostranny kapital v Sredney Azii (konets XIX — nachalo XX v.)* [Russian Monopolistic and Foreign Capital in Central Asia (Late 19th and Early 20th Centuries)]. Tashkent: Fan, 1987. 145 p.

Verkhovskoy N.P. *Khlopkovodstvo v Turkestane i perevozka khlopka po Tashkentskoy i Sredneaziatskoy zheleznym dorogam* [Cotton Growing in Turkestan and Cotton Transportation along the Tashkent and Central Asian Railways]. Saint Petersburg: Tipografiya Ministerstva putey soobshcheniya, 1910. 83 p.

Vyatkin M.P. *Sotsial'no-ekonomicheskoye razvitiye Sredney Azii. Istorigraficheskiy ocherk* [Social and Economic Development of Central Asia. Historiographical Essays]. Frunze: Ilim, 1974. 263 p.

Поступила в редакцию
16 мая 2022 г.

Л.В. Ермишин

**ПРОЩАЙ, ОРУЖИЕ? УКРЫТИЕ ОРУЖИЯ
В БОЛГАРИИ ПОСЛЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ**

L. V. Ermishin

**FAREWELL TO ARMS? WEAPONS CONCEALMENT
IN BULGARIA AFTER WORLD WAR I**

Аннотация. После поражения в Первой мировой войне Болгария была подвергнута принудительной демилитаризации в рамках новой Версальской системы миропорядка. Разоружение армии, уничтожение излишнего вооружения и боеприпасов тщательно контролировалось делегатами Межсоюзнической военной контрольной комиссии стран-победительниц. Однако оставшееся стрелковое оружие послужило основой многих процессов и событий межвоенного периода в Болгарии, среди которых: сентябрьское восстание 1918 г., череда политических убийств, вооруженная борьба Внутренней македонской революционной организации, июньское сопротивление военному перевороту 1923 г., сентябрьское вооруженное восстание 1923 г. До настоящего времени историки не пришли к единому мнению о количестве стрелкового оружия, выведенного из легального оборота. Более того, не уточнено даже общее количество оружия, которым располагала болгарская армия на момент окончания Первой мировой войны. Однако эти вопросы представляются важными для оценки значимости вооруженной борьбы во внутривосточной истории как Болгарии, так и балканского региона. В данной статье рассмотрен процесс укрытия стрелкового оружия и вооружения болгарской армии, протекавший на фоне скрытой и явной конфронтации новой политической власти, представленной руководителями Болгарского земледельческого народного союза, и военного руководства страны. Ранее не использовавшиеся источники позволили детализировать способы укрытия оружия от надзора международной комиссии. Количественная оценка выведенного из легального оборота оружия, выполненная на основе анализа устоявшихся и современных данных, позволяет по-новому взглянуть на такие аспекты кризисных событий межвоенного периода, как участие болгарской армии в укрывании стрелкового оружия и специальной военной техники, пути приобретения этого оружия оппо-

---

Ермишин Леонид Валерьевич, аспирант кафедры истории южных и западных славян исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Ermishin Leonid Valeryevich, Postgraduate Student, Department of History of Southern and Western Slavs, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University
lyermishin@inbox.ru

зиционными силами, основы возрождения материальной составляющей военной мощи страны после прекращения действия межсоюзнического военного контроля. Кроме того, ставится под сомнение принятое в историографии мнение об организации масштабных контрабандных поставок оружия правительством Советской России для Болгарской коммунистической партии в августе–сентябре 1923 г.

Ключевые слова: оружие, Межсоюзническая военная контрольная комиссия (МВКК), разоружение, Болгарский земледельческий народный союз (БЗНС), болгарская армия, Первая мировая война.

Abstract. After the defeat in World War I Bulgaria was forcibly demilitarized within the new Versailles system of world order. The disarmament and the destruction of surplus arms and ammunition were closely monitored by delegates of the Inter-Allied Military Control Commission of the victorious countries. However, the remaining small arms served as the basis for many processes and events during the interwar period in Bulgaria. Among them are the September 1918 uprising, the chain of political assassinations, the armed struggle of the Macedonian Revolutionary Organization, the June 1923 military coup d'état, the September 1923 armed uprising. To date, historians have not reached a consensus on the quantity of small arms withdrawn from legal circulation. Moreover, the total number of weapons in the possession of the Bulgarian army at the end of World War I has not even been clarified. However, these questions seem important for assessing the significance of the armed struggle in the internal political history of both Bulgaria and the Balkan region. This article examines the process of concealment of small arms and weapons of the Bulgarian army against the background of latent and obvious confrontation between the new political power, represented by the leaders of the Bulgarian Agrarian People's Union and the military authority. Previously unexploited sources have enabled to study in detail the ways the weapons had been hidden from the international commission's control. The quantitative assessment of the weapons which were taken out of legal circulation is based on the analysis of the available data and sheds a new light on such aspects of the interwar crisis as the involvement of the Bulgarian army in concealing small arms and special military equipment, the ways of weapons acquisition by opposition forces, and the revival of the country's military power after the inter-allied military control ended. The author also questions the opinion which has been accepted in historiography about the organization of large-scale arms smuggling by the Soviet Russian government to the Bulgarian Communist Party in August–September 1923.

Keywords: arms, Inter-Allied Military Control Commission (IAMCC), disarmament, Bulgarian Agrarian People's Union (BZNS), Bulgarian army, World War I.

* * *

В конце XIX — начале XX в. цивилизованное общество еще не выработало эффективных мер по контролю за оборотом оружия. В Болгарии, как и в других регионах мира, существовало особое

представление об оружии и человеке вооруженном. Границы между солдатом и простым «человеком с ружьем» на законодательном уровне были не так отчетливы, как в наше время. С появлением болгарского земского войска все мужчины проходили трехуровневую военную подготовку¹. Во многом поэтому наличие оружия у гражданского населения воспринималось как нечто близкое к норме.

Мирный договор Болгарии с державами Антанты от 27 ноября 1919 г. не только ограничил численность ее армии 20 тыс. военнослужащих, но и установил количество и разрешенные виды оружия для болгарской армии. Все излишки было предписано передать другим странам, уничтожить или депонировать в местах, указанных союзниками. В то же время усложнившиеся после войны отношения со всеми соседними странами, неосуществленная идея национального объединения, а также сформировавшиеся за годы войн традиции поставили перед руководителями Болгарии вопрос о необходимости сохранения своего оружия. Проблема вывода из легального оборота и сохранения оружия стала одной из важнейших на повестке дня болгарской внутривойсковой жизни 20-х гг. XX в.

После поражения в Первой мировой войне в августе 1919 г. впервые в политической истории страны победу на парламентских выборах одержала партия левой ориентации — Болгарский земельно-крестьянский народный союз (БЗНС). Ему противостояли как левая оппозиция², так и традиционные партии буржуазно-монархиче-

---

¹ С 1878 г. каждый болгарин, достигший 21 года, призывался в армию. Мусульмане имели возможность откупиться от прохождения военной службы. Молодые люди, по результатам комиссии признанные годными к военной службе, тянули жребий для зачисления в действующую армию, так как их число часто превышало необходимое армии пополнение. Вытянувшие жребий поступали солдатами в войсковые подразделения, где получали военную подготовку. После 4 лет службы они переводились в запас на 6 лет. Не вытянувшие жребий сразу зачислялись в запас на 10 лет. Находясь в запасе периодически призывались на сборы для военного обучения под руководством офицеров действующей армии. Учет личного состава, пребывающего в запасе, вызов их на военные сборы и обучение возлагался на военное министерство. С 1880 г. мужчины после 10 лет службы в действующей армии зачислялись в народное ополчение. Там они находились до 40-летнего возраста и периодически призывались на военную переподготовку. Народное ополчение подчинялось не военному министерству, а Совету министров. Военное министерство лишь оказывало содействие в организации военных сборов и временно предоставляло оружие. Непосредственное руководство и управление народным ополчением осуществлялось через специальные выборные комитеты, существовавшие в каждом округе Болгарии. Ополченцы сводились в четы до 200 человек, а своего командира избирали сами тайным голосованием.

² Болгарская коммунистическая партия (БКП), Болгарская рабочая социал-демократическая партия широких социалистов (БРСДП(о)), Радикал-демократическая партия (РДП).

ского блока³, во многом не разделявшие планы БЗНС в отношении путей достижения счастливого будущего для Болгарии.

Однако тогда же на политическую сцену страны вышла третья сила, внешняя. Для обеспечения выполнения условий мирного договора в побежденную страну в сентябре 1920 г. была направлена Межсоюзническая военная контрольная комиссия (МВКК), в которую входили делегаты от Великобритании, Франции, Италии и Японии. Постепенно этот орган, кроме непосредственного влияния на ход военных реформ, присвоил себе право регламентировать деятельность исполнительной власти Болгарии⁴. Действия МВКК объективно стимулировали противоборствующие политические группы к тому, чтобы объединиться с целью сохранения оружия внутри страны. Однако выполнение этой задачи осложнялось нарастающим противостоянием между военным и политическим руководством.

Путь, которым последовало военное руководство, состоял в укрытии оружия в арсеналах и тайных хранилищах как на территории армейских подразделений, так и вне ее. У этого решения были серьезные недостатки. Во-первых, воинские части периодически инспектировались делегатами МВКК, даты и планы проверок не всегда были известны заранее. Во-вторых, сооружение тайных хранилищ трудно скрыть от подчиненных, в числе которых могли быть недоброжелатели или предатели. Оборудование мест укрытия вне воинской части — еще более сложное мероприятие. Например, коммунисты организовывали тайную слежку за подобной деятельностью военного командования для присваивания спрятанного оружия⁵. В этой связи представляются интересными несколько документов, ранее не использованные в историографии. Они были выявлены нами в Российском государственном военном архиве. Это донесение сотрудника МВКК лейтенанта Савиньени⁶, который, вероятно, занимался в том числе и вербовкой информаторов, о результатах проверки делегатами МВКК численности личного состава дислоцированной в г. Рузук (сейчас Русе) 14-й дружины жандармерии в апреле 1921 г.

Приведем здесь этот документ в переводе с французского.

---

³ Либеральная (ЛП), Народно-либеральная (НЛП), Прогрессивно-либеральная (ПЛП), Народная (НП) и Демократическая партии (ДП).

⁴ *Маковецкая Т.Ф.* Режим БЗНС и Тырновская конституция (1920–1923). Проблема сосуществования // Болгария в XX веке. Очерки политической истории / Отв. ред. Е.Л. Валева. М., 2003. С. 141.

⁵ *Недялков А.* Военната организация на БКП 1920–1923 г. София, 1969. С. 29.

⁶ Донесение лейтенанта Савиньени и доклад агента «Дунайского» от 4 апреля 1921 г. // Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 1707к. Оп. 1. Д. 325. Л. 283, 284.

«ФРАНЦУЗСКАЯ ВОЕННАЯ КОМИССИЯ В БОЛГАРИИ

Пост Руцук

№ 91. Секретно

Агент «Дунайский» передает следующую информацию:

Майор де БАЙЛЕНКУР, входящий в состав МВКК, приехал проверить жандармерию Руцука. Начальник жандармерии майор КУПРИБАЧЕВ дал информацию, которая не является точной, поскольку он заявил, что в каждой из трех рот дружины было 65 человек и 25 человек в пулеметной роте. Точная цифра составляет 135 человек на роту, что составляет около 430 человек в дружине, включая пулеметную роту. Цифры, которые я привожу, можно проверить в военной пекарне.

Когда майор де БАЙЛЕНКУР прибыл для проверки, сверхштатные жандармы были отправлены в небольшой лес, который находится в непосредственной близости от кавалерийского полигона. В жандармерии существует двойной учет подчиненных. Один создан для показа членам контрольной комиссии, другой скрыт, но с точными данными. Первый из этих списков, включающий только 65 человек на роту и был показан офицеру-контролеру, который затем отправился в военную пекарню и обнаружил, что его обманули. Затем майор КУПРИБАЧЕВ скрылся со своим заместителем, чтобы ему не пришлось давать объяснений по поводу сделанных заявлений.

Вышеуказанная информация проверена майором де БАЙЛЕНКУРОМ, который признал ее совершенную точность.

Также агент «Дунайский» сообщает:

Пулеметная рота жандармерии Руцука имеет 2 пулемета. Они были получены из 5-го пехотного полка. У этого полка есть тайный пулеметный склад, спрятанный в одном из подвалов казармы, вход в который замурован и сделан невидимым. В склад можно попасть через люк, который находится в спальном помещении для солдат. Я сам видел около 40 пулеметов на этом складе».

Текст документа дает основание утверждать, что в 1921 г. в 14-й дружине жандармерии или в 5-й дунайской пехотной дружине⁷ проходил службу информатор МВКК с оперативным псевдонимом «Дунайский». Агент передал информацию о тайном складе пулеметов, списанных по документам. Также «Дунайский» подсказал союзникам способ проверки реальной численности воинского подразделения по документам на получение продовольствия, в частности в военной пекарне. Вести двойной учет в военной пекарне достаточно сложно ввиду низкого уровня образованности непосредственных исполнителей, т.е. простых поваров из нижних чинов.

Противостояние межсоюзнической военной разведки и болгарской контрразведки по проблеме нелегального оборота оружия в первые годы после Первой мировой войны нашло отражение и в других вводимых нами в научный оборот документах.

⁷ До 18.11.1920 5-й дунайский пехотный полк.

Так, руководитель греческой военной миссии в Болгарии Пануриас 30 мая 1921 г. направил обращение № 3134 председателю МВКК генералу де Фурту:

«Имею честь сообщить Вам, что, по моей информации, болгарские офицеры проводят учения солдат на аэродроме Божуриште с наступлением темноты. Здесь преподается теория самолетовождения и иногда проводятся полеты. По неподтвержденной информации, до 25 самолетов спрятаны в окрестностях Божуриште в подземных ангарах»⁸.

Генерал де Фурту распорядился проверить эту информацию, для чего в Божуриште был направлен лейтенант корабельной службы де Вейссо Валентин. Итогом расследования стал его отчет, текст которого в переводе с французского приводим здесь:

*«МВКК В БОЛГАРИИ
Военно-Морская Секция
N 60/SN*

София.

*Лейтенант де Вейссо ВАЛЕНТИН
господину председателю МВКК*

В связи с сообщением, которое было направлено мне 1 июня 1921 года за N 1496/SO, имею честь представить Вам результаты расследования, которое я провел в авиационном лагере Божуриште в понедельник 6 июня. Майор КОРОНАТИ, который был членом Комиссии в авиационной секции, любезно предоставил мне в поддержку свои профессиональные знания. В его компании я отправился в Божуриште около 7.30 вечера и посетил все ангары, не обнаружив не только ни одного аэроплана, но даже ни одного объекта, который хотя бы по общей форме можно было бы принять за настоящий аэроплан. Накануне на аэродроме в удалении от ангаров проводились предварительные испытания механических плугов, предназначенных для конкурса Министерства сельского хозяйства. Не исключено, что эти устройства, слышимые и видимые на большом расстоянии, были ошибочно приняты некомпетентными наблюдателями за аэропланы, проводящие учения. Прохождение этих плугов оставляло глубокие и характерные следы на земле; на неудобство этих неровностей указывал даже начальник аэродрома, поскольку они могли сделать часть посадочной полосы непригодной для прибытия летательных аппаратов. Но кроме этих следов, нигде на местности, и особенно перед ангарами, где трава достаточно высокая, нет никаких признаков недавнего присутствия аэропланов.

Короче говоря, я не думаю, что в последнее время в Божуриште проводились какие-либо учения с аэропланом или даже с устройством, похожим на него. Кроме того, поскольку аэропланы требуют постоянного обслуживания, периодического запуска двигателей и маневренного

⁸ РГВА. Ф. 1707к. Оп. 1. Д. 325. Л. 179.

оборудования, мне трудно поверить, что определенное количество самолетов можно тайно хранить для будущего использования»⁹.

Не менее интересно донесение, предположительно самого генерала де Фурту председателю Межсоюзнического военного комитета маршалу Фошу о результатах проверки по делу «аэропланов в Божуриште» в июне 1921 г.¹⁰

«N 1548/CO

господину маршалу Фошу

Председателю Межсоюзнического военного комитета

В дополнение к параграфу 11 двухнедельного отчета от 7 июня N1529/CO относительно расследований, навязанных МВКК в связи с неоднократными доносами представителей соседних с Болгарией держав и, в частности, поверенного в делах Греции, имею честь настоящим направить Вам письмо N 3134 из греческого представительства в Софии и копию отчета лейтенанта ВАЛЕНТИНА, составленного по результатам расследования, которое я приказал провести по получении вышеупомянутого письма. Хотя факты, вменяемые поверенным в делах Греции, с самого начала казались необоснованными, невозможно было отказаться от действий по этому доносу из-за личности его автора. На поиски в окрестностях Божуриште потребовалось два неполных дня, один из которых был официальным расследованием. Как и ожидалось, они не привели ни к каким результатам»¹¹.

Анализ этих документов приводит к определенным выводам. Назначение офицера корабельной службы для проверки по авиационным вопросам представляется по меньшей мере странным, тем более что в МВКК существовала авиационная секция. Возможно, выбор был сделан вследствие значительной удаленности военно-морской секции: она находилась в Бургасе, в 350 километрах от Божуриште. Таким образом генерал де Фурту мог обосновать «необычайную поспешность», с которой лейтенант Валентин приступил к выполнению приказа. Обращение Пануриаса датировано 30 мая. Приказ выполнить проверку отдан 1 июня, а сама проверка проводилась только вечером 6 июня. Расстояние между Софией, где располагались основные структурные подразделения МВКК, и Божуриште не превышает 20 км. То есть от получения информации, которую де Фурту именует не иначе, как «донос», до проверки

⁹ Отчет лейтенанта де Вейссо Валентина от 7 июня 1921 г. о проверке аэродрома в Божуриште // РГВА. Ф. 1707к. Оп. 1. Д. 325. Л. 191, 192.

¹⁰ Маршал Фердинанд Фош (1851–1929) являлся председателем Межсоюзнического военного комитета в Версале с января 1918 г.

¹¹ Донесение маршалу Фошу от 11 июня 1921 г. // РГВА. Ф. 1707к. Оп. 1. Д. 325. Л. 178.

на местности прошло 7 дней. Более того, в донесении полученная информация названа «изначально сомнительной», проверочные действия «навязанными», а само расследование «ожидаемо не дало никаких результатов». Отчет Валентина указывает, что он проверил наземные ангары и прилегающую к ним территорию. Неясно, искал ли он тайные подземные хранилища вообще. В то же время не вызывает сомнений, что укрыть в подготовленных тайных ангарах аэропланы, перепахать существующую взлетную полосу, пригнать сельскохозяйственную технику и засадить окрестности ангаров «высокой травой» за 6–7 суток не составляет сложностей. Более того, Валентин в отчете определяет увиденные им сельскохозяйственные плуги как механические. Разница в звучании работающего двигателя внутреннего сгорания аэроплана и механического плуга представляется значительной. Более того, вряд ли в окрестностях аэродрома не было другой площадки для испытаний механических плугов, кроме взлетно-посадочной полосы. Стоит отметить, что осенью 1918 г. в ходе подавления Владейского восстания правительственные силы успешно применяли аэропланы для ведения воздушной разведки, информационного воздействия на повстанцев, нанесения бомбовых ударов, выполнения курьерских и других задач. Впоследствии, несмотря на военные ограничения Нейиского мирного договора, болгарская военная авиация не канула в неизвестность. Она сохранилась, а накопленный военный опыт переняли новые поколения летчиков. Болгарские воздушные асы сбивали в небе над Софией, Дупницей и Видином американских и английских непрошенных гостей во время Второй мировой войны. Кроме того, в виде предположения есть основания говорить об участии авиации в событиях июня–сентября 1923 г. в Болгарии в качестве резерва средств связи и управления при подавлении сопротивления сторонников БЗНС и коммунистического вооруженного восстания¹².

Другое решение вопроса об укрытии нелегального оружия — передать его официальным государственным структурам, политическим партиям и националистическим организациям. Этим путем решило следовать правительство БЗНС, что спровоцировало противостояние с армейским руководством. Была у этого пути и своя предыстория.

Болгарский князь Александр I Баттенберг 3 декабря 1880 г. утвердил Закон о народном ополчении. Закон предусматривал передачу оружия населению при возникновении определенной внутренней или внешнеполитической обстановки. По мнению болгарского

---

¹² *Йонов М.* Българската армия като държавна институция след първата световна война 1919–1929 г. София, 1995. С. 152.

историка В. Янчева, не было законодательного акта первоначальной истории возрожденной Болгарии, который стал бы объектом такого количества противоположных интерпретаций. Константин Иречек¹³ и Симеон Радев¹⁴ полагали этот Закон нарушавшим Тырновскую конституцию и направленным против князя и армии. Другая тенденция, появившаяся после 1944 г., представляла Закон о народном ополчении 1880 г. как создание вооруженной силы, стоящей на страже Конституции и способной противостоять любой возможности государственного переворота, в том числе попыткам монарха притеснять права и свободы граждан. Согласно третьей точке зрения, народное ополчение было как средством противодействия деспотичным устремлениям князя, так и опорой либеральных сил в борьбе за власть и достижение собственных политических целей¹⁵. Хотя с возрождением государственности у болгар появилась регулярная армия, но в силу исторических обстоятельств в стране не было подготовленных резервистов. Поэтому был принят Закон о народном ополчении, который предусматривал раздачу оружия гражданскому населению военнообязанного возраста¹⁶. Закон тогда не был реализован, но после поражения в Первой мировой войне идея получила второй шанс и новое направление развития.

С декабря 1919 г. «земледельческое» правительство начало процесс передачи оружия населению. Легализация раздачи оружия была осуществлена в том числе в июле 1920 г. через Закон об ограничении грабежей, убийств, тяжелых телесных повреждений и поджогов. В соответствии с ним каждый гражданин наделялся правом преследовать и задерживать преступника, а также применять при определенных условиях оружие¹⁷. В связи с этим местные органы власти получили возможность закупать оружие¹⁸. Конечно, это был не единственный законодательный акт в данном направлении. Позднее, 25 ноября 1922 г., был принят Закон о борьбе с разбойничест-

---

¹³ Константин Йосеф Иречек (1854–1918), чешский историк, занимал пост министра образования в Болгарском княжестве с 1881 по 1884 г. Автор ряда трудов по истории Балканского региона: «История болгар», «История сербов» и др.

¹⁴ Симеон Трайчев Радев (1879–1967), болгарский историк, дипломат, автор труда по истории Третьего Болгарского царства «Строители современной Болгарии» (1910–1911 гг.).

¹⁵ Янчев В. Армия, обществен ред и вътрешна сигурност. Българският опит 1878–1912. Велико Търново, 2006. С. 107.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Государственный вестник. № 107. 13.08.1920. Цит. по: Янчев В. Армия, обществен ред и вътрешна сигурност между войните и след тях, 1913–1915, 1919–1923. София, 2014. С. 351.

¹⁸ Янчев В. Армията и войната на Стамболийски с «вътрешните врагове» (октомври 1919 — март 1920) // Годишник на Софийския университет «Св. Климент Охридски». Исторически факултет. Т. 102. 2017. С. 230.

вом¹⁹, согласно которому появилась новая официально вооруженная группа людей — *потера*. Она могла временно создаваться в местах, где Министерство внутренних дел считало необходимым организацию помощи местного населения воинским структурам в борьбе с разбойничеством. Член *потери* обладал правами полицейского стражника, в том числе на ношение и применение оружия.

В этой связи интересным представляется еще один новый документ. Согласно сообщению болгарского правительства в адрес руководителя Ликвидационного органа (ЛО)²⁰ на 31 марта 1922 г. оружием владели 77 комиссаров полиции, 2150 агентов полиции, 350 служащих таможни, 250 представителей акцизной службы и 391 лесник²¹, всего 3218 человек. Конечно, общее количество переданного подобным образом оружия не было значительным в масштабах армии, но потенциал развития в этом направлении безусловно существовал. Это оружие не нужно было выводить из легального оборота. Достаточно было заменить устаревшие образцы на наиболее современные, а винтовки старых систем, например Крнка²², поставленные из России в конце XIX в., сдать союзникам как выполнение обязательств по мирному договору.

Пока не до конца изучен вопрос о передаче оружия, выведенного из легального оборота²³, оранжевой гвардии БЗНС²⁴, а также его появления у военной организации БКП²⁵. Достоверных численных данных нет.

Тайную передачу оружия сторонникам политической власти, вероятно, выполнили лояльные БЗНС офицеры. Их задачей было снять оружие с контроля по документам, скрытно вывезти и передать руководителям отрядов оранжевой гвардии в округах и околиях. В качестве подтверждения сказанного можно привести еще один документ, также не привлекавшийся ранее исследователями. Это запрос делегатов МВКК к представителю правительства Болгарии

---

¹⁹ Государственный вестник № 205. 10.12.1922. Цит. по: Янчев В. Армия, обществен ред... София, 2014. С. 363.

²⁰ В феврале 1922 г. МВКК была реформирована в Ликвидационный орган (ЛО).

²¹ РГВА. Ф. 1707к. Оп. 1. Д. 314. Л. 16.

²² Однозарядная винтовка чешского конструктора Сильвестра Крнка 1856/1858 гг., принятая на вооружение российской армии в 1869 г.

²³ Палешутски К. Македонского освободително движение след Първата световна война (1918–1924). София, 1993. С. 103.

²⁴ Дубовик О.А., Ермишин Л. В. К вопросу о роли оранжевой гвардии во внутренней политике БЗНС 1920–1923 // Славянский альманах. 2022. № 1–2. С. 28–49.

²⁵ См.: Йовков И. Кавалери на смъртта. София, 1969. С. 34; Винаров И. Бойци на тихия фронт. София, 1988. С. 47–83; Димитров Н. Нелегалната военна организация на БКП (т.с.) 1919 — юни 1923 г. София, 1977. С. 51; Христов Ф. Военно-революционната дейност на БКП (1912–1944). София, 1959. С. 88.

о предоставлении разъяснений относительно оружия оранжевой гвардии, найденного в арсенале 2-й велосипедной дружины 16 июля 1923 г. офицерами МВКК, т.е. уже после июньского государственного переворота 1923 г.

«ЛО МВКК В БОЛГАРИИ

№654/ОЕ

Совет делегатов ЛО в Болгарии

господину квалифицированному представителю болгарского правительства при ЛО

София

Совет делегатов имеет честь подтвердить получение Вашего письма N-1618 от 14 июля, в котором Вы любезно информировали нас о результатах, достигнутых в ходе операций по разоружению оранжевой гвардии.

Строго придерживаясь точки зрения, которую он уже высказал вам в письме №630/ОЕ от 31 июня, Совет делегатов не может включиться вслед за вами в дискуссию, которую вы пытаетесь вновь начать по вопросу о самом существовании оранжевой гвардии, поскольку его убежденность в этом вопросе была окончательно установлена в результате наблюдений, которые он смог сделать в отношении организации и функционирования этой гвардии.

Что касается результатов, достигнутых в ходе операций по разоружению, то наблюдения, сделанные недавно двумя делегатами ЛО во время инспекции одной из частей Софийского гарнизона, позволяют нам предположить, что предоставленная вами информация не столь полна, как нам хотелось бы.

Эти офицеры действительно отметили 16 июля, то есть через два дня после отправки вашего письма, наличие в арсенале 2-ой велосипедной дружины в Софии винтовок, изъятых у «дружб»²⁶, в количестве, значительно превышающем то, которое вы сообразовали указать нам для всего района Софии и которое, согласно вашим заявлениям, уже находилось в арсенале в вашем распоряжении.

Мы пришли к выводу, что указанные вами результаты не являются окончательными, как это представляется из вашего письма, или что вы были недостаточно проинформированы по этому вопросу.

Поэтому мы будем признательны, если Вы дополните уже предоставленную информацию, которую данное наблюдение и достоверное количество указанного оружия не позволяют нам считать окончательной.

Для вашего и нашего блага было бы лучше, если бы вы подтвердили просьбу, содержащуюся в нашем письме №630/ОЕ, и периодически направляли бы нам отчет об изъятых оружии с указанием мест его изъятия, дат проведения операции и мест, где находилось оружие.

Эти отчеты, даже если они отрицательные, должны направляться в ЛО раз в десять дней, чтобы он мог осуществлять контроль над операциями по разоружению. Во избежание путаницы вам необходи-

---

²⁶ «Дружба» — низовая партийная ячейка БЗНС.

мо указывать в этих отчетах общее количество изъятого оружия, упомянув при этом, с приложением подтверждающих документов, то количество, которое поступило из хранилищ полиции и жандармерии и которое, по вашему мнению, должно быть возвращено на склады, откуда оно было изъято.

Делегат правительства Италии / И.О. Председателя ЛО:
Scanagatta»²⁷

Документ позволяет сделать следующие выводы. Пришедшее к власти после переворота 9 июня 1923 г. правительство не намеревалось признавать факт существования оранжевой гвардии, подчинявшейся БЗНС. Оружие у оранжевой гвардии имелось в количестве, значительно превышавшем то, которое можно было оправдать перед ЛО. «Земледельческое» правительство пыталось сохранить стрелковое оружие под своим контролем путем вывода его из легального оборота и передачи оранжевой гвардии.

В Софии в июле 1923 г. дислоцировались не менее 14 воинских частей. Внезапная проверка арсенала только одной из них показала превышение количества оружия над официально заявленным болгарской стороной за весь Софийский гарнизон, что приоткрывает масштабы проведенной в 1919 г. операции по сохранению оружия. Тот факт, что новое правительство пыталось скрыть реальное положение дел, косвенно свидетельствует об участии армейского командования в ней.

Приведенные выше новые источники показывают способы разрешения проблемы укрытия оружия в Болгарии после поражения в Первой мировой войне. Для оценки масштаба вооруженной борьбы на внутривосточной арене необходимо перейти к количественным показателям. Болгарский историк В. Крапчански и коллектив его соавторов в исследовании, посвященном болгарской армии, ограничились данными о количестве оружия на 10 сентября 1915 г.²⁸ Однако эти сведения можно сопоставить с их же дан-

²⁷ Письмо делегатов ЛО от 28 июля 1923 №654/ОЕ об обнаружении излишков оружия в арсенале 2-й велосипедной дружины. РГВА. Ф. 1707к. Оп. 1. Д. 274. Л. 20, 21.

	Количество
пулемет Максима	248
карабин Манлихера	9513
винтовка Манлихера	251 713
винтовка Мосина	46 056
винтовка Бердана	54 912
винтовка Маузера	12 982
винтовка сербская	995
винтовка Крнка	1280
пистолет парабеллум	3957
револьвер смит и вессон	1112

ными о численности болгарской армии на ту же дату²⁹. По их же сведениям, к концу войны армия Болгарии составляла уже 850 тыс. человек³⁰. По данным М. Йонова, численность болгарской армии к сентябрю 1918 г. составила 877 тыс. человек³¹.

Болгарские исследователи С. Станчев и Т. Петров приводят данные о численности личного состава болгарской армии на 1 августа 1918 г., но обходят вопрос о количестве стрелкового оружия³². Они полагают, что численность личного состава, которому штатным расписанием предписана винтовка, составляла 834 343 человека. Офицеров, на вооружении которых были пистолеты, насчитывалось 16 885 человек. Всего получается 851 228 человек, что согласуется с данными, приводимыми Крапчанским. По сведениям С. Станчева и Т. Петрова, общая численность болгарской армии на 1 августа 1918 г. вместе с военными врачами и чиновниками составляла 857 063 человека. Аналогичную цифру приводит В. Янчев³³.

²⁹ 10 сентября 1915 в Болгарии была объявлена мобилизация. Общий состав армии военного времени должен был составить 17 883 офицера, 745 701 сержантов и рядовых, или всего 763 754 человека. Если принять вооружением нижних чинов винтовку, а офицеров — пистолет, получится некомплект 368 250 винтовок, 12 814 пистолетов и револьверов (*Крапчански В. и др.* Кратък обзор на бойния състав, организацията, попълването и мобилизацията на българската армия от 1878 до 1944 г. София, 1961).

³⁰ Там же. С. 118.

³¹ *Йонов М.* Българската армия като ... С. 11.

³²

Род войск	Офицери	Офицерские кандидаты	Врачи и служащие в армии	Военные чиновники	Серж. и рядовые	Всего
В действующей армии						
Пехота	8488	961	339	637	417 418	427 843
Артиллерия	1930	155	36	127	89 979	92 227
Конница	413	34	39	20	17 819	18 325
Инженерные	1113	99	3	126	45 377	46 718
Другие	1790	99	537	2519	107 099	112 044
Всего	13 734	1348	954	3429	677 692	697 157
Внутри Царства						
Пехота	745	34	3	31	105 317	106 130
Артиллерия	117	2	–	22	14 377	14 518
Конница	28	–	2	7	3448	3485
Инженерные	82	–	–	13	11 202	11 297
Другие	657	138	169	1205	22 307	24 476
Всего	1629	174	174	1278	156 651	159 906

(*Станчев С., Петров Т.* История на сухопътните войски на България. Т. 1. София, 2017. С. 271) (строка «Другие» курсивом в источнике отсутствует, добавлена мной. — Е.Л.)

³³ *Янчев В.* Армия, обществен ред ... София, 2014. С. 116.

В. Станев отмечает значительные сложности в организации учета и сомнения в точности сведений о количестве стрелкового оружия даже у штаба болгарской армии в период с конца 1918 г. до конца 1919 г.³⁴

При оценке количества укрытого оружия необходимо учитывать, что часть его была утрачена болгарской армией при отступлении с занятых территорий в 1918–1919 гг. Точный подсчет невозможен, ввиду уничтожения архивов отступивших болгарских дивизий³⁵. Имеются лишь сведения об оружии, попавшем в распоряжение греческих войск в Западной Фракии по состоянию на июль 1920 г., приводимые генералом Шарпи³⁶, которые представляются вполне возможными³⁷.

Историографические сведения о достоверно утраченном оружии также разнятся. Б. Кесяков³⁸, Л. Спасов³⁹, С. Станчев и Т. Петров приводят не полностью увязывающиеся между собой данные о количестве оружия и боеприпасов, переданного союзникам и оставшегося в распоряжении болгарской армии⁴⁰. С. Явашчев указывает другое количество оружия, потерянного Болгарией на полях сражений, переданного МВКК–ЛО и соседним странам или отправленного белой армии в Россию⁴¹.

Относительно данного вопроса есть документальное свидетельство — сообщение руководства ЛО союзников военным атта-

---

³⁴ Станев В. Междусъюзническият военен контрол в България (1920–1927). София, 2018. С. 104.

³⁵ Стефан Минков, ссылаясь на официальные сведения, указывает, что во исполнение положений перемирия на Салоникском фронте и в Македонии союзники получили от болгарской армии: пулеметов — 1295, винтовок и карабинов — 155 011 (Минков С. Съгласенските окупационни войски в България (1918–1920). Дисертация за ... степен «доктор». София, 2006. С. 131–162).

³⁶ Шарль Антуан Шарпи (1869–1941), дивизионный генерал, был начальником штаба маршала Франше д'Эспере, в 1921 г. командовал французским оккупационным корпусом в Константинополе.

³⁷ Болгарское оружие находилось на складах в Гюмюрджине, Ксанти, Фереджике и Одрине в количестве: 53 тыс. винтовок, 122 пулемета, 9 млн патронов, 19 тыс. единиц холодного оружия, 128 орудий, 65 тыс. гранат и 75 тыс. снарядов (МАЕ, АД. Vol. 17. P. 22. Цит. по: Станев В. Междусъюзническият военен контрол... С. 103).

³⁸ Б. Кесяков утверждает, что делегатам МВКК–ЛО болгарской стороны были переданы 353 241 винтовка, 1616 пулеметов (Кесяков Б. Принос към дипломатическата история на България. Т. 2. Ньойскидоговор. София, 1926. С. 121).

³⁹ Согласно Л. Спасову, делегатам МВКК–ЛО болгарской стороной были переданы 353 241 винтовка, 1616 пулеметов и другие вооружения (Спасов Л. България, Великите сили и балканските държави 1933–1939. София, 1993. С. 112).

⁴⁰ Болгарские военные власти передали МВКК 353 241 винтовку, 1616 пулеметов. Согласно договору, под надзором комиссии в Болгарии оставлены 355 пулеметов, 38 065 винтовок и 15 833 534 патронов (Станчев С., Николов Р. История на Сухопътните войски на България (1918–1945). Т. 2. София, 2017. С. 22).

⁴¹ Согласно С. Явашчеву, достоверно утраченными по различным причинам следует считать 700 тыс винтовок, 3 тыс. пулеметов, 2400 орудий, 300 млн патронов и 6,5 миллионов снарядов (Станев В. Междусъюзническият военен контрол ... С. 150).

ше Королевства Сербов, Хорватов и Словенцев, Греции и Румынии, датированное декабрем 1922 г. Согласно этому документу за период с сентября 1920 г. болгарская сторона передала в распоряжение МВКК–ЛО 380 050 винтовок, 1755 пулеметов⁴². Также из общего количества болгарского оружия необходимо вычесть, как достоверно утраченное, переданное армии А.И. Деникина в 1919–1920 гг.⁴³ и армии П.Н. Врангеля в июле 1920 г.⁴⁴

Болгарские историки, занимавшиеся вопросами численности болгарской армии и ее вооружения после окончания Первой мировой войны, приводят противоречивые сведения по количеству стрелкового оружия, но почти единодушны в оценке численности личного состава. Поэтому целесообразно оценивать количество скрытого стрелкового оружия на основании данных о численности армии.

Для оценки количества стрелкового оружия, которое находилось под болгарской юрисдикцией перед подписанием Салоникского перемирия 29 сентября 1918 г., здесь приняты в качестве исходных данные С. Станчева и Т. Петрова о численности личного состава, приведенные выше. В этом случае получается — 834 343 винтовки и 16 885 пистолетов. Те же авторы прямо указывают количество пулеметов в середине сентября 1918 г. — 2988 единиц⁴⁵.

Для оценки скрытого стрелкового оружия, на наш взгляд, необходимо исключить из исходных данных: переданное армии А.И. Деникина (67 тыс. винтовок); переданное армии П.Н. Врангеля (50 тыс. винтовок); находившееся в июле 1920 г. на территории Западной Фракии согласно сведениям генерала Шарпи (53 тыс. винтовок и 122 пулемета); переданное союзникам по данным ЛО на декабрь 1922 г. (380 050 винтовок и 1755 пулеметов); а также оставшееся в распоряжении болгарских вооруженных сил по Нейскому мирному договору (38 065 винтовок и 355 пулеметов). В итоге можно утверждать, что на декабрь 1922 г. из легального оборота в Болгарии могло быть выведено до 263 113 единиц стрелкового оружия и 756 пулеметов. Штатная численность пехотного полка того времени в Болгарии составляла чуть более 1700 человек. Такого количества оружия было достаточно для вооружения 54 полков пехоты.

---

⁴² Там же.

⁴³ За весь 1919 г. для армии А.И. Деникина Болгария отправила 67 тыс винтовок (Спасов Л. Врангеловата армия в България 1919–1923. София, 1999. С. 16, 18).

⁴⁴ Для армии П.Н. Врангеля правительство Стамбулийского передало 25 205 винтовок Манлихер, 9625 винтовок Мосина и 15 170 винтовок Бердана с соответствующим количеством патронов к ним (ДВИА. Ф. 4. Оп. III. А.е. 184. Л. 76. Цит. по: Станев В. Междусъюзническият военен контрол ... С. 54).

⁴⁵ Станчев С., Петров Т. История... Т. 1. С. 255.

В современной историографии сложилось мнение, что оружие для сентябрьского восстания 1923 г. попало в Болгарию из Советской России⁴⁶. Целесообразность контрабандных операций представляется сомнительной, если есть локальная альтернатива. Тем более, что организация подобных акций на государственном уровне требует значительного времени, а с момента переворота 9 июня до сентябрьского восстания прошло немногим более двух месяцев.

В то же время, спустя несколько месяцев после прекращения деятельности ЛО армия Болгарии значительно увеличилась в соответствии с приказом N-226а от 20 декабря 1927 г. военного министра генерал-лейтенанта Ивана Вылкова. Появились новые пехотные, конные, артиллерийские и инженерные полки, батальоны, пулеметные роты и вспомогательные подразделения⁴⁷. Новые воинские части, на наш взгляд, в основном были укомплектованы стрелковым оружием, которое вывели из легального оборота в 1919 г. Таким образом, задача сохранения оружия под контролем своих вооруженных сил была успешно решена. Процессу не помешало ни внутреннее политическое противостояние в стране, ни действия внешних сил.

References

Dimitrov N. *Nelegalnata voenna organizatsiya na BKP (t.s.) 1919 — yuni 1923 g.* [The Illegal Military Organization of the BCP (N.S.) 1919 — June 1923]. Sofia: Voenno izdatelstvo, 1977. 239 p.

Dubovik O., Ermishin L. *K voprosu o roli oranzhevoy gvardii vo vnutrenney politike BZNS 1920–1923* [On the Role of the Orange Guard in Domestic Politics of BZNS 1920–1923] // *Slavyanskiy al'manakh*. 2022. N 1–2. P. 28–49.

Grishina R. *Gosudarstvennyy perevorot 9 iyunya i yego posledstviya* [The Coup d'État of 9 June and Its Consequences] // *Bolgariya v XX veke. Ocherki politicheskoy istorii* [Bulgaria in the 20th Century. Essays on Political History] / Ed. by E.L. Valeva. Moscow: Nauka, 2003. P. 159–194.

İonov M. *Bŭlgarskata armiya kato dŭrzhavna institutsiya sled Pŭrvata svetovna voĭna 1919–1929 g.* [The Bulgarian Army as a State Institution after World War I 1919–1929]. Sofia: Izdatelstvo na Ministerstvo na otbranata "Sv. Georgi Pobedonosets", 1995. 302 p.

İovkov İ. *Kavaleri na smŭrtta* [Cavaliers of Death]. Sofia: Dŭrzhavno voenno izdatelstvo, 1969. 250 p.

Kesyakov B. *Prinos kŭm diplomaticheskata istoriya na Bŭlgariya* [Contribution to the Diplomatic History of Bulgaria]. Vol. 2. *Noĭski dogovor* [The Treaty of Neuilly-sur-Seine]. Sofia: Vitosha, 1926. 190 p.

Khristov F. *Voенно-revolyutsionnata deĭnost na BKP (1912–1944)* [The Military and Revolutionary Activity of the BCP (1912–1944)]. Sofia: Dŭrzhavno voenno izdatelstvo, 1959. 240 p.

⁴⁶ Болгария в XX веке. Очерки политической истории. С. 176.

⁴⁷ Станчев С., Николов Р. История ... Т. 2. С. 47–49.

Krapchanski V., Khristov G., Vüzelov D., Skachokov I. *Kratük obzor na boñniya süstav, organizatsiyata, popülvaneto i mobilizatsiyata na bülgarskata armiya ot 1878 do 1944 g.* [Brief Overview of the Composition, Organization, Recruitment and Mobilization of the Bulgarian Army from 1878 to 1944]. Sofia: Dürzhavno voenno izdatelstvo, 1961. 248 p.

Makovetskaya T. *Rezhim BZNS i Tyrnovskaya konstitutsiya (1920–1923). Problema sosushchestvovaniya* [The BZNS Regime and the Tarnovo Constitution (1920–1923). The Problem of Coexistence] // *Bolgariya v XX veke. Ocherki politicheskoy istorii* [Bulgaria in the 20th Century. Essays on Political History] / Ed. by E.L. Valeva. Moscow: Nauka, 2003. P. 137–159.

Minkov S. *Süglashenskite okupatsionni voiski v Bülgariya (1918–1920): disertatsiya za prisüzhdane na obrazovatelnata i nauchna stepen “doktor”* [The Occupation Troops in Bulgaria (1918–1920): Dissertation for Awarding the Educational and Scientific Doctor Degree]. Sofia, 2006.

Nedyalkov A. *Voennata organizatsiya na BKP 1920–1923 g.* [The Military Organization of the BCP 1920–1923]. Sofia: Dürzhavno voenno izdatelstvo, 1969. 60 p.

Paleshutski K. *Makedonskoto osvoboditelno dvizhenie sled Pürvata svetovna voñna (1918–1924)* [The Macedonian Liberation Movement after World War I (1918–1924)]. Sofia: Izdatelstvo na BAN, 1993. 269 p.

Spasov L. *Bülgariya, velikite sili i balkanskite dürzhavi 1933–1939* [Bulgaria, the Great Powers and the Balkan States 1933–1939]. Sofia: Media, 1993. 185 p.

Spasov L. *Vrangelovata armiya v Bülgariya 1919–1923* [Wrangel's Army in Bulgaria 1919–1923]. Sofia: Universitetsko izdatelstvo “Sv. Kliment Okhridski”, 1999. 243 p.

Stanchev S., Nikolov R. *Istoriya na Sukhopütnite voiski na Bülgariya (1918–1945)* [History of the Ground Troops of Bulgaria (1918–1945)]. Vol. 2. Sofia: Asotsiatsiya na Sukhopütnite voiski na Bülgariya, 2017. 182 p.

Stanchev S., Petrov T. *Istoriya na Sukhopütnite voiski na Bülgariya* [History of the Ground Troops of Bulgaria]. Vol. 1. Sofia: Asotsiatsiya na Sukhopütnite voiski na Bülgariya, 2014. 285 p.

Stanev V. *Mezhdusüyuznicheskijat voenen kontrol v Bülgariya (1920–1927)* [Inter-Allied Military Control in Bulgaria (1920–1927)]. Sofia: Universitetsko izdatelstvo “Sv. Kliment Okhridski”, 2018. 325 p.

Vinarov I. *Boitsi na tikhiya front* [Kämpfer der lautlosen Front]. Sofia: Partizdat, 1988. 525 p.

Yanchev V. *Armiya, obshtestven red i vütreshna sigurnost. Bülgarskiyat opit 1878–1912* [Army, Public Order and Internal Security. The Bulgarian Experience 1878–1912]. Sofia: IF-94, 2006. 308 p.

Yanchev V. *Armiya, obshtestven red i vütreshna sigurnost mezhdu voñnite i sled tyakh, 1913–1915, 1919–1923* [Army, Public Order and Internal Security between the Wars and after Them, 1913–1915, 1919–1923]. Sofia: Universitetsko izdatelstvo “Sv. Kliment Okhridski”, 2014. 433 p.

Yanchev V. *Armiyata i voñnata na Stamboliiski s “vütreshnite vragove” (oktomvri 1919 — mart 1920)* [The Army and the War of Stamboliyski with the “Internal Enemies” (October 1919 — March 1920)] // *Godishnik na Sofiiskaia universitet “Sv. Kliment Okhridski”. Istoricheski fakultet* [Yearbook of the Sofia University “St. Kliment Ohridski”. Faculty of History]. Vol. 102. 2017. P. 199–240.

Поступила в редакцию
10 мая 2022 г.

Чжан Цзунхуа, Цзян Яньхун

**РУССКИЕ ЭМИГРАНТЫ В ХАРБИНЕ
ПОСЛЕ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1917 г.**

Zhang Zonghua, Jiang Yanhong

**RUSSIAN EMIGRANTS IN HARBIN
AFTER THE OCTOBER REVOLUTION 1917**

Аннотация. Пребывание русских эмигрантов в Харбине в 1920–1940-х гг. делится на три этапа. Первый этап — это время от Октябрьской революции до установления дипломатических отношений между Китаем и Советским Союзом (1924). Второй этап продлился до Мукденского инцидента 18 сентября 1931 г. Третий этап охватывает годы от начала японской оккупации северо-восточного Китая и до конца Второй мировой войны. Численность русской эмиграции в Харбине была значительной. Несмотря на то что Китай в межвоенный период не просто выстраивал свои отношения с другими странами, русские эмигранты, воспитанные в традициях одинаково чуждых китайцам западной светской образованности и традиционного православия, сумели не только сохранить свою культурную идентичность, но и поступательно развиваться в ее русле. Это развитие происходило по разным направлениям. Интенсивной оставалась деловая активность «русского Харбина», проживавшие там предприниматели пытались не только сохранять, но и наращивать свое присутствие в китайской и, шире, мировой экономике. Культурная жизнь эмигрантов также пребывала на высоком уровне, продолжая традиции русского Серебряного века. Создавались новые литературные произведения, появлялись общества, объединявшие представителей творческих профессий. Харбин стал центром музыкального образования, причем не только для русских эмигрантов, но и для местного населения. Многие известные китайские исполнители и музыканты получили образование именно в музыкальных

Чжан Цзунхуа, доктор исторических наук, профессор исторического факультета Института социального развития и государственного управления Сучжоуского университета науки и техники

Zhang Zonghua, Doctor in History, School of Social Development and Public Administration, Suzhou University of Science and Technology
+86-189-135-580-06; zhangzh_0518@163.com

Цзян Яньхун, доктор гуманитарных наук, профессор факультета русского языка Института иностранных языков Сучжоуского университета

Jiang Yanhong, Doctor of Arts, Professor, Department of Russian, School of Foreign Languages, Soochow University
+86-139-126-333-91; jyhwxx@163.com

учебных заведениях «русского Харбина». Город украсили здания, гражданские и храмовые, возводимые русским архитекторами. Сфера образования была представлена учебными заведениями всех уровней. Не прекращалась издательская деятельность: в Харбине выходила русская периодика, публиковались книги, в том числе воспоминания участников Белого движения, существовала разветвленная сеть библиотек. Хорошо организованная культурная жизнь «русского Харбина» способствовала сохранению русскими эмигрантами своей национальной идентичности.

Ключевые слова: Октябрьская революция 1917 г., русские эмигранты, Белое движение, Харбин, Китайско-Восточная железная дорога, Маньчжоуго.

Abstract. The period of Russian emigrants' presence in Harbin in the 1920s–1940s is divided into three stages. The first stage is the time from the October Revolution to the establishment of diplomatic relations between China and the Soviet Union. The second stage encompasses the period from the mutual recognition of each other by the Republic of China and the USSR until the Mukden incident on 18 September 1931. The third stage lasted from the beginning of the Japanese occupation of North-Eastern China until the end of World War II. The number of Russian emigrants in Harbin was significant. Despite the fact that, in the period between the two world wars, China did not easily build its relations with other countries, Russian emigrants, brought up in the traditions of Western secular education and traditional Orthodoxy equally alien to the Chinese, managed not only to maintain their cultural identity, but also to develop steadfastly in its context. This development took different directions. The business of the “Russian Harbin” remained buzzing. The entrepreneurs resident there tried not only to maintain, but also to increase their presence in the Chinese and, more broadly, in the world economy. The cultural life of emigrants was also at a high level, and the traditions of the Russian Silver Age were continued. New literary works were created and societies appeared that united representatives of creative professions. Harbin became the centre of musical education, not only for Russian emigrants, but also for the local population. Many well-known Chinese performers and musicians were educated in the music education institutions of the “Russian Harbin”. The city was embellished with civil and religious buildings erected by Russian architects. The sphere of education was represented by educational institutions of all levels. Publishing activity did not stop — Russian periodicals were printed in Harbin, books were published, including memoirs of participants in the White movement, and there was an extensive network of libraries. The well-organized cultural life of the “Russian Harbin” contributed to the fact that Russian emigrants preserved their national identity.

Keywords: October Revolution 1917, Russian emigrants, White movement, Harbin, Chinese Eastern Railway, Manchukuo.

* * *

Появление русских переселенцев в Китае относится к началу правления династии Цин в середине XVII в. После подписания в 1860 г. Пекинского договора множество русских поселились на тер-

ритории современных провинции Хэйлунцзян и автономного района Внутренняя Монголия. Притоку русских в северо-восточные земли Китая способствовало и начало строительства Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД), а также полученное в конце XIX в. от цинского правительства разрешение продлить Транссибирскую магистраль до Китая и занять определенное количество земель вдоль железнодорожной линии без арендной платы.

Харбин расположен в местности благоприятной для занятий сельским хозяйством, животноводством и рыболовством. Однако до начала строительства КВЖД Харбин представлял собой агломерацию из 73 разбросанных сел с общим населением около 20–25 тыс. человек и средней плотностью населения всего 13–17 человек на квадратный километр¹. В 1896 г. русский пароход «Иннокентий» поднялся вверх по реке Сунгари и пришвартовался возле будущего харбинского района Хулань. Прибывшие на нем пассажиры из России имели намерение заниматься здесь сельским хозяйством и переработкой его продукции совместно с местным населением. Массовый приток русских в эти края изменил облик Харбина. С 1908 по 1922 г. они построили в этом городе более 2300 зданий, многие из которых сохранились до сих пор. В период своего расцвета Харбинская епархия Русской православной церкви насчитывала 60 храмов, в которых служили более 100 священнослужителей, а в самом Харбине был построен 21 храм. В 1900 г. в Харбине проживали 14 тыс. иностранцев². Когда в 1903 г. началась эксплуатация КВЖД, общее число русских в Хэйлунцзяне превысило 30 тыс. человек. В 1912 г. в Харбине проживали 68,5 тыс. жителей, из которых более 43 тыс. были русские, что составляло около 63% общей численности населения города³. После начала Первой мировой войны, к 1916 г., численность русского населения Харбина сократилась до 34 тыс., но к 1917 г. снова возросла до 60 тыс. В Харбине и Маньчжурии русские составляли 60% всего населения⁴. Экономическому развитию этого региона в значительной степени способствовала КВЖД⁵. К нача-

¹ 石方. 黑龙江区域社会文明转型研究:1861–1911. 哈尔滨, 2006. P. 313.

² 李述笑. 哈尔滨历史编年. 哈尔滨, 2000. P. 9.

³ 李兴耕. 风雨浮萍—俄国侨民在中国 (1917–1945). 北京, 1997. P. 18.

⁴ 马良玉, 宫丽艳. 近代哈尔滨俄侨群体发展与消亡历史考 // 哈尔滨市委党校学报. 2011. N 2. P. 87.

⁵ До 1917 г. русские открыли в Харбине 8 мукомольных заводов, 8 винокуренных заводов, 5 пивоваренных заводов, кожевенную фабрику, мясоперерабатывающую фабрику, 6 мыловаренных заводов, маслозавод, 2 стекольных завода, 2 жировых завода, 6 свечных фабрик, 2 завода по производству литейного оборудования, макаронную фабрику, 3 кондитерских фабрики, 8 табачных фабрик. Итого — 54 предприятия. См.: 李世良, 石方, 高凌. 哈尔滨史略. 哈尔滨, 1994. P. 90.

лу Первой мировой войны в Харбине издавались 20 русских газет, функционировали 12 школ разного типа, более 10 кинотеатров и клубов и других досуговых заведений⁶. Благодаря КВЖД Харбин из небольшого поселения превратился в крупный город, в котором проживали выходцы из 28 стран и который стал центром распределения грузопотоков в Восточной Азии. Его называли Восточным Парижем, Восточной Москвой и Северным Шанхаем.

После Октябрьской революции 1917 г. Китай оказался одним из государств, в которых обосновались русские эмигранты. Они жили в основном в Харбине, вдоль КВЖД, а также в Шанхае, Пекине, Тяньцзине, Циндао и Синьцзяне. По словам исследовательницы С.А. Чуйкиной, «Китай стал пристанищем для дворянских семей, представителей оппозиционных партий и художников из дореволюционных русских культурных кругов»⁷. Больше всего русских эмигрантов поселилось именно в Харбине. Историю их пребывания в этом городе можно разделить на три периода.

Первый период, 1917–1924 гг., — это время от Октябрьской революции и до установления дипломатических отношений между Китаем и Советским Союзом. Основной поток эмигрантов пришелся на 1922 г. и был связан с поражением Белой армии на Дальнем Востоке. Характерна динамика увеличения русского населения Харбина в эти годы: в 1920 г. — чуть более 130 тыс., в 1922 г. — более 155 тыс., в 1924 г. — более 158 тыс.⁸ Местное китайское население быстро учло адаптационные потребности своих новых соседей, приобщилось к их обычаям и православному календарю, стало продавать русским ивовые ветви перед Вербным воскресеньем и елки накануне Рождества⁹. Один из эмигрантов вспоминал впоследствии, что в Харбине обосновались до 200 тыс. его бывших соотечественников, и это превысило численность местного населения¹⁰. Русские артисты, певцы и музыканты, осевшие в Харбине, превратили его в город с яркой и богатой культурной жизнью. Однако в последующие годы число русских эмигрантов начало резко сокращаться.

Второй период, 1925–1931 гг., — от установления дипломатических отношений между Китаем и Советским Союзом до Мукденского инцидента 18 сентября 1931 г. В мае 1924 г. было подписано

---

⁶ 马良玉, 宫丽艳. *Op. cit.* P. 88.

⁷ Чуйкина С.А. Дворянская память: «бывшие» в советском городе (Ленинград, 1920–1930-е годы). СПб., 2006. С. 24.

⁸ 李世良, 石方, 高凌. *Op. cit.* P. 96–98.

⁹ 李延龄. *中国, 我爱你*. 哈尔滨, 2002. P. 134.

¹⁰ Гальперин А. Бомбуубежища и тени прошлого // Новое русское слово. 1983. № 3. С. 10.

советско-китайское «Соглашение об общих принципах для урегулирования вопросов между Союзом Советских Социалистических Республик и Китайской Республикой», 15 августа того же года генеральный консул Советского Союза в Харбине М.Я. Ракин призывал проживавших в городе русских, желающих стать советскими гражданами, зарегистрироваться в генконсульстве в течение двух дней. Не прошедшим регистрации, заявил он, гражданство предоставлено не будет. 9 апреля 1925 г. управляющий КВЖД А.Н. Иванов издал приказ о приостановлении работы сотрудников этого объекта, не являющихся гражданами Китая или СССР. Так началась натурализация русских эмигрантов в Харбине. В результате сообщество разделилось на тех, кто принял советское гражданство, и тех, кто отказался это сделать. Давние переселенцы из России, которые имели смутное представление об Октябрьской революции, начали подавать документы в советское генконсульство. В 1926 г. гражданство СССР получили 1866 человек¹¹. Те же, кто эмигрировал после 1917 г., по вполне понятной причине отказались от регистрации в советском генконсульстве, а некоторые из них предпочли стать гражданами Китая, чтобы сохранить свои рабочие места. Отказавшиеся от первого и от второго варианта остались без гражданства и потеряли работу. В 1929 г. все работники КВЖД без гражданства были уволены. После Мукденского инцидента многие русские, жившие на северо-востоке Китая, переехали в Шанхай или вообще покинули Китай. В результате число русских в Харбине упало со 155 тыс. человек в 1922 г. до почти 56 тыс. в 1927 г., из которых более 30 тыс. не имели гражданства¹². В итоге на 1931 г. в Харбине насчитывалось более 41 тыс. человек, которые не прошли натурализацию¹³.

Третий период, 1932–1945 гг., — от начала оккупации Северо-Востока Китая Японией до конца Второй мировой войны. В 1932 г. японская военная администрация создала на территории оккупированной Маньчжурии марионеточное государство Маньчжоу-го. В 1935 г. СССР в одностороннем порядке передал КВЖД правительству Маньчжоу-го и отозвал советских служащих этой железной дороги. Как отмечено выше, на тот момент только половина русских жителей Харбина имела советские паспорта. Другая половина, враждебно настроенная к советской власти, видела в японцах союзников для борьбы с СССР, однако фатально ошиблась в своих упованиях:

---

¹¹ 李世良, 石方, 高凌. Op. cit. P. 76.

¹² Jones F.C. *Northeast China after 1931*. Beijing, 1959. P. 75.

¹³ 亢稚文. 中国境内俄罗斯裔无国籍居民问题探讨 // 西伯利亚研究. 2007. N 6. P. 15.

японцы в массовом порядке стали допускать вымогательства и другие противоправные действия в отношении лиц без гражданства русского происхождения. Если в 1933 г. в Харбине на 27,5 тыс. советских граждан приходилось 34,5 тыс. русских без гражданства¹⁴, то в 1934 г. это соотношение было 25 тыс. на 35,5 тыс., а в феврале 1936 г. — около 8 тыс. на 30,5 тыс.¹⁵ После начала Второй мировой войны, в 1940 г., на всем Северо-Востоке Китая проживали около 61,5 тыс. русских эмигрантов дворянского происхождения¹⁶. В августе 1945 г. более 200 русских эмигрантов без гражданства были арестованы и вывезены в Сибирь для следствия и суда¹⁷. Аресты и высылки в СССР русских без гражданства продолжались и позже, что вынудило оставшихся на свободе эмигрировать в другие страны. Однако этот процесс шел довольно медленно. В 1946 г. в Харбине оставалось почти столько же русских без гражданства (стало всего на тысячу меньше), что и 10 лет назад¹⁸.

После передачи КВЖД под юрисдикцию Маньчжоу-го в СССР из Харбина вернулись около 20 тыс. эмигрантов. Многие из них были репрессированы¹⁹. В 1954 г. русским эмигрантам было разрешено вернуться в Советский Союз, но они могли поселиться только в Центральной Азии. Поэтому основная часть русских эмигрантов из Харбина отправилась на Тайвань, в США, Канаду или Австралию. Из некогда многотысячной русской диаспоры в Харбине остались менее тысячи человек²⁰.

После поражения Белого движения на Дальнем Востоке многие из его представителей не только обосновались в Харбине, но и организовали особые русские соединения в войсках под командованием Чжан Цзолиня, бывшего на тот момент генерал-губернатором Северо-Востока Китая. В апреле 1927 г. некоторые из них участвовали в подавлении коммунистических сил в Шанхае. Бывший сотрудник колчаковского правительства и идеолог «сменовеховства» Н.В. Устрялов публиковался в издававшихся в Китае эмигрантских изданиях и призывал в них к примирению и сотрудничеству с советской властью, которая, по его мнению, уже «переродилась» и дей-

---

¹⁴ 王晓菊. 俄罗斯人在东北 - 半个世纪的侨民历程 // 中俄关系的历史与现实辑刊. 2009. N 2. P. 221.

¹⁵ 张镜. 黑龙江外事事略 (1636-1985). 哈尔滨, 1992. P. 216.

¹⁶ 马良玉, 宫丽艳. *Op. cit.* P. 89.

¹⁷ 赵永华. 十月革命后俄国犹太人考夫曼在华的出版活动 // 新闻学论集. 2014. N 30. P. 139.

¹⁸ 亢稚文. *Op. cit.* P. 15.

¹⁹ 玛拉. 穆斯塔芬 (澳大利亚). 哈尔滨档案. 北京, 2008. P. 49.

²⁰ 马良玉, 宫丽艳. *Op. cit.* P. 90.

ствовала в национальных интересах России. Однако в массе своей осевшие в Харбине бывшие белые офицеры представляли собой во многом неуправляемую и криминальную среду, хотя среди них были и те, кто стал служить на КВЖД, а некоторые остались на постоянной основе в китайской армии²¹.

В Харбине возникали и различные общественные организации русских эмигрантов, точнее — выходцев из России: например, к ним относилась еврейская община, насчитывавшая в 1920 г. до 20 тыс. человек²². Широко известна существовавшая сначала в Китайской Республике, а затем в Маньчжоу-го Всероссийская фашистская партия, лидером которой был К.В. Родзаевский и отделения которой возникли и в других странах²³. В Маньчжоу-го русские фашисты не гнушались разбоем и похищениями людей, но вместе с тем они, как правило, не испытывали симпатий к Японии²⁴.

Однако не попытки встроиться в китайскую армию или организовать фашистское движение были определяющими для характеристики русской эмиграции в Харбине. И после революции 1917 г. она продолжала заниматься привычной для себя хозяйственной и культурной деятельностью.

Во многом именно для строительства КВЖД в конце XIX в. был организован Русско-Китайский банк, в составе которого открылось и Харбинское отделение. Банк пользовался в Китае значительными привилегиями. После Октябрьской революции он был национализирован советской властью, однако его китайский офис не признал этой экспроприации. В октябре 1920 г. банк и китайское правительство подписали соглашение об управлении КВЖД, и были признаны права Китая на эту магистраль. В начале XX в. русский чайный предприниматель И.Ф. Чистяков открыл в Харбине свое дело, быстро выросшее в высокодоходное предприятие. В городе учреждались акционерные общества и филиалы российских банков. В 1923 г. эмигранты из России еврейского происхождения основали в Харбине Еврейский народный банк, ставший одним из самых эффективных кредитно-финансовых учреждений в городе в межвоенный период²⁵. С начала эксплуатации КВЖД в 1903 г. и до 1918 г. ее управляющим был русский военный Д.Л. Хорват. Основные административ-

---

²¹ *Смирнов С.В.* Русская военная эмиграция в Китае: 1920 — конец 1940-х гг. Дис. ... доктора ист. наук. Екатеринбург, 2018. С. 36.

²² 赵博雅. 俄罗斯元素在哈尔滨城市文化中的作用 // 西伯利亚研究. 2015. N 2. P. 66.

²³ 刘万均. 满洲黑手党-俄国纳粹黑幕纪实. 哈尔滨, 1993. P. 1.

²⁴ 汪之成. 上海俄侨史. 上海, 1993. P. 287.

²⁵ 张薇. 哈尔滨历史上金融经济国际化态势 // 边疆经济与文化. 2014. N 5. P. 6.

ные должности на этой железной дороге также занимали русские, причем даже после того, как дорога в 1920 г. перешла Китаю. У КВЖД и у других предприятий, управлявшихся русскими, были свои пассажирские и грузовые корабли²⁶.

В 1867 г. иркутский купец И.Я. Чурин создал в Николаевске на реке Амур товарищество «Чурин и Ко». В 1900 г. филиал товарищества открылся в Харбине, он реализовывал продовольственные товары, которые удостаивались наград на международных выставках²⁷. После Октябрьской революции товарищество переехало в Харбин, где открылась новая страница его деятельности. «Чурин» превратился в мощную торговую империю, которая была приобретена Гонконг-Шанхайским банком, впоследствии, после Второй мировой войны, она была экспроприрована Советским Союзом. Вообще же Харбин и после революции оставался важным центром русской деловой активности: на рубеже 1920–1930-х гг. в нем проживали более 1300 русских предпринимателей²⁸.

Активная культурная жизнь русских переселенцев в Харбине возникла еще до революции, с началом строительства КВЖД. После 1917 г. в истории русской литературы этого города можно выделить несколько периодов. В первой половине 1920-х гг. — творчество первых политических эмигрантов. Затем — десятилетие с середины 1920-х до середины 1930-х гг.: общества «Чураевка» при ИМКА, студия «Лотос», литературно-художественный кружок имени Н.С. Гумилева, создававшиеся трудами Н. Байкова, А. Несмелова, А. Ачаира, В. Перелешина и др. Следующий период, тоже десятилетний, — с середины 1930-х гг. и до 1945 г.

За первую четверть XX в. в Харбине выходило более 140 периодических изданий на русском языке, более 30 из которых было посвящено литературе и искусству²⁹. А только за десятилетие с середины 1920-х до середины 1930-х гг. количество наименований русской периодики увеличилось более чем на сотню позиций³⁰.

С 1925 г. в Харбине в день рождения А.С. Пушкина стал ежегодно проводиться День русской культуры. В 1937 г., к столетию гибели поэта, в городе вышло более 300 публикаций, посвященных его памяти.

В китайской историографии отмечались и характерные черты литературных произведений русской харбинской диаспоры. Среди

---

²⁶ 李兴耕. *Op. cit.* P. 277.

²⁷ 宋宝华. 哈尔滨秋林公司史话 // 黑龙江史志. 2007. N 2. P. 42.

²⁸ 李兴耕. *Op. cit.* P. 280–282.

²⁹ 荣洁. 哈尔滨俄侨文学 // 外语研究. 2002. N 3. P. 45.

³⁰ 李世良, 石方, 高凌. *Op. cit.* P. 298–335.

них — ностальгия по родине и религиозные настроения³¹. Так, в поэме «Через океан» и других стихотворениях А. Несмелова чувствуется надрывная тоска по России. Таким же настроением проникнута и поэзия А. Ачаира. Н. Федорова в романе «Семья» описала внутренние переживания русских изгнанников в Китае. Многогранно творчество В. Перелешина. Он был не только поэтом, но и переводчиком. Он перевел на русский язык философский трактат «Дао дэ цзин» Лао-цзы и поэму «Лисао» Цюй Юаня. Перелешин занимался и творчеством древнекитайской поэтессы Бань-цзюй, средневековых поэтов Ли Бая, О Янсю, Лю Юна и Ли Шаньиня.

Русская эмигрантская литература в Харбине не только продолжала традиции Серебряного века, но и противостояла утверждавшемуся в советской культуре соцреализму. В период Маньчжоу-го большинство русских писателей переехали из Харбина в Шанхай.

В межвоенный период в Харбине открывались русские музыкальные школы. Первая из них начала работать в 1921 г. За более чем 20 лет своего существования она подготовила порядка 2 тыс. выпускников. Преподававший в ней пианист Б.М. Лазарев стал впоследствии учителем известного китайского музыканта Лю Шикуня. В 1925 г. в Харбине трудами У.М. Гольдштейна открылась Высшая музыкальная школа имени А.К. Глазунова. В ней получили образование многие будущие китайские исполнители.

Еще одна музыкальная школа начала работать в 1927 г. Ее создателями стали настоятель харбинского храма Иверской иконы Божией Матери протоиерей Николай Вознесенский и закончившая Киевскую консерваторию Г.Г. Баранова-Попова. В ней также обучались не только молодые люди из русских эмигрантских семей, но и китайцы³².

Большинство русских преподавателей этих музыкальных школ имели консерваторское образование, которое получили в Петербурге, Москве, Киеве, Берлине, Париже, Милане, Лейпциге. Учебные планы харбинских школ были исключительно серьезными и при условии их успешного освоения гарантировали исполнительскую подготовку высокого уровня. Ученики школ регулярно выступали с концертами.

Очень много для развития культуры русской эмиграции в Китае и для ее распространения среди местного населения сделала жена Д.Л. Хорвата — К.А. Хорват, происходившая из династии Бенуа.

---

³¹ 苏晓棠. 龙江大地上俄罗斯文化的回声-评俄罗斯东正教与黑龙江文化 // 俄罗斯文艺. 2011. N 4. P. 126-128.

³² 刘欣欣. 二十世纪上半叶的哈尔滨音乐学校 // 人民音乐. 2002. N 7. P. 25-27.

После перевода ее мужа в Харбин управляющим КВЖД она стала заниматься в этом городе благотворительностью, в 1912 г. основала Харбинское художественное общество. После Октябрьской революции супруги переехали в Пекин, где К.А. Хорват начала давать уроки вокала в четырех учебных заведениях — Пекинской средней школе имени Чэнь Цзинлуна, музыкальной школе при Пекинском университете, Пекинском художественном колледже и Пекинском педагогическом университете — и стала пионером в области вокального образования в Китае.

Значительно художественное наследие русских эмигрантов в Харбине. Так, русский живописец М.А. Кичигин, проживший около 30 лет в Китае, преподавал в харбинской студии «Лотос». Он много путешествовал по Китаю и оставил рисунки, запечатлевшие повседневную жизнь страны, ее исторические и архитектурные достопримечательности. Из других мастеров, работавших в Харбине, можно назвать А.Н. Клементьева, М.М. Лобанова, Н.А. Кованцева.

Благодаря строительству и эксплуатации КВЖД происходило активное проникновение на северо-восток Китая русского православия. Этот процесс не прервался и после революции: только в первой половине 1920-х гг. вдоль КВЖД было построено несколько храмов и монастырей³³.

От «русского Харбина» остались яркие архитектурные сооружения. Среди них, в частности, краснокирпичный, в русско-византийском стиле храм Покрова Пресвятой Богородицы арх. Ю.П. Жданова. Можно назвать также театр-отель «Модерн», здание почты и торговые ряды «Кунст и Альберс» С.А. Венсана, а также Свято-Николаевский кафедральный собор А.К. Левтеева. Уже позже появились памятники советским воинам, погибшим при освобождении Китая, и защитникам Харбина от наводнения М.А. Бакича.

С момента завершения строительства КВЖД и до Октябрьской революции в Харбине функционировало более 20 русских учебных заведений. А уже к 1920 г. их количество удвоилось. Здесь были и начальные заведения, и средние школы, и учреждения профессионального и высшего образования. Можно сказать, что в эмигрантском Харбине сложилась вся линейка образовательных структур.

Дореволюционные учебные заведения Харбина были ориентированы на подготовку кадров для обслуживания КВЖД. После завершения Гражданской войны и, соответственно, с началом активного переселения в Харбин русских беженцев образование в городе стало более разноплановым. В 1920 г. здесь заработали Высшие

---

³³ 李兴耕. Op. cit. P. 497.

экономико-юридические курсы, впоследствии преобразованные в Харбинский юридический факультет. Одним из инициаторов создания курсов был Н.В. Устрялов, а после создания юридического факультета его возглавил профессор, юрист-цивилист, выпускник Казанского университета Н.И. Миролюбов. В 1922 г. между этим высшим учебным заведением и Государственным Дальневосточным университетом была достигнута договоренность о возможности выпускникам-харбинцам сдавать экзамены для получения полноценных университетских дипломов. К концу 1920-х гг. на факультете учились около тысячи студентов³⁴.

Естественно, продолжалась подготовка и специалистов для КВЖД. В 1920 г. для этой цели в Харбине была открыта специальная Русско-китайская школа, преобразованная в 1922 г. в Российско-китайский промышленный институт. Его первым руководителем стал инженер А.А. Щелков. К концу 1920-х гг. в институте функционировало около 20 кафедр. Учебное заведение окончили около 400 выпускников.

К четвертьвековому юбилею основания КВЖД по инициативе проживавших в Харбине русских ученых — Э.Э. Анерта, А.М. Баранова, А.И. Погребецкого, А.А. Рачковского и др. — и при непосредственной поддержке управляющего КВЖД Б.В. Остроумова было создано Общество изучения культуры Восточной провинции. Общество создавало библиотеки, музеи, организовывало выставки и проводило иные научно-просветительские мероприятия, издавало свой журнал.

По мере освоения территории, по которой прокладывалась КВЖД, в этой местности развивалось издательское дело. Прежде всего это отразилось в выпуске периодики. Ситуация не изменилась и после 1917 г. После революции и до 1930 г. в Харбине выходило несколько десятков газет и журналов³⁵.

Крупнейшим издателем периодики стал журналист М.С. Лембич. Он прибыл в Харбин вместе с белоэмигрантами и начал здесь выпускать газету «Заря». Через некоторое время он наладил выпуск русских газет и в других китайских городах. Еще одной заметной фигурой в издательском деле русской эмиграции в Китае стал Е.С. Кауфман, выпускавший литературно-художественный еженедельник «Рубеж» и детский журнал «Ласточка». Одним из самых популярных русских харбинских изданий стал «Рупор» — «ежедневная вечерняя

³⁴ 李世良, 石方, 高凌. *Op. cit.* P. 295.

³⁵ 吴彦秋. 哈尔滨俄罗斯侨民期刊历史 (1901-1955) // 齐齐哈尔大学学报. 2012. N 4. P. 73.

демократическая газета». Помимо новостного контента газета включала литературный раздел. В первой половине 1920-х гг. бывший депутат Государственной думы III и IV созывов от кадетской партии С.В. Востротин издавал в Харбине популярную среди эмигрантов газету «Русский голос».

Начало публикации мемуарной литературы в Харбине было положено выходом обширных воспоминаний бывшего члена колчаковского правительства Г.К. Гинса «Сибирь, союзники и Колчак. Поворотный момент русской истории (1918–1922 гг.). Впечатления и мысли члена Омского правительства». Воспоминания являются ценным источником по истории Гражданской войны в Сибири, деятельности органов государственного управления, которые пытались создавать белые. В них показан неудавшийся опыт формирования власти, альтернативной большевистской. Другой участник правительства А.В. Колчака — этнограф, статистик и общественный деятель И.И. Серебренников — издал в Китае два мемуарных труда. Первый из них — «Великий отход: Рассеяние по Азии белых русских армий, 1919–1923», второй — двухтомные «Мои воспоминания». Оба издания также позволяют реконструировать историю сопротивления большевистскому режиму в Сибири и на Дальнем Востоке. В том же ряду — воспоминания еще одного чиновника-колчаковца Л.В. Арнольдова «Жизнь и Революция: Гроза пятого года. Белый Омск».

Первая русская библиотека появилась в Харбине в 1901 г., а к концу 1920-х гг. в городе было уже около 30 читален с фондом около 250 тыс. книг³⁶.

Таким образом, вследствие строительства КВЖД Харбин стал центром сосредоточения русских переселенцев на заграничном Дальнем Востоке. Поэтому после Октябрьской революции и завершения Гражданской войны этот город оказался естественным местом притяжения эмигрантов. Наплыв вынужденных переселенцев в Харбин из Советской России был настолько велик, что город во многом приобрел русский облик. В нем была выстроена соответствующая социокультурная инфраструктура. Если эмигранты, перебравшиеся на пусть и не православный, но все равно христианский Запад, в Европу, Северную и Южную Америку, легко там ассимилировались, то переселенцы в Харбин и вообще в Китай, качественно отличающийся от России, смогли сохранить собственную культурную идентичность.

---

³⁶ 李延齡. *Op. cit.* P. 142.

References

Chuykina S.A. *Dvoryanskaya pamyat': "byvshiy" v sovetskom gorode (Leningrad, 1920–1930-ye gody)* [Noblemen's Memory: "The Erstwhile Nobles" in the Soviet City (Leningrad, 1920s–1930s)]. Saint Petersburg: Izdatel'stvo Yevropeyskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 2006. 259 p.

Gal'perin A. *Bomboubezhishcha i teni proshlogo* [Bomb Shelters and Shadows of the Past] // *Novoye russkoye slovo*. 1983. N 3. P. 9–12.

亢稚文 [*Hang Zhiwen*]. 中国境内俄罗斯裔无国籍居民问题探讨 [*Zhongguo jingnei eluosiyi wuguoji jumin wenti tantao*] [Research on the Problems of Stateless Persons of Russian Origin in China] // 西伯利亚研究 [*Xiboliya yanjiu*]. 2007. N 6. P. 14–16.

Jones F.C. *Northeast China after 1931*. Beijing: Trade Publishing House, 1959. 216 p.

李世良, 石方, 高凌 [*Li Shiliang, Shi Fang, Gao Ling*]. 哈尔滨史略 [*Haerbin shilue*] [A Concise History of Harbin]. 哈尔滨 [*Harbin*]: 黑龙江人民出版社 [*Heilongjiang renmin chubanshe*], 1994. 630 p.

李述笑 [*Li Shuxiao*]. 哈尔滨历史编年 [*Haerbin lishi biannian*] [A Chronicle of the History of Harbin]. 哈尔滨 [*Harbin*]: 哈尔滨出版社 [*Haerbin chubanshe*], 2000. 486 p.

李兴耕 [*Li Xinggeng*]. 风雨浮萍—俄国侨民在中国 (1917–1945) [*Fengyu fuping-eguo qiaomin zai zhongguo (1917–1945)*] [Duckweed in the Wind and in the Rain: the Russian Diaspora in China (1917–1945)]. 北京 [*Beijing*]: 中央编译出版社 [*Zhongyang bianyi chubanshe*], 1997. 434 p.

李延龄 [*Li Yanling*]. 中国, 我爱你 [*Zhongguo, wo ai ni*] [China, I Love You]. 哈尔滨 [*Harbin*]: 北方文艺出版社与黑龙江出版社 [*Beifang wenyi chubanshe yu heilongjiang chubanshe*], 2002. 486 p.

刘万均 [*Liu Wanjun*]. 满洲黑手党—俄国纳粹黑幕纪实 [*Manzhou heishou-dang-eguo nacui heimou jishi*] [Manchurian Mafia: Notes on the Dark Deeds of the Russian Nazis]. 哈尔滨 [*Harbin*]: 黑龙江人民出版社 [*Heilongjiang renmin chubanshe*], 1993. 519 p.

刘欣欣 [*Liu Xinxin*]. 二十世纪上半叶的哈尔滨音乐学校 [*Ershi shiji shang-banye de haerbin yinyue xue xiao*] [Harbin Music School in the First Half of the 20th Century] // 人民音乐 [*Renmin yinyue*]. 2002. N 7. P. 25–27.

马良玉, 宫丽艳 [*Ma Liangyu, Gong Liyan*]. 近代哈尔滨俄侨群体发展与消亡历史考 [*Jindai haerbin eqiao qunti fazhan yu xiaowang lishi kao*] [A Study of the History of the Progress and Disappearance of the Russian Emigration in Harbin in the 20th Century] // 哈尔滨市委党校学报 [*Haerbin shiwei dangxiao xuebao*]. 2011. N 2. P. 87–90.

玛拉·穆斯塔芬 (澳大利亚) [*Mara Mustafin*]. 哈尔滨档案 [*Haerbi dang-an*] [Harbin Archives]. 北京 [*Beijing*]: 中华书局 [*Zhonghua shuju*], 2008. 413 p.

荣洁 [*Rong Jie*]. 哈尔滨俄侨文学 [*Haerbin eqiao wenxue*] [Russian Émigré Literature in Harbin] // 外语研究 [*Waiyu yanjiu*]. 2002. N 3. P. 45–50.

石方 [*Shi Fang*]. 黑龙江区域社会文明转型研究: 1861–1911 [*Heilongjiang quyu shehui wenming zhuanxing yanjiu: 1861–1911*] [A Study of the Transformation of Social Relations in Heilongjiang: 1861–1911]. 哈尔滨 [*Harbin*]: 黑龙江人民出版社 [*Heilongjiang renmin chubanshe*], 2006. 443 p.

Smirnov S.V. *Russkaya voyennaya emigratsiya v Kitaye: 1920 — konets 1940-kh gg.: dissertatsiya ... doktora istoricheskikh nauk* [Russian Army Emigrants in China:

1920 — End of 1940s: Doctor in History Dissertation]. Yekaterinburg: Ural'skiy federal'nyy universitet imeni pervogo Prezidenta Rossii B.N. Yel'tsina, 2018. 486 p.

宋宝华 [Song Baohua]. 哈尔滨秋林公司史话 [Haerbin qiulin gongsi shihua] [The History of the Harbin Company "Churin"] // 黑龙江史志 [Heilongjiang shizhi]. 2007. N 2. P. 39–42.

苏晓棠 [Su Xiaotang]. 龙江大地上俄罗斯文化的回声—评俄罗斯东正教与黑龙江文化 [Longjiang dadi shang eluosi wenhua de huisheng—ping eluosi dongzhengjiao yu heilongjiang wenhua] [Echoes of Russian Culture in the Land of Heilongjiang: Commentary on the Russian Orthodox Church and Russian Culture in Heilongjiang Province] // 俄罗斯文艺 [Eluosi wenyi]. 2011. N 4. P. 126–128.

王晓菊 [Wang Xiaoju]. 俄罗斯人在东北—半个世纪的侨民历程 [Eluosiren zai dongbei—bange shiji de qiaomin licheng] [Russians in North-Eastern China: Half a Century of Existence of the Diaspora] // 中俄关系的历史与现实辑刊 [Zhong e guanxi de lishi yu xianshi jikan]. 2009. N 2. P. 218–227.

汪之成 [Wang Zhicheng]. 上海俄侨史 [Shanghai eqiao shi] [A History of Russian Emigration in Shanghai]. 上海 [Shanghai]: 三联书店 [Sanlian shudian], 1993. 832 p.

吴彦秋 [Wu Yanqiu]. 哈尔滨俄罗斯侨民期刊历史 (1901–1955) [Haerbin eluosi qiaomin qikan lishi (1901–1955)] [History of Periodicals Published by the Russian Diaspora in Harbin (1901–1955)] // 齐齐哈尔大学学报 [Qiqihaer daxue xuebao]. 2012. N 4. P. 72–75.

张宾 [Zhang Bin]. 黑龙江外事事略 (1636–1985) [Heilongjiang waishi shilue (1636–1985)] [Foreign Relations of Heilongjiang Province (1636–1985)]. 哈尔滨 [Harbin]: 黑龙江人民出版社 [Heilongjiang renmin chubanshe], 1992. 388 p.

张薇 [Zhang Wei]. 哈尔滨历史上金融经济国际化态势 [Haerbin lishi shang jinrong jingji guojihua taishi] [Trends in Financial and Economic Internationalization in the History of Harbin] // 边疆经济与文化 [Bianjiang jingji yu wenhua]. 2014. N 5. P. 5–7.

赵博雅 [Zhao Boya]. 俄罗斯元素在哈尔滨城市文化中的作用 [Eluosi yuansu zai haerbin chengshi wenhua zhong de zuoyong] [The Role of Russian Features in the Urban Culture of Harbin] // 西伯利亚研究 [Xiboliya yanjiu]. 2015. N 2. P. 66–68.

赵永华 [Zhao Yonghua]. 十月革命后俄国犹太人考夫曼在华的出版活动 [Shiyue geming hou eguo youtairen kaofuman zai hua de chuban huodong] [Publishing and Research Activities of the Russian Jew Kaufman in China after the October Revolution] // 新闻学论集 [Xinwenxue lunji]. 2014. N 30. P. 137–144.

Поступила в редакцию
15 марта 2022 г.

В.П. Воронов

**ПРИЧИНЫ ИМПИЧМЕНТА ПРЕЗИДЕНТА БРАЗИЛИИ
ДИЛМЫ РУСЕФ В 2016 г.**

V.P. Voronov

**REASONS FOR THE IMPEACHMENT OF THE
PRESIDENT OF BRAZIL DILMA ROUSSEFF IN 2016**

Аннотация. 31 августа 2016 г. в Бразилии завершился импичмент президента Дилмы Русеф, которая вступила в должность в 2011 г., а в октябре 2014 г. была избрана на второй срок. Учитывая, что в 2003–2010 гг. Бразилией руководил представитель левоцентристской Партии трудящихся Луис Инасиу да Силва, активно проводивший социальные реформы, а политика сменивших Русеф президентов Мишела Темера и Жаира Болсонару имела отчетливый правый проамериканский оттенок, можно утверждать, что импичмент не только стал переломным моментом во внутривнутриполитической жизни Бразилии, но и обозначил более широкий неоконсервативный тренд регионального значения второй половины 2010-х гг. В данной статье представлен анализ того, какие факторы привели к досрочной отставке президента. Завершение «золотого десятилетия» 2003–2012 гг., в течение которого цены на сырье (в частности, нефть) были высокими, критическим образом повлияло на жизнь Бразилии. В связи с этим рассмотрены причины резкого ухудшения экономической конъюнктуры и обострения социальной напряженности в стране в 2013–2014 гг. Автор предпринимает попытку выяснить, что могло стать катализатором массовых протестов в Бразилии еще за несколько лет до импичмента Д. Русеф, как в этот период происходило усиление оппозиции (предвыборная кампания на второй срок Д. Русеф была отмечена жесткой борьбой). Охарактеризованы причины образования бюджетного дефицита в Бразилии, который привел к сворачиванию программ господдержки, росту социальной напряженности на фоне коррупции, обострению политической борьбы и ослаблению позиций правящей партии. Уделено внимание той роли, которую сыграли личные амбиции бывших союзников отстраненного президента, стремившихся сохранить карьеру на фоне многочисленных антикоррупционных расследований. По итогам исследования автор приходит к выводу, что предпосылки импичмента президента Дилмы Русеф сформировались задолго до самого

Воронов Валерий Павлович, аспирант кафедры новой и новейшей истории исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Voronov Valeriy Pavlovich, Postgraduate Student, Department of Modern and Contemporary History, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University

+7-926-838-22-18; valervoronov@gmail.com

события, а многие обвинения в адрес бывшего президента со стороны политических противников не были достаточно обоснованными.

Ключевые слова: импичмент президента, выборы в Бразилии, Партия трудящихся, коррупционные скандалы, «Петробраз» (Petrobras), Луис Инасиу Лула де Сильва, Мишел Темер.

Abstract. On 31 August 2016, the president of Brazil Dilma Rousseff, who took office in 2011 and again in 2014, was impeached. Given that between 2003 and 2010 Brazil was led by the representative of the left-wing Workers' Party Luiz Inácio Lula da Silva, who pursued social reforms, and the policies of Rousseff's successors, Michel Temer and Jair Bolsonaro, had a distinctly right-wing pro-American orientation, one can argue that the impeachment was not only a watershed moment in Brazilian domestic politics, but also marked a broader neoconservative trend of regional significance in the second half of the 2010s. This article examines what factors led to the early resignation of the president. The end of the "golden decade" between 2003 and 2012 with high commodity prices had a critical impact on Brazilian life. In this context, the author studies the reasons for the sharp deterioration of economic conditions and the exacerbation of social tensions in the country in 2013 and 2014 and attempts to determine what was the catalyst for mass protests in Brazil a few years before D. Rousseff's impeachment, and how the opposition strengthened during this period (the election campaign for D. Rousseff's second term was marked by fierce struggle). The article explains the reasons for budget deficit in Brazil, which led to curtailment of state support programs, increase of social tension, intensification of political struggle and weakening of the ruling party. Attention is given to personal ambitions of former allies of the ousted president who sought to preserve their careers amidst numerous anti-corruption investigations. The author concludes that the preconditions for the impeachment of Dilma Rousseff were formed long before, and many accusations against the former president were not sufficiently justified by her political opponents.

Keywords: the president's impeachment, elections in Brazil, Workers' Party, corruption scandals, Petrobras, Luiz Inácio Lula de Silva, Michel Temer.

* * *

18 апреля 2016 г. нижняя палата (Палата депутатов) Национального конгресса Бразилии одобрила импичмент президенту от Партии трудящихся Дилме Русеф, которая вступила в должность в 2011 г. и руководила страной свой второй срок¹. 31 августа 2016 г. ее отстранение окончательно одобрила верхняя палата бразильского парламента, Федеральный сенат. Временное руководство государством получил вице-президент Мишел Темер из Партии бразильского демократического движения. Он оставался президентом до

---

¹ 5 anos do teto de gastos: resultados, alternativas e futuro.15.12.2021 // Nexo. — URL: <https://www.nexojornal.com.br/expresso/2021/12/14/5-anos-do-teto-de-gastos-resultados-alternativas-e-futuro?posicao-home-centro=3> (дата обращения: 21.10.2021).

следующих всеобщих выборов 2018 г., когда к власти пришел Жаир Болсонару (баллотировался от Социал-либеральной партии, но после победы вышел из нее и создал собственное движение «Альянс за Бразилию»). Учитывая, что в 2003–2011 гг. Бразилией руководил представитель левоцентристской Партии трудящихся Луис Инасиу да Силва, активно проводивший социальные реформы, а риторика президента Болсонару имела отчетливо правый оттенок, можно сказать, что импичмент Д. Русеф стал переломным моментом не только в развитии внутривнутриполитической жизни Бразилии, но и обозначил более широкий неоконсервативный тренд регионального значения во второй половине 2010-х гг.² Отсюда следует и важность изучения данного события. Целью настоящей статьи является определение глубинных причин импичмента Дилмы Русеф.

По мнению автора, одной из значимых причин указанного процесса стало завершение «золотого десятилетия» 2003–2012 гг., в течение которого цены на сырье показывали значительный рост. В 2013–2014 гг. произошло резкое ухудшение экономической конъюнктуры. На этой почве усилилась социальная напряженность, усугубленная чиновничьей коррупцией на высшем уровне. Реакция на последнюю была наиболее болезненной и проявлялась в виде массовых протестов в Бразилии еще за несколько лет до импичмента Д. Русеф³. Так, первые крупные акции протеста прошли в 2013 г. Их изначальной причиной называлось повышение стоимости проезда в общественном транспорте⁴, но постепенно стало выявляться недовольство части общества социальной политикой властей в целом, коррупцией, экономией средств на здравоохранении и тратами на подготовку к чемпионату мира по футболу (2014) и к летним Олимпийским играм 2016 г. По стране прокатились многомиллионные манифестации.

В марте 2014 г. следственные органы Бразилии запустили операцию «Автомойка» (Lava Jato)⁵ по делу об «отмывании» средств на автомойках и заправках организованными криминальными группировками. Расширяя базу проверенных данных, правоохранные

---

² Хван М.С. Внешняя политика Бразилии в период президентства Жаира Болсонару // Общество: философия, история, культура. 2020. № 11.

³ Os fatores que levaram à queda de Dilma. 31.08.2016 // DW. — URL: <https://www.dw.com/pt-br/os-fatores-que-levaram-%C3%A0-queda-de-dilma/a-19514830> (дата обращения: 21.10.2021).

⁴ Fernanda Canofre. Sob o signo de 2013: Como o ano que ferveu em protestos continua afetando o Brasil. — URL: <https://junho2013.sul21.com.br/sob-o-signo-de-2013-como-o-ano-que-ferveu-em-protestos-continua-afetando-o-brasil/> (дата обращения: 21.10.2021).

⁵ Alexandre Cassiano. Todas as fases da Operação Lava-Jato. 15.05.2018 // O Globo. — URL: <https://infograficos.oglobo.globo.com/brasil/todas-as-fases-da-operacao-lava-jato.html#48> (дата обращения: 21.10.2021).

органы вышли на уровень крупных государственных чиновников, которые получали взятки и содействовали бизнес-проектам с заведомо завышенными ценами.

Оказалась вовлечена в громкое дело одна из крупнейших бразильских компаний «Петробраз» (Petrobras), которая проводила «договорные» тендеры и делила подряды с дочерними предприятиями, согласовывая проекты по завышенным ценам и получая откаты. Масштабы расследования впечатляют: 274 обвиняемых, 141 приговор, около 1400 процессов и ущерб на миллиарды реалов⁶. Операция «Автомойка» бросила тень на Лулу да Силву и Дилму Русеф, а также на ряд министров из Партии трудящихся, многих деятелей крупного бизнеса, некоторые из которых получили тюремные сроки⁷. Несмотря на то что следствие обладало лишь косвенными доказательствами вины Лулы да Силвы, а также на то, что не было каких-либо доказательств причастности к данному процессу Дилмы Русеф, оппозиционные СМИ не упустили возможности для широкой публикации дискредитирующих власть материалов, что провоцировало массовые демонстрации недовольных граждан и обостряло социальную напряженность. Процесс импичмента Дилмы Русеф начался 2 декабря 2015 г., когда председатель нижней палаты бразильского парламента Эдуардо Кунья одобрил ходатайство оппозиции о реализации данной процедуры. Запрос о такой мере в парламент направили юристы Элио Бикудо, Янаина Пашоал и Мигель Реале Жуниор. Обосновывая запрос об импичменте, они утверждали, что Дилма Русеф нарушила закон о федеральном бюджете и использовала кредиты госбанков, чтобы замаскировать выросший бюджетный дефицит⁸. Данные действия происходили как раз на фоне президентских выборов 2014 г.

Следует отметить, что при этом в Бразилии наблюдалось усиление оппозиции — предвыборная кампания на второй срок Д. Русеф была отмечена жесткой борьбой, и лишь во втором туре президент сумела обойти конкурента от социал-демократов Аэсио Невеса, набрав 51,64% голосов против 48,36%⁹. Причем одно-

---

⁶ 1 долл. США = 5,6 реала.

⁷ Juliana Bezerra. Impeachment de Dilma Rousseff. — URL: <https://www.todamateria.com.br/impeachment-de-dilma-rousseff/> (дата обращения: 21.10.2021).

⁸ Excelentíssimo senhor presidente da Câmara dos deputados federais, deputado Eduardo Cunha. — URL: <http://www.zerohora.com.br/pdf/17802008.pdf> (дата обращения: 21.10.2021).

⁹ Dilma é reeleita presidente e amplia para 16 anos ciclo do PT no poder. 26.10.2014 // O Globo. — <http://g1.globo.com/politica/eleicoes/2014/noticia/2014/10/dilma-e-reeleita-presidente-e-amplia-para-16-anos-ciclo-do-pt-no-poder.html> (дата обращения: 21.10.2021).

временно в стране прошли и выборы в парламент, где усилились позиции правых политиков¹⁰. То есть в ходе электорального процесса президент могла пойти на искажение информации о бюджетном дефиците перед лицом избирателей ради укрепления своих позиций в непростой политической борьбе. При этом для бразильской политики подобные действия являются вполне распространенным явлением. Как комментировала обвинения сама Д. Русеф, «все предыдущие правительства должны были бы подвергнуться импичменту, потому что все они, без исключения, практиковали подобные действия».

Несмотря на усиление оппозиции, Дилма Русеф всё же имела широкую базу союзников в конгрессе. Однако всё чаще в 2014–2015 гг. в парламенте вспыхивала дискуссия о выборе подхода к руководству страной, о выборе между государственным дирижизмом Партии трудящихся и рыночными механизмами. Примером уступки Д. Русеф новым тенденциям можно считать назначение ею в 2015 г., сразу после победы на выборах, министром экономики неоконсерватора Жоакима Леви¹¹. Впрочем, попытки нового министра снизить расходы бюджета дали лишь негативный эффект для правительства — для правой части электората уступок оказалось мало, а для левой такие меры представлялись отказом от предвыборных обещаний¹². В итоге политическая обстановка накалялась, а Дилма Русеф постепенно теряла союзников. Так, например, произошло с руководителем нижней палаты Эдуардо Куньей, который был представителем Партии бразильского демократического движения, выступавшей в коалиции с Партией трудящихся как на выборах 2010 г., так и 2014-го¹³. Кунья поначалу был лоялен президенту, но, будучи спикером нижней палаты, именно он был уполномочен открыть процесс импичмента и не преминул этой возможностью воспользоваться, хотя мог его отложить. После принятия к рассмотрению обвинений Э. Бикудо, Я. Пашоал и М. Реале Жуниора большинство в парламенте уже оказалось на стороне оппозиции.

---

¹⁰ Окунева Л.С. Бразилия: радикализация политического процесса (2013–2019 гг.) // Ибероамериканские тетради. 2019. Вып. 3 (25).

¹¹ Quem sao os ministros que iniciam o segundo mandato de Dilma Rouseff // O Globo. — URL: <https://epoca.oglobo.globo.com/tempo/noticia/2014/12/quem-sao-os-ministros-que-iniciam-o-segundo-bmandato-de-dilma-rousseffb.html> (дата обращения: 21.10.2021).

¹² Alonso Soto. Enfoque-Levy está conquistando Dilma, mas ainda sofre resistência do Congresso // Reuters. — URL: <https://www.reuters.com/article/brazil-macro-levy-idBRKBN0ME2P320150318> (дата обращения: 21.10.2021).

¹³ Cláudio Fernandes. Impeachment de Dilma Rouseff // MUNDO EDUCACAO. — URL: <https://mundoeducacao.uol.com.br/historiadobrasil/impeachment-dilma-rousseff.htm> (дата обращения: 21.10.2021).

17 декабря Федеральный верховный суд определил процедуру импичмента, которой должен был следовать парламент. Было установлено, что голосование по процессу должно быть открытым. По мере развития процесса Д. Русеф потеряла поддержку бывших политических союзников, стремившихся обезопасить себя от потенциальных обвинений. Так, 29 марта одна из крупнейших в Бразилии Партия бразильского демократического движения объявила о выходе из состава правящей коалиции и выводе своих членов из состава правительства.

11 апреля специальная парламентская комиссия 38 голосами против 27 одобрила продолжение рассмотрения процесса против Д. Русеф. 14 апреля правительство Бразилии представило в Федеральный верховный суд иск с требованием приостановить процесс импичмента, однако представители суда отклонили запрос защиты. Тогда Д. Русеф обратилась к гражданам через соцсети с призывами выйти на улицы и привлечь как можно больше внимания общественности в сложившейся ситуации, но отказалась от телевизионного обращения к населению, чтобы не давать повода оппозиции для обвинений в превышении допустимого использования административного ресурса. 17 апреля, после шестичасового заседания и поименного голосования, пленарное заседание парламента все-таки санкционировало реализацию процесса импичмента (367 голосами «за», 137 «против» при 7 воздержавшихся)¹⁴.

После решения депутатов нижней палаты вопрос об импичменте должен был изучить Сенат. Дело для рассмотрения получил председатель верхней палаты парламента Ренан Кальейрос. Специальная комиссия провела четыре общественных слушания и выслушала показания ряда крупных чиновников. В обсуждении участвовали бывший министр юстиции Карлоса Веллозу, министр финансов Эдуардо Кардозо, министр экономического развития Нелсон Барбоса, министр сельского хозяйства Катя Абреу и бывший глава Бразильской коллегии адвокатов Марчелло Лавенер.

12 мая Сенат одобрил предварительные обвинения и временно отстранил Русеф от должности, временное руководство страной получил представитель Партии бразильского демократического движения вице-президент Мишел Темер. Верхняя палата продолжила изучать материалы дела. На заседании специальной комиссии 9 августа Сенат постановил, что отстраненный президент должна

---

¹⁴ «Impeachment»: por qué condenaron a Dilma Rousseff en el Congreso de Brasil (y no fue corrupción) // BBC news. — URL: https://www.bbc.com/mundo/noticias/2016/04/160411_brasil_impeachment_acusacion_contra_rousseff_gl (дата обращения: 21.10.2021).

предстать перед судом. На третий день судебного разбирательства Д. Русеф выступила со своей позицией по делу, обвинив М. Темера и Э. Кунью в заговоре.

После судебного разбирательства 31 августа Сенат завершил импичмент Д. Русеф, окончательно отозвав ее президентский мандат. За такое решение в Сенате был подан 61 голос против 20. Страну возглавил Мишел Темер¹⁵. Бразильское общество фактически раскололось на две части: для одних импичмент стал законным демократическим процессом, а для других — государственным переворотом. Противники легитимности импичмента отмечают, что позднее так и не удалось найти аргументов, подтверждающих обвинения оппозиции, — не было найдено доказательств того, что Д. Русеф лично была ответственна за бюджетные манипуляции и что они были реализованы по ее поручению. В конце судебного процесса над Д. Русеф в Сенате обвинители прибегли к доводам, что импичмент законен, потому что президент «плохо справлялась со своей работой».

Что же происходило с экономикой страны в этот момент? Помимо политического фактора импичмента для нашего исследования довольно важной представляется оценка той экономической ситуации, которая ему сопутствовала. Обратимся к статистике¹⁶. В начале президентства Дилмы Русеф уровень безработицы составлял около 5,3%, а в середине 2016 г. она достигла почти 11%, т.е. в стране без работы оставалось более 20 миллионов человек. Удвоилась за этот период и инфляция, которая в первые годы правления Д. Русеф в среднем составляла 5,5%, а после 2015 г. поднялась выше 11%. ВВП, который показывал средний рост в 4% в течении двух сроков президентства Лулы да Силвы, при Дилме Русеф в 2015 и 2016 гг. снижлся на более чем 3%¹⁷. Данный период также характеризовался падением стоимости активов крупнейших бразильских компаний на мировом рынке. Так, например, стоимость активов упомянутой «Петробраз» упала более чем в два раза.

Также время президентства Дилмы Русеф стало периодом постоянного роста государственной задолженности. К моменту ее прихода к власти он составлял около 1,7 триллионов реалов, а в 2016 г. достиг почти 3,1 триллионов, показав рост более чем в 70%. Помимо

---

¹⁵ Окунева Л. С. Импичмент Д. Русефф — свершившийся факт 02.09.2016 // РСМД. — URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/impeachment-d-russeff-svershivshiyshysya-fakt/> (дата обращения: 21.10.2021).

¹⁶ Alexandre Cabral. Dados econômicos da era Dilma: de chorar! 13.05.2016 // Estadão. — URL: <http://economia.estadao.com.br/blogs/economia-a-vista/dados-economicos-da-era-dilma-de-chorar/> (дата обращения: 21.10.2021).

¹⁷ Instituto Brasileiro de Geografia e Estatística. — URL: <https://www.ibge.gov.br/index.php> (дата обращения: 21.10.2021).

увеличения госдолга, правительство прибегло к закрытию публичных счетов, что стало вызывать всё большую критику аналитиков¹⁸. Для преодоления кризиса 2008 г. Лулой да Силвой были приняты меры по стимулированию экономики, включавшие снижение налогов и индексацию заработной платы рабочих. Основные принципы экономической программы правительства Лулы да Силвы были продолжены и Д. Русеф. Президент поощряла налоговые льготы, активно предоставляла государственный кредит, сдерживала цены на топливо и электроэнергию и др. С середины 2011 г. Центральный банк Бразилии начал активно снижать процентную ставку и поддерживать политику смягчения кредитно-денежной политики. В сентябре 2012 г. Дилма Русеф объявила о снижении тарифов на электроэнергию в среднем на 20%¹⁹.

Но с 2013 г. рост экономики Бразилии сменился затяжным спадом, снизилась конкурентоспособность страны на мировом рынке, возросла социальная напряженность²⁰. Почему же экономическая программа, заложенная Лулой да Силвой, при Дилме Русеф, хотя и приносила результаты в поддержке малоимущих слоёв населения, всё с большими трудностями реализовывалась на остальных направлениях социально-экономической политики? Данная ситуация стала в том числе прямым следствием изменений в мировой экономической конъюнктуре. Хотя Бразилию нельзя назвать исключительно сырьевой державой, тем не менее ее бюджет сильно зависит от экспорта нефти, железной руды, других природных ресурсов, разнообразной сельскохозяйственной продукции. Если в начале XXI в. произошел рост цен на нефть и железо, а также на продукцию агропрома, который долгие годы обеспечивал Бразилию надежным источником дохода и способствовал экономическому росту, то падение цен на сырьё²¹ и сельскохозяйственную продукцию в 2013 г. привело к уменьшению экспорта Бразилии на 17% уже в 2015 г. и повергло экономику в состояние рецессии²².

---

¹⁸ Os sete erros da política econômica de Dilma. 01.09.2017 // O Globo. — URL: <https://oglobo.globo.com/economia/os-sete-erros-da-politica-economica-de-dilma-15618390> (дата обращения: 21.10.2021).

¹⁹ Бразилия стоит на грани лимитирования энергопотребления. 04.04.2014 // Переток.ру. — URL: <https://peretok.ru/articles/trading/5153/> (дата обращения: 21.10.2021).

²⁰ Красильщиков В.А. Бразилия: от успехов — к системному кризису // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2017. Вып. 10 (4).

²¹ Macrotrends. — URL: <http://www.macrotrends.net/> (дата обращения: 21.10.2021).

²² Bruno Lupion e Lilian Venturini. Alexandre Cabral. Dados econômicos da era Dilma: de chorar! 04.05.2016 // Nexo. — URL: <https://www.nexojornal.com.br/expresso/2016/05/04/64-meses-de-governo-Dilma-como-evolu%C3%ADram-os-indicadores-econ%C3%B4micos-e-sociais> (дата обращения: 21.10.2021).

Немалую роль сыграло и снижение темпов развития китайской экономики. Китай — главный рынок сбыта многих бразильских товаров, в частности, сои, топлива, железной руды²³. От поставок в Китай сильно зависел бразильский экспорт (товарооборот этих стран в 2013 г. достиг 83 млрд долларов), что также резко снизило поступление средств в бюджет. Именно эти факторы оказали большое влияние на экономические процессы внутри страны, а растущая инфляция, безработица и коррупционные скандалы обострили уже сложившееся непростое социально-экономическое положение в Бразилии. Возможно, после переизбрания в 2014 г. Дилме Русеф необходимо было внести существенные корректировки в структуру государственных расходов, учитывая новые экономические тенденции, но в какой-то степени она стала заложницей той риторики, которая ранее принесла ей успех на выборах 2011 г. и обеспечила победу в 2014-м. Президент не решилась на значительное сокращение господдержки и отход от предвыборных обещаний, делала лишь некоторые уступки оппозиции и пыталась «замаскировать» бюджетный дефицит, что в итоге ослабило позиции Партии трудящихся в политической борьбе.

На этом фоне ряд крупных политиков, бывших союзников Партии трудящихся, решили, что в момент обостряющегося социально-экономического кризиса в стране выгоднее будет покинуть лево-центристскую коалицию и использовать импичмент Д. Русеф для укрепления собственных политических позиций²⁴. К тому же, как выяснилось позже, главные участники импичмента сами оказались вовлечены в коррупционные дела. В итоге отставка президента могла оцениваться не только как сугубо политическая выгода, но и возможность, «выпустив пар» антикоррупционных массовых протестов, остановить череду расследований и замкнуть круг виновных на Дилме Русеф.

Как мы уже видели, одной из значимых фигур импичмента был председатель нижней палаты парламента Эдуардо Кунья. В конце 2015 г. он сам подвергся расследованию Конгресса после того, как выяснилось, что на его имя были открыты счета в швейцарских банках с неучтенными средствами на десятки миллионов долларов. Э. Кунья принял петицию об импичменте Д. Русеф, поданную юристами,

---

²³ Григорьев Л.М. Бразилия: в ловушке среднего уровня развития // Мир новой экономики. 2016. № 2.

²⁴ Artigos Relacionados. Segunda destituição concretizada na história do Brasil // Educa Brasil. — URL: <https://www.educamaisbrasil.com.br/enem/historia/impeachment-de-dilma-rousseff> (дата обращения: 21.10.2021).

близкими к Социал-демократической партии, члены которой были посвящены в его дела, и мог надеяться использовать ситуацию в качестве разменной монеты, чтобы положить конец расследованию, направленному против него самого. Мишел Темер также позднее был обвинен в причастности к коррупционным действиям. Имеется интересная статистика: среди парламентариев, оказавшихся причастными к расследованиям операции «Автомойка», 80% поддержали импичмент Д. Русеф²⁵.

Одновременно начала обыгрываться тема о «профессиональной непригодности» и неэффективности Дилмы Русеф в сфере управления народным хозяйством. М. Темер на бизнес-конференции в Нью-Йорке уже в сентябре 2016 г. заявил, что он и его коллеги начали добиваться отставки Русеф, потому что она стояла на пути назревших радикальных перемен в стране²⁶. По его мнению, система дирижизма, выстроенная Партией трудящихся, переживала упадок, нужно было переориентироваться на усилившиеся правые силы и новые принципы рыночного регулирования экономики государством. Неудивительно, что, как только в мае 2016 г. Д. Русеф была временно отстранена, М. Темер назначил новый, полностью консервативный кабинет правительства.

Таким образом, накануне импичмента президента Бразилии Дилмы Русеф сложилась ситуация, которую можно охарактеризовать как «идеальный шторм», приведший к ее отставке. Главными факторами, которые спровоцировали данное событие, стали изменения экономической конъюнктуры в мире и внутри страны, снижение возможностей бюджета для реализации программ господдержки, социальная напряженность в Бразилии на фоне коррупции, политическая борьба и ослабление позиций правящей Партии трудящихся. Определенную роль сыграли и личные амбиции бывших союзников отстраненного президента, стремившихся сохранить карьеру на фоне многочисленных антикоррупционных расследований, — в условиях ухудшения экономических показателей страны и усиления оппозиции союзники президента стали все чаще рассматривать возможность смены своих политических ориентиров.

---

²⁵ 80% dos deputados da Lava Jato votaram pelo impeachment. 18.04.2016 // Exame. — URL: <https://exame.com/brasil/80-dos-deputados-da-lava-jato-votaram-pelo-impeachment/> (дата обращения: 21.10.2021).

²⁶ Alexandre Main. A blow to brazilian democracy: the illegitimatere moval of Dilma Rousseff from power. 17.01.2017 // CEPR. — URL: <https://www.cepr.net/a-blow-to-brazilian-democracy-the-illegitimate-removal-of-dilma-rousseff-from-power/> (дата обращения: 21.10.2021).

References

Bezerra M. *Diplomatiya Jair Bolsonaro: demontazh traditsionnoy brazil'skoy vneshney politiki* [Jair Bolsonaro's Diplomacy: Dismantling Traditional Brazilian Foreign Policy] // *Iberoamerikanskiye tetradi*. 2020. Vol. 8. N 3. P. 35–42.

Grigor'yev L.M., Pavlyushina V.A. *Braziliya: v lovushke srednego urovnya razvitiya* [Brazil: In the Middle Level Development Trap] // *Mir novoy ekonomiki*. 2016. N 2. P. 28–37.

Khvan M.S. *Vneshnyaya politika Brazilii v period prezidentstva Jair Bolsonaro* [Foreign Policy of Brazil under the President Jair Bolsonaro] // *Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura*. 2020. Issue 11 (79). P. 81–97.

Krasil'shchikov V.A. *Braziliya: ot uspekhov — k sistemnomu krizisu* [Brazil: From Successes to Systemic Crisis] // *Kontury global'nykh transformatsiy: politika, ekonomika, pravo*. 2017. Vol. 10. N 4. P. 114–129.

Okuneva L.S. *Braziliya: radikalizatsiya politicheskogo protsessa (2013–2019 gg.)* [Brazil: Radicalization of Political Process (2013–2019)] // *Iberoamerikanskiye tetradi*. 2019. Issue 3 (25). P. 7–11.

Поступила в редакцию
6 апреля 2022 г.

Н.Д. Андреев

ОБРАЗЫ АФРИКАНСКИХ МИГРАНТОВ В СОВРЕМЕННЫХ КИТАЙСКИХ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ

N.D. Andreev

IMAGES OF AFRICAN MIGRANTS IN CONTEMPORARY CHINESE SOCIAL NETWORKS

Аннотация. Китайские социальные сети представляют для исследователя значительный по объему, но крайне мало изученный материал. На подобных площадках граждане КНР могут высказываться и высказываются относительно свободно, в том числе напрямую критикуя власть. В связи с этим мнения китайцев, нашедшие отражение в социальных сетях, довольно репрезентативны и содержат широкий спектр взглядов по тем или иным вопросам. В настоящей статье рассматривается отношение китайцев к африканским мигрантам в различных китайских социальных сетях. В зарубежной и отечественной исследовательской литературе данная проблематика освещается фрагментарно и поэтому нуждается в более обстоятельном изучении. Автором проведена значительная работа по поиску публикаций, связанных с этой темой. В качестве методологического инструмента использовался поиск по ключевым словам, а также по внешним ссылкам. Результаты исследования свидетельствуют о том, что подавляющее большинство китайцев, публикующих посты в социальных сетях и комментирующих их, настроены к африканским мигрантам крайне негативно, порой враждебно, а немногочисленные исключения лишь подтверждают это правило. Набор упреков в адрес мигрантов всегда примерно один и тот же: их обвиняют в отсутствии культуры, неуважении к китайским традициям, плохом отношении к женщинам, склонности к совершению преступлений, а также в том, что правительство тратит на них неоправданно большие средства. Высказываются опасения, что из-за мигрантов Китай может утратить свою культурную и национальную идентичность. В настоящем исследовании автор старался избегать тенденциозности или предвзятости, будучи одинаково далеким как от расистских взглядов отдельных китайских блогеров, так и от огульного обвинения всего китайского общества в расизме. В статье лишь констатируется тот факт, что подавляющее большинство публикаций в китайских социальных сетях, посвященных

Андреев Николай Дмитриевич, младший научный сотрудник Центра глобальных и стратегических исследований Института Африки РАН

Andreev Nikolai Dmitrievich, Junior Research Fellow, Centre of Global and Strategic Studies, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences

+7-967-295-76-46; nikolai.andreev1613@yandex.ru

проблеме африканских мигрантов, содержит негативный настрой в отношении последних, хотя имеется устойчивое количество примеров противоположных взглядов и оценок.

Ключевые слова: Китай, Африка, африканские мигранты, расизм, социальные сети, китайские блогеры.

Abstract. Chinese social networks provide vast information, which have not been enough studied. Chinese citizens can and do express themselves relatively freely in such networks and openly criticize the authorities. In this regard, the opinions of Chinese people in social media are quite representative and reflect a wide range of views on various issues. This article examines Chinese attitudes towards African migrants in Chinese social networks. This issue is covered in part in the foreign and national literature and requires a more thorough study. The author has carried out a considerable amount of work to find publications related to this topic. Keyword searches as well as external links were used as a methodological tool. The author concludes that the vast majority of Chinese posts and comments on African migrants are extremely negative, sometimes hostile toward them, and the few exceptions only confirm this rule. They are almost always blamed for uncivilized manners, lack of respect for Chinese traditions, mistreatment of women, increased propensity to commit crimes, and for the fact that the government spends unjustifiably large amounts of money on them. There are fears that China may lose its cultural and national identity because of migrants. The author, alien both to the racist thoughts of individual Chinese bloggers and indiscriminately accusing Chinese society as a whole of racism, avoids bias or prejudice. The article merely states the fact that the overwhelming majority of Chinese social media postings on African migrants are negative, although there are a steady number of examples of opposing views and assessments.

Keywords: China, Africa, African migrants, racism, social media, Chinese bloggers.

Сеть и расовая идентичность: подходы к проблеме

В XXI в. количество африканских мигрантов в ряде городов Китая неуклонно увеличивается. Их социальный состав довольно разнороден: это и бизнесмены, и наемные работники, и студенты. Поскольку китайское законодательство довольно строго регламентирует правила пребывания иностранцев на территории КНР, среди африканских мигрантов появляется также множество нарушителей «трех не» — т.е. лиц, нелегально въехавших на территорию Китая, незаконно там остающихся и незаконно трудоустроенных. И материалы СМИ, и информация социальных сетей, и исследования свидетельствуют, что в китайском обществе существуют предпосылки для возникновения ярко выраженного противостояния между африканскими мигрантами и местными жителями. В настоящей статье рассматриваются взаимоотношения между мигрантами

и китайцами на основании постов в социальных сетях последних лет. В российской историографии конкретно данная проблематика пока не нашла должного отражения. Близкая к ней тема положения африканских мигрантов и их восприятия в современном Китае анализируется только в исследованиях Т.Л. Дейч¹. В зарубежных работах восприятие африканских переселенцев в китайских социальных сетях анализируется фрагментарно и чаще в более широком контексте отражения в информационном пространстве, и в том числе в медиасфере, вопросов межнациональных отношений в регионах современной КНР². Лишь в последнее время мигрантам из Африки в китайских социальных сетях стали посвящать специальные работы³. Автор настоящей статьи также рассматривал данную проблему, но применительно не к социальным сетям Синета (китайского сегмента Интернета) в целом, а лишь к блогосфере⁴. Между тем отражение в социальных сетях Китая злободневных для страны проблем — роста числа африканских мигрантов и их адаптации — требует дальнейшего изучения.

Сетевой негативизм: образы и фобии

В китайских социальных сетях преобладает негативное отношение к африканцам вообще и африканским мигрантам в частности. Причем градус негатива различен. Например, довольно мягко вы-

---

¹ Дейч Т.Л. Африканцы в Китае: проблемы миграции // Африканская миграция в контексте современных международных отношений. М., 2015. С. 108–121; Дейч Т.Л., Усов В.А. Азиатские африканцы: как им живется в Китае и Индии? // Азия и Африка сегодня. 2016. № 3. С. 33–40; Дейч Т.Л. Китай и африканская молодежь // Молодежь в политической и социокультурной жизни Африки. М., 2019. С. 253–259; Дейч Т.Л. Африканские мигранты в Китае в условиях коронавируса // Африка в глобальном миграционном потоке: история и современность: сборник тезисов и докладов научной конференции. Москва, 23 сентября 2020 г. М., 2020. С. 9–10.

² 党芳莉. 全球化时代中国地方媒体 对在华非洲人的媒体报道研究以广州报刊为例 // 西安文理学院学报 (社会科学版). Vol. 19. N 1. February 2016. P. 78–83; *Min Zhou, Tao Xu, Shabnam Shenasi*. Entrepreneurship and Interracial Dynamics: a Case Study of Self-Employed Africans and Chinese in Guangzhou, China // *Ethnic and Racial Studies*. 2016. Vol. 39. N 9. P. 1566–1586; *Shanshan Lan*. The Shifting Meanings of Race in China: A Case Study of the African Diaspora Communities in Guangzhou // *City & Society*. Vol. 28. Issue 3. December 2016. P. 298–318; *Shanshan Lan*. Reconstructing Blackness in Grassroots Interactions Between Chinese and Africans in Guangzhou // *Anthropological Quarterly*. Vol. 92. N 2. Spring 2019. P. 481–508.

³ *Liu Tingting, Deng Zhuoyun*. “They’ve Made Our Blood Ties Black”: On the Burst of Online Racism Towards the African in China’s Social Media // *Critical Arts*. 2020. Vol. 34. Issue 2. P. 104–107; *Liu Tingting, Xu Mingliang, Chen Xu*. Social Media, Gendered Anxiety and Disease-Related Misinformation: Discourses in Contemporary China’s Online Anti-African Sentiments // *Asian Journal of Communication*. 2021. Vol. 31. Issue 6. P. 485–501.

⁴ Андреев Н.Д. Восприятие африканских мигрантов в китайских блогах на фоне пандемии коронавируса // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 2021. № 2. С. 140–156.

сказывается автор «疫苗与科学»⁵. Он родился в 1978 г. в Шанхае, окончил медицинский институт Фуданьского университета и работает в управляющей организации общественного здравоохранения (во всяком случае, именно такую информацию он предоставляет о себе), на момент обращения у него 4,8 млн подписчиков. Он пишет: «Естественно, мы должны осудить нехорошее поведение китайцев в африканских странах <...>. Но чтобы мы из-за этого чувствовали себя в долгу перед этими государствами и поэтому спокойно терпели бесчинства африканцев в Китае — это логическая ошибка». На момент обращения у публикации 22 репоста, 52 лайка, 7 комментариев, среди которых выделяются такие: «Низкопоклонники перед иностранцами (老跪族)», «Если уж Китай в долгу перед африканцами, то весь мир перед ними в долгу, если следовать их логике», «Так всегда и бывает: черное смешивают с белым». Другая публикация того же автора-миллионника⁶ содержит видео, демонстрирующее почти раздетого африканца в торговом центре. Охранник-китаец призывает его одеться, а тот отвечает: а разве это не одежда? Это видео посмотрели около 22 тыс. человек. Комментарий автора таков: «Африканцы в Китае бросают вызов нашим ценностям. Вопрос: это нормально?»

Опубликованная 3 ноября 2020 г. запись⁷ автора «余想_v» (Чэнду, Сычуань, 1996 г. р., блогер по тематике интернет-технологий, театральный критик) звучит уже более жестко. Он сообщает, что в г. Маомин нелегально работает («по-черному», 黑工) африканский мигрант, он преподаёт английский язык в одном из детских садов, но виза у него просрочена уже более двух лет, и он, соответственно, незаконно зарабатывает 150 тыс. юаней. «И во время работы в Китае он сожительствовавал со многими китайками, живя в свое удовольствие!» — восклицает автор поста. Знающие мигранта граждане КНР, «не желающие спокойно взирать на всё это, донесли на него в органы общественной безопасности», однако африканец отказался признавать, что работает незаконно, он согласился лишь с тем, что нарушил законодательство о проживании в Китае. Полиция наложила на него штраф в размере 10 тыс. юаней и обязала покинуть КНР в установленный срок. Но блогера возмущает, что полицейские «даже не провели расследования и не наказали мигранта за неза-

⁵ URL: https://m.weibo.cn/detail/4569102746923754%20/t%20_blank (дата обращения: 27.11.2020).

⁶ URL: https://m.weibo.cn/detail/4578371210838061%20/t%20_blank (дата обращения: 27.11.2020).

⁷ URL: https://m.weibo.cn/status/4567304036424331?%20%5Ct%20_blank (дата обращения: 27.11.2020).

конную трудовую деятельность», что его статус как иностранного преподавателя совершенно не соответствовал квалификации — «неизвестно, какому количеству милых малышей он успел навредить!» Автор надеется, что органы общественной безопасности проведут в отношении мигранта тщательную проверку и он будет депортирован. Запись собрала 80 репостов, 170 лайков, 29 комментариев, среди которых можно выделить два. Первый: «Котел [полиции] — в государстве, сотрудники низового звена работают за свою миску риса, они не могут принимать серьезные меры против иностранцев». То есть те полицейские, которые непосредственно соприкасаются с мигрантами, опасаются конфликтных ситуаций во избежание проблем. Второй: власти раздавали визы без разбору, халатно боролись с «нарушениями политики “трех не”», образовательные структуры «разложены коррупцией», «вызывает вопросы» и внешняя политика. «Китай окончательно превратился в международную мусорную свалку!»

Еще жестче высказывается человек под ником «驃骑尉-松亭先生», у которого более 88 тыс. подписчиков⁸. О себе он пишет, что родился в 1975 г., окончил Сианьский университет, работает в Шэньчжэне. Себя он называет блогером по вопросам образования, интернет-писателем и националистом, ориентированным только на китайскую культуру (汉本位撰稿人). Его пост от 17 сентября 2020 г. предельно лаконичен: «Сколько сейчас в Китае черных альфонсов, живущих за счет китайских шалав (媚黑婊), старающихся угодить африканцам? Несть им числа! Особенно на северо-востоке Китая, где больше всего помоечных интернет-знаменитостей». К посту прикреплено видео из «Тик Тока», в котором запечатлены китаянка и африканец. На момент обращения эта публикация собрала 133 репоста, 970 лайков, 158 комментариев. В другом своем материале⁹, от 16 сентября 2020 г., комментируя видеозапись конфликта афроамериканца и китайской продавщицы, автор не без иронии пишет: «Бесстыдство, уродливое и подлое поведение этого американского чернокожего хорошо известны в Интернете. Практически каждый уважающий себя китаец, озабоченный сохранением своей нации, осудил его». И далее автор переходит с бытового на политический уровень и заявляет, что властям КНР «не терпится отдать кровь и пот китайцев», так сказать, «бедным братьям» из Африки, Латинской Америки и Азии и они не

---

⁸ URL: https://video.h5.weibo.cn/1034:4550080494239767/4550081132891826%20/t%20_blank (дата обращения: 04.12.2020).

⁹ URL: https://card.weibo.com/article/m/show/id/2309404549927694106852?_wb_client_1%20%5Ct%20_blank (дата обращения: 14.02.2021).

жалеют денег на африканских студентов. То есть блогера и его комментаторов раздражают не только деклассированные мигранты, но и обеспеченные студенты из стран Африки.

Симптоматичен пост¹⁰, в котором автор рассказывает историю, как в 2015 г. полиция Гуанчжоу разоблачила преступную группировку чернокожих, которые занимались «крышеванием» бизнеса и выбиванием долгов. Блогер утверждает, что эти африканские мафиози «часто зарубали жертв до смерти» (имеется в виду граждан КНР), они «уже начали издеваться над китайцами в Китае» и «совершенно обнаглели», возмущается он.

Интересен пост некоего Си Уи¹¹, представляющегося ученым из Академии общественных наук КНР с 2,6 млн подписчиков. К посту он прикрепил видео, в котором рассказывается о деятельности некоммерческих организаций, помогающих африканским мигрантам адаптироваться в Гуанчжоу. В этом видео волонтеры, оказывающие такую социальную помощь в местах компактного проживания мигрантов, утверждают: «Международный мегаполис обязательно должен платить за такой свой статус. Все глобальные города — Нью-Йорк, Токио, Лондон — имеют иностранные диаспоры. Несмотря ни на что, африканская диаспора уже стала реальностью в Гуанчжоу, и эта реальность будет долго сказываться на жизни города». На самом деле, с раздражением замечает Си Уи, «изначально нелегальным иммигрантам было бы сложно перемещаться по нашей стране, и без помощи этих людей они не смогли бы здесь остаться».

Автор под ником «逍遥岁月166» язвительно комментирует сегодняшнюю ситуацию в КНР¹²: «Когда это китайцы начали так интересоваться африканцами? Высокие стипендии [для студентов], три женщины сопровождают одного чернокожего, а девушки соперничают за право выйти замуж за старого выходца из Африки. Необъяснимо и слишком внезапно». Далее блогер иронизирует: «Оказывается, предки китайцев были чернокожими, и чернокожие помогали бороться с японскими чертями. Неслыханно. Теперь это хорошо задокументировано. Не стоит обольщаться на свой счет». В данном случае обыгрывается утверждение тех китайских блогеров, которые выступают против ксенофобии и защищают права африканских мигрантов. Пост сопровождается скриншотом, где со ссылкой на

---

¹⁰ URL: https://m.weibo.cn/status/4566358464137516?%20%5Ct%20_blank (дата обращения: 04.12.2020).

¹¹ URL: https://m.weibo.cn/1442246695/4522732195671572%20/t%20_blank (дата обращения: 04.12.2020).

¹² URL: https://m.weibo.cn/status/4578067086049614?%20%5Ct%20_blank (дата обращения: 04.12.2020).

археологические данные говорится о том, что на территории Китая предки современных людей жили уже миллионы лет назад, история китайской культуры насчитывает 10 тыс. лет, а китайской цивилизации 5 тыс. лет. Именно территории Китая и Африки являются местами, в которых впервые появился *homo sapiens*.

Еще одним примером негативного отношения к африканским мигрантам может стать пост блогера под ником, означающим «обвести вокруг пальца». На его аватаре — изображение с надписью: «Выгнать черных, сохранить наш Китай». В своем профиле он указывает, что является студентом¹³. По его словам, чернокожие не только заселяют Гуанчжоу, они укореняются и в других городах КНР. Тенденция очевидна: «охватить всю страну». «Сразу оговорюсь: я не расист, но я не люблю чернокожих», — пишет автор. Он призывает смотреть на этот вопрос «реалистично и рационально». Далее блогер делает стандартные утверждения: «чернокожие сейчас распространились практически по всему миру», по статистическим данным, «самый высокий уровень преступности среди всех рас» именно у африканцев. «В принципе, — продолжает автор, — можно сказать, что черные рождаются с преступными генами. Из примитивности африканских племен, отсталых и нецивилизованных обычаев и образа жизни проистекают их национальные природные пороки. Черные по своей природе ленивы и имеют слабое представление о браке. Они считают брак детской игрой, а женщину — игрушкой». По мнению блогера, в Китае потому скопилось так много мигрантов из Африки, что, прилетая в страну, большинство из них уничтожают свои паспорта и превращаются в «лиц без гражданства», которых проблематично депортировать. Этого-то они и добиваются, так как в КНР им гораздо комфортнее, чем у себя дома. Но защищенности от депортации им уже мало — они пытаются насаждать в Китае свои порядки. В качестве примера блогер вспоминает, как несколько лет назад в Гуанчжоу африканские мигранты агрессивно требовали создать для них в городе «автономный район». Выход, по его мнению, один — перенимать опыт у стран с жесткой миграционной политикой, например, у Южной Кореи и Японии: «Благодаря эффективным мерам, принятым в этих странах, им потребовался всего год, чтобы полностью очиститься от чернокожих». В то же время западный опыт работы с мигрантами доказал свою неэффективность: «Посмотрите на современную Европу. Африканизация и исламизация стали необра-

---

¹³ URL: https://zhuanlan.zhihu.com/p/261113479?utm_source=ZHShareTargetIDMore&utm_medium=social&utm_oi=1315838315195379712%20%5Ct%20_blank (дата обращения: 17.10.2020).

тимыми тенденциями! Ситуация во Франции особенно серьезна, и у западных правительств нет действенных способов решения этой проблемы». Трудно сказать, искренне или нет, но блогер утверждает, что на фоне подобного европейского бессилия у КНР имеются реальные возможности, чтобы навести порядок с мигрантами. Власти не должны проявлять мягкость и бесхребетность. КНР — социалистическое государство, и это дает стране массу системных преимуществ. Способность правительства отдавать приказы и способность подчиненных ведомств их выполнять, «несомненно, во много раз сильнее, чем в так называемых демократических странах Запада». Свой пост блогер заканчивает словами: «Я не смею комментировать. Меня много раз подвергали цензуре и банам. Сейчас многие китайцы вдруг полюбили африканцев. Причина ясна».

Приведенная в конце поста оговорка наглядно демонстрирует определенное неписаное правило поведения китайцев в социальных сетях: высказывать свое резкое мнение можно, но только придавая ему определенный ореол беспристрастности — во избежание блокировки автор воздерживается именно от собственного комментария ситуации, остальной же текст, пусть и насыщенный негативными эмоциями, не выходит за четко ощущаемые, хотя и невидимые рамки. Однако, по-видимому, анонимный автор их все же перешагнул, и данный материал был удален.

Биологическое объяснение ксенофобии весьма популярно в социальных сетях Китая. Автор следующего материала (он умышленно расставляет ошибочные знаки препинания, что проясняет механизм контроля за нежелательными публикациями со стороны администрации соцсетей: их ищут по ключевым словосочетаниям, чего и стремится избежать автор)¹⁴ пишет, что американского биолога Джеймса Уотсона, «отца ДНК», на Западе осуждают за высказывания, считающиеся расистскими. В качестве примера блогер приводит слова ученого, что «у чернокожих не произошла эволюция, поэтому у Африки нет будущего». Автор поста считает, что положение дел с чернокожими в нынешнем Китае очень напоминает ситуацию с выходцами из Африки в Советском Союзе, который «давал чернокожим большие преференции и позволял вступать в брак на всей своей территории». В этом смысле «японские дьяволы» ведут себя в отношении африканцев гораздо грамотнее — «они, например, не впускают к себе чернокожих с IQ ниже 105 пунктов». Блогер убежден в том, что африканцы в принципе неспособны быть культурны-

---

¹⁴ URL: https://zhuanlan.zhihu.com/p/148165504%20/t%20_blank (дата обращения: 30.12.2020).

ми — «их души полны жестокости, ненадежности, кровожадности и прочих отрицательных качеств». В подтверждение своих слов он приводит статистические данные о высоком проценте чернокожих среди преступников в США. Неприязненно высказываясь об африканцах, блогер допускает примитивные фактические ошибки типа: «Манделе взбрело в голову изгнать белых чиновников и заменить их черными. Ужасный результат в виде экономической рецессии можно увидеть сейчас в Зимбабве». (Нельсон Мандела был президентом ЮАР.) Под конец своего объемного поста автор переходит к прямой демонизации африканцев: «Можете представить себе, как вы выходите из самолета, а группа черных смотрит и ждет, чтобы ограбить вас, как стая зверей на африканских лугах, стерегущих свою добычу. Это тоже дискриминация?» В завершение автор делает дежурную оговорку: «Я написал это не для того, чтобы посеять рознь между людьми. Я просто перечислил несколько неудобных, но научно обоснованных фактов. Надеюсь, меня не заблокируют».

Негативную реакцию в Синете вызывают не только новости о неподобающем поведении африканских мигрантов. В начале 2021 г. семеро африканских студентов (из Уганды, Марокко, Экваториальной Гвинеи, Зимбабве, Сан-Томе и Принсипи, Ботсваны и Демократической Республики Конго), обучающихся в КНР, записали видеопоздравление¹⁵ с китайским Новым годом. Обращение исключительно благожелательно в отношении КНР. Вот, например, слова студентки из Сан-Томе и Принсипи: «Я дорожу возможностью учиться в Китае. Учителя и мои одноклассники позволили мне почувствовать тепло дома». Африканские студенты произносили добрые пожелания: «Желаю здоровья, мира и любви — каждый день!», «Позаботьтесь о своем здоровье и воплотите в жизнь свои мечты!», «Надеюсь, Новый год принесет нам еще много хорошего!» Несмотря на очевидную дружелюбность видеообращения, китайские комментарии к нему крайне агрессивны: «Канун Нового года, а вы хотите вызвать у нас омерзение?», «Китайское правительство — самое бесхребетное государственное учреждение! Оно, как раб, потеряв достоинство, стоит на коленях!», «Что еще, кроме СПИДа, наркотиков и [труднопереводимое оскорбление, относящееся к мужчинам-африканцам] приносят иностранные студенты?» Особенно выделяется пространный комментарий в духе «плана Калерги» о том, что «главные кукловоды» намерены «использовать планирование семьи,

---

¹⁵ URL: https://mp.weixin.qq.com/s?_iz=MzlwNTQ0OTYwNg%3D%3D&mid=2247511294&idx=1&sn=6bf3b8816d6a7d791d0d476c5e21742a&scene=45%20%5C1%20wechat_redirect%20%5Ct%20_blank (дата обращения: 11.02.2021).

ЛГБТ, гедонизм», а также иные способы снижения «уровня рождаемости среди молодежи». Будут задействованы «беженцы, иностранные студенты и другие отговорки для массового переселения чернокожих и мусульман» на территории, где их никогда прежде не было, с помощью «промывания мозгов» добьются появления «новой смешанной расы», представителей которой будет «легко контролировать», так как они окажутся лишенными «национальной гордости». Это и есть цель «Меркель и других политиков» — «перезагрузить новый мир».

Один из блогеров предостерегает¹⁶ девушку-китайку от брака с африканцем, говоря, что многие женщины, вышедшие за чернокожих, пожалели о своем решении. В качестве примера автор рассказывает такую историю. Несколько лет назад он увидел в Интернете сообщение, что студенты — китайка и африканец — полюбили друг друга и поженились. При этом африканец сказал своей избраннице, что он чиновник во втором поколении и его семья очень богата. Когда же пара приехала в африканскую страну мужа, оказалось, что его слова не соответствуют действительности. Муж не работал, «просто слонялся целый день», его отец и двое старших братьев стали засматриваться на эту красивую девушку, причем ее супруга это совершенно не волновало, а затем он и вовсе бросил жену, у которой к тому времени уже был ребенок. И этот пример не единственный, многие девушки сожалеют, что вышли замуж за чернокожих. Блогер прямо говорит девушке, которой адресован его пост: «Вы должны быть готовы к тому, что Вас бросит черный муж, к насилию в семье или даже к смирению перед бедностью».

Настрой на нежелательность связей китайок с мужчинами-африканцами отмечается исследователями, изучающими африканскую иммиграцию в КНР. Так, например, Лю Тинтин, Сю Минлян и Чэнь Сю подчеркивают, что государство «закрывает глаза на вопросы, которые считаются личными: свидания, романы и брак». Однако «пользователи “Вейбо” (китайская социальная сеть. — Н.А.), выступающие против чернокожих, демонстрируют свое недовольство такой “халатностью”», они недовольны тем, что «КПК не может контролировать романтические отношения африканцев и китайок»¹⁷.

Когда кто-либо пытается в жесткой форме призвать к одинаковому отношению к недостойно себя ведущим представителям любых наций, комментаторы Синета начинают защищать китайцев. Так, в

---

¹⁶ URL: https://zhuanlan.zhihu.com/p/176284515%20/t%20_blank (дата обращения: 12.02.2021).

¹⁷ *Liu Tingting, Xu Mingliang, Chen Xu. Op. cit. P. 496.*

одном полном обсценной лексики тексте¹⁸ говорится: «Как сказал один человек, раз китайцы оставляют за собой кучу детей смешанной расы в Африке, то африканцы также правильно делают, что поступают аналогичным образом в Китае». По словам этого блогера, к «отморозкам всех цветов кожи» следует относиться одинаково. Комментаторы же отказались осуждать неэтично ведущих себя людей вне зависимости от их расовой принадлежности и встали на защиту китайцев: «Будьте терпимы к нашим ханьским китайским соотечественникам, иначе наше родство по крови не имеет значения», «У меня только одна просьба: не привозите гангстеров в Китай, будь то мужчины или женщины», «Китайцы оставляют потомков смешанной расы черным, чтобы повысить их IQ. А линия черных, оставшаяся в Китае, — это ген, загрязняющий Китай. Все знают, что из себя представляют чернокожие!»

Позитивные оценки и их аргументация

Политика блокирования в китайских социальных сетях трудно-предсказуема: какие-то посты сочувствующих африканцам китайцев удаляются, а другие — крайне националистические — оставляются. Так, например, была удалена пространная статья анонимного автора, представляющая для настоящей работы исключительный интерес, так как она является единственным развернутым материалом в поддержку африканских мигрантов. Она называется «К вопросу о дискриминации чернокожих со стороны некоторых китайцев»¹⁹.

Автор начинает с того, что называет китайскую социальную сеть «Чжиху» лучшей в Синете благодаря высокому уровню культуры ее пользователей. Однако он тут же утверждает, что не так давно обнаружил неприглядный факт: многие пользователи «Чжиху» являются расистами или же «относятся к чернокожим брезгливо». Причем не только к чернокожим — среди пишущих в «Чжиху» достаточно и таких личностей, «кому одинаково противны и черные, и белые». Автор называет таких пользователей «националистами», но «националистами» условными, поскольку они ратуют за «величие Китая», однако вместе с тем игнорируют присутствие в единой «китайской нации» других народов, в том числе белых, например, русских или таджиков. То есть, ненавидя кого-то, «националисты», по мнению автора, понятия не имеют, что такое китайская нация.

---

¹⁸ URL: https://m.weibo.cn/status/4538094525615074%20/t%20_blank (дата обращения: 11.02.2021).

¹⁹ URL: https://zhuanlan.zhihu.com/p/148549553%20/t%20_blank (дата обращения: 24.12.2020).

«Как вас можно назвать в таком случае? Для таких даже названия не придумано», — эмоционально восклицает он.

Переходя к проблеме африканских мигрантов, автор заранее ждет в свой адрес поток «безмозглой и ксенофобский нецензурщины» от пользователей «Чжиху». Он признает, что существует проблема чернокожих мигрантов-преступников, и даже пытается объяснить их криминальное поведение: «Они в большинстве своем не имеют хорошего образования, незнакомы с традиционными китайскими нормами морали и не понимают китайскую правовую систему». Такие переселенцы, приехавшие, чтобы «обманывать, воровать и грабить», вызывают к себе справедливую неприязнь. Но автор решительно против экстраполяции подобного стереотипного образа на всех африканцев, против их априорной дискриминации. Он досадует, что вместо разбирательства конкретных правонарушений в китайском обществе преобладают огульные обвинения мигрантов в «расовой неполноценности».

Как показано выше, автор данного поста не сгущает краски. Действительно, в критике африканских мигрантов со стороны китайских пользователей социальных сетей если и не преобладают, то, во всяком случае, отчетливо присутствуют мотивы расовой неприязни. В противовес такому мнению выдвигаются аргументы об «общих корнях» чернокожих и китайцев, поскольку древнейшие люди появились именно в Африке, предлагается перестать мыслить по инерции, ассоциировать с Африкой исключительно «бедность» и «отсталость», поскольку этот континент — «плодородная земля, на которой чернокожие создали свои блестящие цивилизации», в том числе, например, нубийскую культуру или Аксумское царство. Автор прибегает и к политической аргументации. Он указывает на несовместимость национализма и одной из доктринальных основ современного китайского общества — «социализма с китайской спецификой», подчеркивает, что помощь африканским странам со стороны КНР приводит к положительным результатам — например, происходит укрепление авторитета Пекина среди стран третьего мира, что приближает утверждение в мире «сообщества единой судьбы человечества» (установка, провозглашенная Си Цзиньпином в 2012 г. на XVIII съезде КПК). И вообще, «расовая неполноценность — фикция, сфабрикованная капиталистами, чтобы расколоть пролетариат». Высказывается и упрек бывшему на момент публикации этого поста президентом США Дональду Трампу, который потворствует росту национализма: «Разве так себя должен вести лидер единственной в мире сверхдержавы?» На фоне упоминания

Америки выстраиваются и удобные для приводимой аргументации аналогии, как в начале XX в. Запад видел в китайцах «варваров», «низшую расу», «желтых свиней». Поэтому недопустимо вести себя сегодня так же в отношении африканцев.

В заключение своего поста автор все же — видимо, в полемическом запале — высказывается в адрес чернокожих более резко, чем в начале: «...я не обеляю черных, я порицаю плохих чернокожих. Я также понимаю, что большинство чернокожих обладают негативными качествами, но слепая дискриминация не может решить никаких проблем. Есть два способа: либо уничтожить эту расу, либо улучшить ее качества и прийти к ним на помощь». А в размещенном через некоторое время дополнении к этому посту он еще раз подводит итог своей позиции: «Не считайте плохой всю расу из-за некоторых чернокожих — среди нас тоже есть плохие люди. Взаимная дискриминация абсолютно бессмысленна, а плохие чернокожие, естественно, должны быть устранены (в смысле депортированы. — *Н.А.*)».

Данный пост — в сущности, единственный неофициальный материал из социальных сетей, в котором человек, ни прямо, ни косвенно не связанный с административными органами, высказывается в защиту африканских мигрантов в Китае. В качестве еще одного примера положительного отношения (точнее, интереса) частного лица к африканской культуре можно привести подборку некоего стилиста, родившегося в конце 1980-х гг. и проживающего, по всей видимости, в Чэнду²⁰. Он делает африканские прически китайцам и африканцам и выкладывает их фото. На момент обращения (4 декабря 2020 г.) у него было более миллиона подписчиков.

С полуофициальными источниками дело обстоит иначе. Например, любопытна публикация от 21 сентября 2020 г.²¹ о травнике из Мали, ставшем специалистом по китайской медицине. Другой пример — публикация автора, имеющего отметку «лучший автор», от 7 января 2021 г. У него 52 тыс. подписчиков, а у поста — более 393 тыс. лайков. Озаглавлена публикация: «Африканская девушка, вышедшая замуж в провинцию Хэнань, мила и привлекательна, и она стала примером того, как разрешить вопрос холостяков»²².

²⁰ URL: <https://m.weibo.cn/u/1743140002?jumpfrom=weibocom> (дата обращения: 04.12.2020).

²¹ URL: <https://mp.weixin.qq.com/s/x-QvfGvsSax3IGkIQfnBZg> (дата обращения: 14.02.2021).

²² URL: https://mbd.baidu.com/newspage/data/landingshare?pageType=1&isBdboxFrom=1&context=%7B%22nid%22%3A%22news_9310370597991805102%22%2C%22sourceFrom%22%3A%22bjh%22%7D (дата обращения: 13.02.2021).

В ней речь идет о некоей Набулии из Уганды. «В настоящее время, — пишет автор, — она живет в уезде Мэнцзинь, в городе Лоян и является настоящей хэнаньской невесткой»: говорит на хэнаньском диалекте, постоянно улыбается, прекрасно занимается сельским хозяйством и домашними делами. Свекровь с невесткой находятся в добрых отношениях, и «все это действительно здорово». Ее муж Се Сяовэй на 15 лет старше ее. Приехав работать из Уганды, она стала «наилучшим приобретением» для Се Сяовэя. Сейчас у них двое здоровых, бойких сыновей, и они живут счастливо. Если бы не Набулия, Се Сяовэй мог так и остаться холостяком. Его жизнь была бы «неподвижна, как стоячая вода», а его мать грустила бы и беспокоилась. В больших сельских районах много холостяков, которые хотят создать свою семью и «почувствовать себя в роли мужа, отца и зятя». Поэтому, как утверждается в публикации, противники смешанных браков неправы уже хотя бы с этой точки зрения.

Китайские власти внимательно отслеживают, что о них говорят и думают по всему миру, в том числе в Африке. Поэтому в официальных новостных ресурсах, представленных в социальных сетях, можно найти публикации наподобие следующей. В ней, в частности, говорится: «В Интернете в последнее время начинают распространяться видеоролики о “ненадлежащем обращении с гражданами Нигерии в Гуанчжоу”, а также различные злобные высказывания о том, что “Китай дискриминирует африканцев”, вызывающие бурю негодования в общественном мнении африканских стран». В результате «некоторые официальные лица» этих государств «заметили данную тенденцию и начали активную разъяснительную работу».

В подтверждение можно привести следующую историю. Намибийка Сельма Камбала разместила в Интернете видео, где пожаловалась на выселение из отеля. Когда же посол Намибии в КНР Элиа Джордж Кайямо позвонил своей соотечественнице, чтобы узнать подробности случившегося, то выяснились детали этого инцидента, которые не дают оснований усматривать в нем проявление расовой дискриминации. Оказалось, что из отеля выселили не только Камбалу, но и всех иностранцев из-за коронавируса. Более того, Камбале предложили другой отель, а также проверили на коронавирус. Намибийка еще пожаловалась на то, что, имея действующую визу, она не может отправиться на родину в связи с прекращением полетов из-за карантинных мер. Выслушав свою собеседницу, посол Кайямо указал Камбале на необходимость «исправить неверную информацию» из записанного ею видео и попутно заметил: «Вы рассказываете миру, что вас выгнала полиция, потому что вы черная. Теперь

люди в Намибии относятся к этому серьезно. Я думаю, вы, возможно, захотите исправить предыдущее видео, потому что слухи о том, что «Китай дискриминирует африканцев», ставят наших китайских друзей в очень плохое положение». Впоследствии эта история вышла на более высокий уровень, и посол Китая в Нигерии Чжоу Пинцзянь, а также министр иностранных дел Нигерии Джеффри Онеама на совместной пресс-конференции 14 апреля 2020 г. разъяснили, что местная китайская администрация потребовала закрыть соответствующие помещения после того, как обнаружила, что в ресторане был отмечен случай заболевания коронавирусом²³. Таким образом, и китайские, и африканские официальные лица стараются всячески сглаживать острые углы.

Из проанализированных материалов китайских социальных сетей следует, что далеко не все китайское общество настроено к африканским мигрантам плохо. Другое дело, что те, кто относится к таким мигрантам действительно враждебно, более активны в Синьтэ, чем и объясняется непропорциональное соотношение полярных суждений с явным преобладанием негативных мнений.

Заключение

На основании проведенного анализа можно сделать ряд выводов. Во-первых, вне зависимости от реального количества африканских мигрантов, находящихся в Китае, влияние их присутствия на умы граждан КНР колоссально. В китайском обществе постепенно формируются, без преувеличения, панические настроения, в том числе высказываются мнения о чуть ли не сознательном замещении китайцев мигрантами. Во-вторых, выражаемое в социальных сетях представление об африканских мигрантах являет собой классическое представление о «другом», о «чужаке». В абсолютно подавляющем большинстве случаев оценки африканских мигрантов имеют негативный характер, варьируясь от легкого недоумения по поводу поведения отдельных африканцев до оскорбительных расистских высказываний. В-третьих, со стороны официальных органов и отражающих официальную позицию блогеров наблюдается крайнее благодушие в отношении африканских мигрантов. Преобладающие враждебные настроения либо замалчиваются, либо мягко порицаются. В-четвертых, пользователи социальных сетей демонстрируют практически полное единодушие в описании причин, вызывающих их негативное отношение к мигрантам: это недостаточная, по их

---

²³ URL: <https://zhuanlan.zhihu.com/p/130923717> (дата обращения: 12.02.2021).

мнению, культурность, склонность к совершению преступлений и неподобающее отношение к женщинам. В-пятых, администрация китайских социальных сетей настороженно относится к любому упоминанию темы африканских мигрантов (единственно допустимый контекст — «дружба народов»). Комментарии на данную тему оперативно удаляются вне зависимости от того, в каком ключе автор высказывается по поводу переселенцев из Африки. Это во многом объясняется и тем, что усиливающееся экономическое проникновение Китая в целый ряд африканских государств однозначно приветствуется в них на официальном уровне, в то время как неблагоприятные или даже просто непрогнозируемые отзывы в китайских социальных сетях могут испортить там впечатление о КНР. Настоящее исследование позволяет более глубоко и осмысленно взглянуть на миграционные процессы в Китае, на восприятие участвующих в них африканцев и их взаимодействие с местным населением.

References

Andreev N.D. *Vospriyatie afrikanskih migrantov v kitajskih blogah na fone pandemii koronavirusa* [Perception of African Migrants in Chinese Blogs amid the Coronavirus Pandemic] // *Vestnik Moskovskogo universiteta*. Series 8. *Istoriya*. 2021. N 2. P. 140–156.

Deych T.L. *Afrikantsy v Kitae: problemy migratsii* [Africans in China: Migration Problems] // *Afrikanskaya migratsiya v kontekste sovremennyh mezhdunarodnyh otnošenij* [African Migration in the Context of Contemporary International Relations]. Moscow: Institut Afriki RAN, 2015. P. 108–121.

Deych T.L. *Afrikanskie migranty v Kitae v usloviyah koronavirusa* [African Migrants in China in the Context of Coronavirus] // *Afrika v global'nom migratsionnom potoke: istoriya i sovremennost': sbornik tezisov i dokladov nauchnoj konferentsii. Moskva, 23 sentyabrya 2020 g.* [Africa in the Global Migration Flow in History and Today: Collection of Abstracts and Papers of the Scientific Conference. Moscow, 23 September 2020]. Moscow: Institut Afriki RAN, 2020. P. 9–10.

Deych T.L. *Kitaj i afrikanskaya molodezh'* [China and African Youth] // *Molodezh' v politicheskoy i sociokul'turnoj zhizni Afriki* [Youth in the Political and Socio-Cultural Life of Africa]. Moscow: Institut Afriki RAN, 2019. P. 253–259.

Deych T.L., Usov V.A. *Aziatskiye afrikantsy: kak im zhivetsya v Kitaye i Indii?* [Asian Africans: How Do They Live in China and India?] // *Aziya i Afrika segodnya*. 2016. N 3. P. 33–40.

Liu Tingting, Deng Zhuoyun. “They’ve Made Our Blood Ties Black”: On the Burst of Online Racism Towards the African in China’s Social Media // *Critical Arts*. 2020. Vol. 34. Issue 2. P. 104–107.

Liu Tingting, Xu Mingliang, Chen Xu. *Social Media, Gendered Anxiety and Disease-Related Misinformation: Discourses in Contemporary China’s Online Anti-African Sentiments* // *Asian Journal of Communication*. 2021. Vol. 31. Issue 6. P. 485–501.

Min Zhou, Tao Xu, Shabnam Shenasi. *Entrepreneurship and Interracial Dynamics: a Case Study of Self-Employed Africans and Chinese in Guangzhou, China* // *Ethnic and Racial Studies*. 2016. Vol. 39. N 9. P. 1566–1586.

Shanshan Lan. *Reconstructing Blackness in Grassroots Interactions Between Chinese and Africans in Guangzhou* // *Anthropological Quarterly*. Vol. 92. N 2. Spring 2019. P. 481–508.

Shanshan Lan. *The Shifting Meanings of Race in China: A Case Study of the African Diaspora Communities in Guangzhou* // *City & Society*. Vol. 28. Issue 3. December 2016. P. 298–318.

党芳莉 [Dǎng Fānglì]. 全球化时代中国地方媒体对在华非洲人的媒体报道研究以广州报刊为例 [Quánqiú huà shídài zhōngguó dìfāng méitiǎn duì zài huá fēizhōu rén de méitiǎn bàodào yánjiū yǐ guǎngzhōu bàokān wéi lì] [A Study of the Coverage of the Life of Africans in China in the Local Chinese Media in the Era of Globalization Based on Guangzhou Newspapers] // 西安文理学院学报 (社会科学版) [Xi'an wénlǐ xuéyuàn xuébào (shèhuì kēxué bǎn)] [Journal of Xi'an University (Social Sciences Edition)]. Vol. 19. N 1. February 2016. P. 78–83.

Поступила в редакцию
23 апреля 2022 г.

Н.Г. Абрамова, А.Г. Голиков

ЮБИЛЕЙ КАФЕДРЫ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ

N.G. Abramova, A.G. Golikov

DEPARTMENT OF SOURCE STUDIES' ANNIVERSARY

Аннотация. В статье прослеживаются основные этапы становления и развития первой в стране специальной кафедры источниковедения, созданной на историческом факультете Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова в сентябре 1952 г. Создание кафедры открыло новый этап в изучении и преподавании специальных исторических дисциплин, освоение которых является необходимым условием профессиональной подготовки историка. Показан решающий вклад руководителей кафедры академиков Михаила Николаевича Тихомирова и Ивана Дмитриевича Ковальченко в определение задач и направлений работы кафедры источниковедения, в создание и развитие концепции подготовки студентов-историков, специализирующихся на изучении источниковедения, историографии, методов исторических исследований, в формирование коллектива преподавателей и научных сотрудников, в достижение значимых успехов в преподавании и научной деятельности. Раскрываются основные страницы истории кафедры источниковедения исторического факультета МГУ как одного из ведущих в стране учебно-научных и методических центров по изучению и преподаванию проблем источниковедения, историографии, методов исторических исследований, вспомогательных исторических дисциплин. Продемонстрирован вклад кафедры источниковедения в развитие исторической науки, показана повседневная учебная и научная работа кафедры на протяжении семи десятилетий ее деятельности. Проанализирован опыт решения коллективом

Абрамова Надежда Григорьевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры источниковедения исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Abramova Nadezhda Grigorievna, PhD Candidate in History, Associate Professor, Department of Source Studies of Russian and Soviet History, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University

+7-495-939-35-97; istochmsu@list.ru

Голиков Андрей Георгиевич, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой источниковедения исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Golikov Andrey Georgievich, Doctor in History, Professor, Head, Department of Source Studies of Russian and Soviet History, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University

+7-495-939-35-97; golikov@hist.msu.ru

кафедры актуальных задач исторической науки в контексте становления и совершенствования преподавания учебных курсов, складывания учебных планов лекционных и практических занятий, формирования программ учебных курсов, подготовки методических и учебных пособий для обеспечения преподавания общих учебных курсов и дисциплин специализации для всех студентов исторического факультета, специализирующихся по отечественной истории, и для студентов, выбравших специализацию, профиль и образовательные программы кафедры источниковедения в частности. Перечислены основные направления научных исследований сотрудников, проблематика специальных курсов, прочитанных преподавателями и научными сотрудниками за последние годы. Особое внимание уделено проведению мемориальных научных чтений, посвященных коллегам и учителям — выдающимся профессорам кафедры, заложившим традиции коллектива, которые сохраняются, поддерживаются и развиваются сегодня.

Ключевые слова: Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, кафедра источниковедения, методы исторических исследований, вспомогательные исторические дисциплины, М.Н. Тихомиров, И.Д. Ковальченко.

Abstract. The article characterizes the main stages of the formation and development of the Russian first special department of source study, which was established at the Faculty of History of the Lomonosov Moscow State University in September 1952. It was a beginning of a new stage in the study and teaching of special (auxiliary) historical subjects, which are a prerequisite for the professional training of historians. The authors reveal the decisive contribution of the Academy members Mikhail Nikolayevich Tikhomirov and Ivan Dmitrievich Kovalchenko, the heads of the Department, to the determination of goals and direction of its work, to the creation and development of the ideas of the programs for students of source studies, historiography, historical research methods, to the formation of the teaching staff and researchers, and to achieving significant advances in teaching and research activities. The article examines the history of the Department of Source Studies as one of the leading scientific and methodological centers. The authors highlight its contribution to the development of historical research and overview the educational and research activities of the Department during seven decades of its existence. They examine the experience of solving historical problems while developing teaching courses, educational curriculum and programs, methodical and teaching aids for students of the Faculty of History in general, and particularly of its Departments of Source Studies. The main recent directions of the departmental staff's research and lecturing are listed. Particular attention is paid to scientific readings in honor of colleagues and teachers, prominent professors, who established the traditions, which are preserved, maintained and developed today at the Department of Source Studies.

Keywords: Lomonosov Moscow State University, Department of Source Studies, methods of historical research, auxiliary historical disciplines, M.N. Tikhomirov, I.D. Kovalchenko.

* * *

1 сентября 1952 г. на историческом факультете Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова появилось новое подразделение — первая в стране кафедра источниковедения (см. фото)¹. Ее организация предусматривалась пятилетним планом (1946–1950 гг.) развития МГУ, утвержденным 11 марта 1946 г. Советом МГУ. Было решено «организовать более 60 кафедр, в т. ч. ... на историческом факультете... источниковедения и вспомогательных научных дисциплин»².

62.

П Р И К А З

МОСКОВСКОМУ ОРДЕНА ЛЕНИНА ГОСУДАРСТВЕННОМУ УНИВЕРСИТЕТУ
ИМЕНИ М. В. ЛОМОНОСОВА

№ 979. — 11 октября 1952 г.

Об исполнении приказа по Министерству высшего образования СССР:

П р и к а з
по Министерству высшего образования СССР
Москва № 1637 2 октября 1952 г.

Об организации кафедры источниковедения
в Московском ордена Ленина государственном университете
имени М. В. Ломоносова

-----

1. Организовать с 1 сентября 1952 г. кафедру источниковедения в Московском ордена Ленина государственном университете имени М. В. Ломоносова.
2. Ректору университета в двухнедельный срок в установленном порядке представить на утверждение Министерства кандидатуру на должность заведующего указанной кафедрой.
3. Внести соответствующие изменения в устав университета.

Заместитель министра высшего образования СССР М. И. ПОДКОБЕЗЬ

Проректор Московского университета профессор *Б. А. Рыбаков* (Б. А. Рыбаков)

М. И. Подкобездя
21/10
14/10/52
ОК 1952

¹ Приказ № 979 от 11 октября 1952 года об организации кафедры источниковедения // Архив МГУ. Ф. 1. Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова. Ректорат, Совет, центральный аппарат. Оп. МГУ. Д. 160. Приказы проректора за 1952 год. Л. 62. Впервые приказ опубликован в книге «Кафедра источниковедения исторического факультета Московского университета» (СПб., 2019).

² Летопись Московского университета. В 3-х т. Т. 1: 1755–1952. М., 2004. С. 500.

Кафедра создавалась по инициативе профессора Михаила Николаевича Тихомирова, члена-корреспондента АН СССР (с 1953 г. — действительного члена АН СССР), автора довоенного учебника по источниковедению истории СССР³. И.Д. Ковальченко отмечал «исключительно глубокое проникновение в ход развития науки» М.Н. Тихомирова, который взял на себя «смелость доказывать необходимость создания кафедры источниковедения и добился этого»⁴.

Создание кафедры открыло новый этап в изучении и преподавании специальных исторических дисциплин, освоение которых — необходимое условие профессиональной подготовки историка. Вот уже 70 лет кафедра является одним из ведущих педагогических и научных центров, где разрабатываются актуальные проблемы методологии исторической науки, ведутся источниковедческие и историографические исследования, осуществляется преподавание специальных исторических дисциплин. На кафедре ведется специализация студентов, обучающихся в бакалавриате и в магистратуре. Выпускники аспирантуры и докторантуры успешно защищают кандидатские и докторские диссертации по специальности «Историография, источниковедение, методы исторического исследования». За эти годы по кафедре специализировалось более 650 студентов, каждый третий из них стал кандидатом исторических наук. Более 30 выпускников защитили докторские диссертации.

В настоящее время на кафедре работают заслуженные профессора Московского университета А.Г. Голиков, Н.Б. Селунская; профессора С.А. Байбаков, Д.М. Володихин, Г.Р. Наумова; доценты: заслуженный преподаватель Московского университета Ю.А. Мошков, Н.Г. Абрамова, Т.В. Агейчева, В.В. Алексеев, Т.А. Круглова, О.С. Петрова, старший преподаватель А.В. Карагодин, ассистент А.Н. Левандовский; старший научный сотрудник Л.Д. Дергачева, младший научный сотрудник Е.О. Высоцкая, специалисты по учебно-методической работе: заслуженный работник Московского университета Т.Д. Горячева, Н.И. Муравенко, М.Л. Голубева. С 1995 г. кафедрой заведует профессор А.Г. Голиков.

Создание на историческом факультете Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова специальной

---

³ Тихомиров М.Н. Источниковедение истории СССР с древнейших времен до конца XVIII в. Т. 1. М., 1940.

⁴ Ковальченко И.Д. М.Н. Тихомиров — основатель и руководитель кафедры источниковедения Московского университета // Археографический ежегодник за 1973 год. М., 1974. С. 181.

кафедры источниковедения стало рубежным событием в организации изучения и преподавания источниковедения, историографии и вспомогательных исторических дисциплин в МГУ. На этапе становления кафедры в 1952–1966 гг. складывался коллектив кафедры, были разработаны и введены новые учебные планы, определялся состав учебных курсов, началось проведение лекционных и практических занятий по отдельным видам источников, проводилась специализация студентов и аспирантов. Под руководством М.Н. Тихомирова первые аспиранты кафедры успешно защитили кандидатские диссертации. Это были Н.Н. Покровский, Л.В. Милов (впоследствии оба стали действительными членами РАН), А.В. Муравьев, А.Н. Мальцев, Л.М. Костюхина, А.Г. Кузьмин, А.И. Рогов. При кафедре был организован кабинет-библиотека.

Возглавляемый М.Н. Тихомировым коллектив выступил в роли интегратора преподавания источниковедения отечественной истории для студентов трех новых кафедр факультета (периода феодализма, периода капитализма и периода социализма), созданных в марте 1953 г. на базе прежней кафедры истории СССР. С 1957 г. А.В. Муравьевым, С.И. Антоновой и А.М. Панфиловой курс лекций по источниковедению стал читаться в широких хронологических рамках — с древнейших времен и по XX в. включительно. В 1962 г. вышло учебное пособие М.Н. Тихомирова «Источниковедение истории СССР», получившее гриф Министерства высшего и среднего образования СССР, в котором изложение материала было подчинено задачам максимального представления информации об определенных видовых комплексах источников и отдельных памятниках. Было налажено преподавание вспомогательных исторических дисциплин — палеографии, исторической географии, архивоведения, хронологии, метрологии, исторической библиографии, археографии, славянской палеографии. В 1960 г. А.В. Муравьев подготовил учебно-методическое пособие по палеографии, им же в 1963 г. был издан «Сборник снимков с русского письма XI–XVII вв. для занятий по палеографии». Впоследствии они будут неоднократно переиздаваться (1967, 1971, 1975 гг. и др.).

В 1962 г. М.Н. Тихомиров оставил руководство кафедрой источниковедения, и в течение четырех лет обязанности заведующего исполнял А.В. Муравьев, который сумел сохранить уникальный коллектив, обеспечить преемственность и передать традиции работы кафедры после того, как ее возглавил профессор И.Д. Ковальченко (с 1987 г. — действительный член АН СССР). В 1966–1976 гг. А.В. Муравьев был заместителем заведующего кафедрой.

Под руководством И.Д. Ковальченко кафедры источниковедения превратилась во всесоюзный учебно-научный и методический центр изучения и преподавания проблем источниковедения, историографии и методов исторического исследования. Были существенно расширены хронологические рамки и проблематика научной работы кафедры. Специалист по аграрной истории России И.Д. Ковальченко пригласил на кафедру исследователя истории внешней политики и финансового капитала дореволюционной России В.И. Бовыкина, а также Ю.А. Мошкова, опубликовавшего на основе материалов своей кандидатской диссертации монографию по истории зерновой проблемы в СССР⁵. Коллектив пополнили аспиранты, успешно защитившие кандидатские диссертации: В.А. Плугин, С.В. Воронкова, А.К. Соколов, А.Е. Шикло, а затем А.Г. Голиков, Н.Б. Селунская, Г.Р. Наумова, Т.А. Круглова. Был дополнен учебный план кафедры, совершенствовались преподавание уже сложившихся курсов, по большинству дисциплин были опубликованы программы, учебники, учебные пособия.

В первые годы после создания кафедры были определены главные направления работы коллектива. И.Д. Ковальченко выделял три основных направления: 1) разработка целостного учебного курса источниковедения, охватывающего весь период отечественной истории с древнейших времен до наших дней; 2) формирование системы специальных исторических дисциплин, которые должны преподаваться специалистам в области отечественной истории; 3) проведение научных исследований, ориентированных на разработку комплексов исторических источников, имеющих принципиальное значение для изучения проблем отечественной истории.

Вскоре был подготовлен учебник «Источниковедение истории СССР». Он вышел под редакцией И.Д. Ковальченко в 1973 г. и был рекомендован Министерством высшего и среднего специального образования СССР для студентов исторических факультетов университетов и педагогических институтов. Авторами учебника стали преподаватели кафедры источниковедения, а также преподаватели других кафедр факультета и специалисты из других учебно-научных центров. Впервые в одной книге был дан обзор основных письменных источников по отечественной истории X–XX вв. и охарактеризованы важнейшие методы их научной критики и анализа.

В 1981 г. было выпущено второе, существенно переработанное издание этого учебника под редакцией И.Д. Ковальченко, авторами большинства глав были преподаватели и сотрудники кафедры

---

⁵ Мошков Ю.А. Зерновая проблема в годы сплошной коллективизации сельского хозяйства СССР (1929–1932 гг.). М., 1966.

источниковедения. Одновременно коллектив кафедры подготовил четыре выпуска «Сборника документов для практических занятий по источниковедению истории СССР»⁶.

Во вводном разделе второго издания учебника И.Д. Ковальченко изложил основные положения современного учения об информации применительно к проблемам источниковедения. С позиций учения об информации была начата работа по перестройке преподавания курса источниковедения отечественной истории. В 1980 г. издательство Московского университета опубликовало под грифом Министерства высшего и среднего специального образования СССР подготовленную на кафедре источниковедения исторического факультета МГУ программу учебного курса «Источниковедение истории СССР» для государственных университетов. Программа предусматривала рассмотрение проблемы исторического источника «в свете учения об информации». В 1982 г. в рекомендациях всесоюзного учебно-методического совещания преподавателей государственных университетов, читающих курс «Источниковедение истории СССР», были отмечены успехи в преподавании курса источниковедения истории СССР в университетах страны и роль учебников и учебных пособий, созданных кафедрой источниковедения МГУ.

В состав дисциплин, преподавание которых обеспечивает кафедра источниковедения, прочно вошел курс историографии отечественной истории. Повышению эффективности историографической подготовки студентов способствовало наряду с совершенствованием содержания лекционного курса введение семинарских занятий, была развернута система спецсеминаров и спецкурсов. Перестройке курса способствовали создание программ курса (1974, 1979, 1987 гг.) и подготовка и издание методических разработок для студентов кафедр отечественной истории по курсу историографии и сборники материалов для семинарских занятий⁷.

---

⁶ Источниковедение истории СССР: Учебник для ист. спец. ун-тов и пед. ин-тов / Под ред. И.Д. Ковальченко. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1981; Сборник документов для практических занятий по источниковедению истории СССР. Вып. 1. Эпоха феодализма: Учебное пособие / Под ред. И.Д. Ковальченко. М., 1980; Вып. 2. Период капитализма. М., 1980; Вып. 3. Эпоха социализма. М., 1982; Вып. 4. Эпоха социализма. М., 1987.

⁷ Методические рекомендации для практических занятий по курсу «История исторической науки в СССР» / Сост. Ю.А. Мошков, Н.Б. Селунская, А.Е. Шикло, М., 1985; Сборник материалов по истории исторической науки СССР (конец XIX — начало XX в.): Учебное пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности «История» / Сост. А.Е. Шикло; под ред. И.Д. Ковальченко. М., 1985; Сборник материалов по истории исторической науки в СССР (конец XVIII — первая треть XIX в.) / Сост. А.Е. Шикло; под ред. И.Д. Ковальченко. М., 1990.

По инициативе И.Д. Ковальченко в 1975 г. сначала для студентов кафедры источниковедения, а затем для всех студентов-историков МГУ был подготовлен новый лекционный курс «Количественные методы в исторических исследованиях», который Иван Дмитриевич читал ежегодно в течение двух десятков лет. Лекционный материал студенты закрепляли на практических занятиях. На кафедру были приглашены математики, участие которых в учебной и научной работе позволило активно использовать методы математико-статистического анализа для решения задач исторических исследований. В 1984 г. под редакцией И.Д. Ковальченко вышло учебное пособие «Количественные методы в исторических исследованиях», авторами которого были сотрудники кафедры и лаборатории по применению математических методов в исторических исследованиях Института истории СССР АН СССР. В 1970-е — 1990-е гг. в состав кафедры источниковедения входила группа по применению математических методов и ЭВМ в исторических исследованиях, получившая в 1995 г. статус учебно-научной лаборатории. В 2001 г. она была преобразована в общефакультетскую лабораторию исторической информатики, с 2004 г. — кафедру исторической информатики (руководитель Л.И. Бородкин).

И.Д. Ковальченко, понимая большое значение освоения методологических вопросов для подготовки профессиональных историков, разработал и начал читать студентам фундаментальный лекционный курс «Методологические проблемы исторических исследований». Многолетний опыт преподавания курсов количественных методов и методологических проблем на историческом факультете обобщен им в монографии «Методы исторического исследования» (М., 1987). Автор удостоен за этот труд Государственной премии СССР, а к 80-летию ученого издательством «Наука» книга переиздана в авторской редакции (М., 2003). Автору удалось раскрыть богатейший арсенал приемов, позволяющих историку преодолевать трудности восхождения к научной истине. Книга и сегодня востребована учеными и успешно выполняет функцию учебного пособия для студентов-историков.

Перестройка курсов источниковедения и историографии, введение в учебный план новых дисциплин повлекли за собой изменения в цикле вспомогательных исторических дисциплин, которые сотрудники кафедры преподавали студентам, специализировавшимся по всем кафедрам отечественной истории. Преподавание этих дисциплин имеет давние традиции в Московском университете.

Так, в 1982 г. было переиздано учебное пособие М.Н. Тихомирова и А.В. Муравьева «Русская палеогеография», курс палеогеографии был дополнен разделом о внешних особенностях и письме документов XIX–XX вв. Наряду с А.В. Муравьевым и Л.В. Миловым, существенный вклад в решение этой задачи внесли В.А. Плугин, Т.А. Круглова.

Значимым событием стало создание В.З. Дробижевским, И.Д. Ковальченко и А.В. Муравьевым учебного пособия «Историческая география СССР» (М., 1973), основное внимание в котором уделено проблемам взаимодействия человека и окружающей среды на различных этапах человеческой цивилизации. Накопленный опыт чтения курса и его дальнейшее совершенствование стали предметом обсуждения на Всесоюзном семинаре-совещании по преподаванию исторической географии в высшей школе (МГУ, 1974).

В 1970–1980-е гг. на кафедре источниковедения завершилось формирование курса «Архивоведение отечественной истории», основной его особенностью стали методические рекомендации по рациональному поиску в архивах необходимых исследователю сведений.

Для профессиональной подготовки студентов-источниковедов важными являлись и такие учебные дисциплины, как «Хронология и метрология» (А.В. Муравьев, затем В.А. Плугин) и «Археогеография» (Л.В. Милов, затем Л.Д. Дергачева и Т.А. Круглова).

В 1971 г. в составе кафедры источниковедения была создана археографическая группа (руководитель И.В. Поздеева) для изучения памятников древнерусской письменности и печати, проведения полевых исследований, археографической подготовки студентов и исследователей. В 1991 г. группа была преобразована в археографическую лабораторию, которая с 2002 г. получила статус межкафедальной.

В 1977 г. в связи с 225-летием Московского университета при кафедре источниковедения создается музейная группа. Ее руководителем был назначен А.В. Муравьев. Группа занималась подготовкой юбилейной выставки, которая экспонировалась в Государственном историческом музее. Собранные сотрудниками группы материалы вошли в состав фондов современного музея истории МГУ имени М.В. Ломоносова.

Одним из ведущих направлений научной работы кафедры источниковедения в 1970–1980-е гг. стало изучение массовых исторических источников XVIII–XX вв. К идее выделения класса массовых исторических источников И.Д. Ковальченко пришел, изучая проб-

лемы аграрной истории России XIX в. Наиболее фундаментальные результаты, полученные Иваном Дмитриевичем, изложены в трех монографиях, опубликованных в 1970–1980-е гг.⁸

Итогом более чем десятилетней научной работы кафедры источниковедения стала публикация в 1979 г. под редакцией И.Д. Ковальченко двухтомной коллективной монографии «Массовые источники по социально-экономической истории России периода капитализма» (Т. 1) и «Массовые источники по социально-экономической истории советского общества» (Т. 2)⁹. В этой монографии обобщены результаты 20 кандидатских диссертаций, подготовленных в МГУ и Институте истории СССР Академии наук, основную часть коллектива авторов составили сотрудники и выпускники кафедры.

Своего рода высшим «знаком качества» — свидетельством того, что ученый решил крупную научную проблему, является успешная защита диссертации на соискание ученой степени доктора наук. В конце 1980-х — 1990-е гг. в диссертационном совете при историческом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова были защищены 8 докторских диссертаций, подготовленных преподавателями и научными сотрудниками кафедры источниковедения. Их темы свидетельствуют о масштабности научных достижений кафедры: А.К. Соколов «Изменения в социальной структуре рабочего класса. 1917 — середины 1930-х гг. (источники и методы исследования)» (1986); А.Г. Голиков «Источниковедческие проблемы отражения в периодической печати процесса монополизации российской промышленности» (1992); Н.Б. Селунская «Социально-экономический

---

⁸ Всероссийский аграрный рынок. XVIII — начало XX века. Опыт количественного анализа. М., 1974 (совместно с Л.В. Миловым); Социально-экономический строй помещичьего хозяйства Европейской России в эпоху капитализма. Источники и методы изучения. М., 1982 (совместно с Н.Б. Селунской и Б.М. Литваковым); Социально-экономический строй крестьянского хозяйства Европейской России в эпоху капитализма. Источники и методы исследования. М., 1988 (совместно с Т.Л. Моисеенко и Н.Б. Селунской).

⁹ Массовые источники по социально-экономической истории России периода капитализма / Отв. ред. И.Д. Ковальченко; редколлегия: В.И. Бовыкин, С.В. Воронкова, В.З. Дробижев, Л.В. Милов, Ю.А. Мошков, А.К. Соколов (отв. секретарь); авторы: И.Д. Ковальченко, В.И. Бовыкин, С.В. Воронкова, А.Г. Голиков, Г.Р. Наумова, С.И. Антонова, С.Я. Алияров, Ю.И. Кирьянов, М.Г. Мейерович, Б.Г. Литвак, Н.А. Проскурякова, Л.В. Разумов, Н.Б. Селунская, Е.В. Дворецкий, Т.Ф. Измestьева. М., 1979; Массовые источники по социально-экономической истории советского общества / Отв. ред. И.Д. Ковальченко; редколлегия: В.И. Бовыкин, В.З. Дробижев, Л.В. Милов, Ю.А. Мошков, А.К. Соколов (отв. секретарь); авторы: А.И. Вдовин, В.З. Дробижев, Л.И. Васькина, А.К. Соколов, Е.И. Пивовар, А.А. Твердохлеб, Ю.А. Мошков, Э.С. Халимова, Ю.П. Бокарев, В.А. Козлов, Н.Г. Миняйло, В.А. Обожди, В.П. Пушков, Н.В. Ефременков, В.И. Звавич, И.Е. Зеленин. М., 1979.

строй помещичьего и крестьянского хозяйства Европейской России в начале XX в. (методы исследования)» (1992); С.В. Воронкова «Массовые источники по истории промышленности России конца XIX — начала XX в.» (1993); Л.И. Бородкин «Методы прикладной математики и информатики в исторических исследованиях» (1993); И.В. Поздеева «Роль Московского книгопечатания первой половины XVII в. в истории русской культуры (XVII–XX вв.)» (1993); В.А. Плугин «Андрей Рублев и духовная жизнь Руси конца XIV — первой трети XV в. (комплексное исследование изобразительных и письменных источников)» (1994); Г.Р. Наумова «Русская фабрика на этапе капиталистической индустриализации (источники и методы исследования)» (1998).

В 1990–2000-е гг. коллектив преподавателей сосредотачивается на подготовке новых учебных программ. В 2000 г. в серии «Труды исторического факультета МГУ» были опубликованы программы дисциплин специализации, изучение которых являлось обязательным для студентов факультета, обучающихся на кафедрах истории России до начала XIX века, истории России XIX века — начала XX века, истории России XX — начала XXI века, источниковедения, и было закреплено за кафедрой источниковедения¹⁰.

С.В. Воронкова и Т.А. Круглова, авторы программы курса «Источниковедение отечественной истории», учли опыт изданных в МГУ под редакцией И.Д. Ковальченко в 1980 и 1987 гг. программ. Они предварили рассмотрение конкретных видов письменных источников X–XX вв. разделом «Общие проблемы источниковедения», в котором говорилось о необходимости понимания специфики прошлого как объекта познания; об особенностях исторического источника как носителя социальной информации, о трактовках понятия об источнике в различных теориях исторического познания; о соотношении методологии источниковедения и методологии истории; об основных стадиях работы исследователя с источником; о принципах формирования источниковой базы исследования и их зависимости от методологической и мировоззренческой позиции историка.

Авторы программы «Отечественная историография истории России» Г.Р. Наумова и А.Е. Шикло рассмотрели предмет курса в контексте методических разработок, выполненных в 1970-е — начале 1990-х гг. на историческом факультете МГУ. Среди них: А.М. Сахаров

---

¹⁰ Программы дисциплин специализации по отечественной истории / Отв. ред. А.Г. Голиков (Труды исторического факультета МГУ. Вып. 14. Серия III. Instrumenta studiorum, 16). М., 2000.

«Историография истории СССР. Методические указания для студентов-заочников исторических факультетов» (1978); «Программа курса “Историография истории СССР”. Для государственных университетов» (1979); «Методические рекомендации для проведения практических занятий по курсу “История исторической науки в СССР”» (1985); «Программа дисциплины “Историография истории СССР”. Для государственных университетов» (1987); Шикло А.Е. «Методическая разработка к курсу “Историография российской истории” для студентов исторических факультетов» (1993). История исторической науки представлена ими через научные концепции как единый непрерывный процесс накопления исторических знаний с древнейших времен до современности.

В программе дисциплины «Архивоведение отечественной истории» ее автор А.Г. Голиков определил цель курса так: в рамках профессиональной подготовки историка дать студентам необходимые знания для ведения самостоятельной исследовательской работы в архивах. Для этого студенты должны получить целостное представление о процессе сохранения важнейших документов, в которых зафиксирована информация по отечественной истории X–XX вв., об организации архивного дела и системе архивов в Российской Федерации, методические рекомендации для рационального поиска в архивах информации по конкретной теме.

Автор программы курса «Историческая география СССР» А.В. Власов, в соответствии с традициями преподавания дисциплины, акцентировал внимание на проблемах исторической физической географии, исторической географии хозяйства, исторической географии населения, исторической политической географии, которые рассматривались в хронологических рамках до начала XVIII в.; XVIII — начала XX в.; XX в.

Основы концепции курса «Русская палеогеография» были представлены в подготовленной Т.А. Кругловой программе этой дисциплины, они были заложены основателем кафедры источниковедения М.Н. Тихомировым и его учениками. Практические занятия по этому курсу призваны раскрыть важную роль палеогеографии в источниковедческом изучении письменных исторических источников XI–XX вв.; знакомят с методиками датировки и атрибуции письменного материала, разработанными палеогеографией, филигранологией, кодикологией, эпиграфикой.

В 2000-е гг. в связи с переходом Московского университета на двухуровневую систему обучения студентов (бакалавриат — магистратура) были существенно изменены учебные планы истори-

ческого факультета. В соответствии с новыми образовательными стандартами потребовались срочная корректировка программ традиционных для кафедры дисциплин и написание программ курсов, которые ранее сотрудники кафедры не преподавали. По всем учебным курсам подготовлены авторские программы.

В учебный план бакалавриата по профилю «источниковедение» в дополнение курса «Источниковедение отечественной истории», в котором рассматриваются преимущественно письменные источники, введена дисциплина «Источниковедение изобразительных источников». На кафедре традиции их изучения были заложены в 1960–1970-е гг. Для магистрантов кафедры подготовлены новые курсы: «Источниковедение вещественных источников» и «Музееведение». Значительно расширился состав вспомогательных дисциплин, которые преподаются студентам бакалавриата и магистратуры кафедры источниковедения, часть из них — в качестве специальных (элективных) курсов. Традиционные для кафедры дисциплины «Архивоведение отечественной истории» и «Историческая география России» объединены в единый годовой учебный курс «Вспомогательные исторические дисциплины», что позволило начинать его преподавание с раздела «Система вспомогательных исторических дисциплин».

Преподаватели кафедры читают лекции и проводят практические занятия в бакалавриате по общему курсу «Количественные методы в исторических исследованиях» (Н.Б. Селунская, А.В. Карагодин, О.С. Петрова, А.Н. Левандовский), а также дисциплинам специализации: «Источниковедение истории России (Д.М. Володихин, Т.А. Круглова, А.Г. Голиков, Н.Г. Абрамова); «Историография истории России» (Г.Р. Наумова, Т.В. Агейчева); «Вспомогательные исторические дисциплины» («Система вспомогательных исторических дисциплин», «Архивоведение истории России», «Историческая география России») (Д.М. Володихин, Н.Г. Абрамова, О.С. Петрова); «Русская палеография» (Д.М. Володихин, Т.А. Круглова). Для специализирующихся по кафедре студентов бакалавриата читаются курсы: «Введение в источниковедение и историографию» (Т.А. Круглова); «Источниковедение изобразительных источников» (А.Г. Голиков); «Историческая хронология» (Т.А. Круглова).

Для всех интегрированных магистрантов читается общий курс «Методологические проблемы исторических исследований» (А.Г. Голиков); для внешних магистрантов — общий курс «Актуальные проблемы исторических исследований» (Н.Б. Селунская), для всех магистрантов — курс «Музееведение» (Т.В. Агейчева). Для магистрантов,

специализирующихся по программе кафедры, преподаются дисциплины: «Актуальные проблемы источниковедения истории России» (Т.А. Круглова, А.Г. Голиков); «Актуальные проблемы историографии истории России» (С.А. Байбаков); «Актуальные проблемы методологии истории» (Н.Б. Селунская); «Источниковедение вещественных источников» (В.В. Алексеев); «Археография» (Т.А. Круглова, Л.Д. Дергачева); «Историческая метрология» (Н.Г. Абрамова); «Историческая топонимика» (Н.Г. Абрамова); «Историческая картография России» (О.С. Петрова); «Русская генеалогия» (Г.Р. Наумова); «Русская нумизматика и бонистика» (Д.М. Володихин); «Произведения художественной литературы как исторический источник» (Т.В. Агейчева).

На протяжении нескольких десятков лет преподаватели кафедры совместно с сотрудниками Фундаментальной библиотеки МГУ проводят библиотечно-библиографическую практику (теперь ознакомительная) для всех студентов бакалавриата II курса дневного отделения и III курса вечернего отделения исторического факультета. Истоки этой практики находятся в курсе «Историческая библиография», который в свое время слушали первые студенты кафедры. Для студентов, специализирующихся по кафедре, проводятся также педагогическая, архивная и музейно-ознакомительная (теперь проектная), преддипломная практики.

Неотъемлемой частью учебного процесса на кафедре являются специальные семинары — традиционная форма организации совместной научной работы преподавателей, студентов и аспирантов в университете.

Преподаватели кафедры в короткие сроки подготовили и издали авторские учебные пособия в соответствии с новыми программами учебных дисциплин.

Первым таким изданием стало учебное пособие А.Г. Голикова и Т.А. Кругловой «Источниковедение отечественной истории»¹¹, опубликованное под грифом исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. Положения учения об информации применительно к проблемам источниковедения, изложенные И.Д. Ковальченко, авторы рассмотрели применительно к работе историка с основными видами письменных исторических источников X–XX вв. в рамках двух этапов их эволюции (X — первая половина XIX в. и вторая половина XIX–XX вв.). В 2007–2012 гг. переработанный и дополненный вариант этого пособия пятью изданиями напечатан Издательским

---

¹¹ Голиков А.Г., Круглова Т.А. Источниковедение отечественной истории / Под ред. А.Г. Голикова. М., 2000.

центром «Академия»¹², как дополнение в 2014 г. было опубликовано учебное пособие «Методика работы с историческими источниками» тех же авторов¹³. Книга знакомит читателей с особенностями фиксации информации в источниках, показаны методические приемы источниковедческого изучения для решения задач исторического исследования.

В 2003 г. было издано учебное пособие Н.Б. Селунской «Проблемы методологии истории» в серии «Труды исторического факультета МГУ»¹⁴, подготовленное в рамках международной образовательной программы CROSS, реализуемой историческим факультетом МГУ и Лейденским университетом (Нидерланды). Автором рассмотрены современные тенденции методологии истории и новые методологические подходы.

В 2008 г. Г.Р. Наумова и А.Е. Шикло опубликовали учебное пособие «Историография истории России», которое выдержало в 2008–2012 гг. четыре издания¹⁵. Авторы знакомят студентов с основными концепциями истории России, представленными в отечественной историографии, и раскрывают фундаментальное значение этой дисциплины в профессиональной подготовке и исследовательской практике историков. В 2017 г. Г.Р. Наумова издала авторский учебник «История исторической науки. Историография истории России»¹⁶.

Н.Г. Абрамова и Т.А. Круглова опубликовали в 2008 г. под названием «Вспомогательные исторические дисциплины»¹⁷ учебное пособие по следующим дисциплинам: русская палеография, историческая география, историческая хронология и историческая метрология. Специальный раздел посвящен истории изучения и

---

¹² Источниковедение отечественной истории: учебное пособие для студентов высших учебных заведений / А.Г. Голиков, Т.А. Круглова; под ред. А.Г. Голикова. М., 2007 (и последующие стереотипные издания).

¹³ Методика работы с историческими источниками: учебное пособие для студентов учреждений высшего профессионального образования / А.Г. Голиков, Т.А. Круглова; под ред. А.Г. Голикова. М., 2014 (серия Бакалавриат).

¹⁴ Селунская Н.Б. Проблемы методологии истории. Учебное пособие по курсу «Методологические проблемы исторических исследований» (Труды исторического факультета МГУ. Вып. 28. Серия III. Instrumenta studiorum, 10). М., 2003.

¹⁵ Историография истории России: учебное пособие для студентов высших учебных заведений / Г.Р. Наумова, А.Е. Шикло. М., 2008 (и последующие стереотипные издания).

¹⁶ Наумова Г.Р. История исторической науки. Историография истории России. Ч. 1–2: учебник для академического бакалавриата. М., 2017. Серия: Бакалавр. Академический курс.

¹⁷ Абрамова Н.Г., Круглова Т.А. Вспомогательные исторические дисциплины: учебное пособие для студентов высших учебных заведений. М., 2008 (переиздано Издательским центром «Академия» в 2011 г.).

преподавания вспомогательных исторических дисциплин в XVIII–XX вв.

Учебное пособие по дисциплине «Архивоведение отечественной истории», изданное А.Г. Голиковым под грифом исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова в 2005 г., было переиздано автором в 2008-м, а затем повторено дважды — в 2011 и 2012 гг.¹⁸

В 2014 г. увидело свет учебное пособие по курсу «Количественные методы в исторических исследованиях»¹⁹, подготовленное Н.Б. Селунской, О.С. Петровой и А.В. Карагодиным под общей редакцией Н.Б. Селунской. Продолжая традицию преподавания дисциплины, представленную в первом учебном пособии «Количественные методы в исторических исследованиях» (под редакцией И.Д. Ковальченко. М., 1984) и в учебном пособии «Методические рекомендации для проведения практических занятий по курсу «Количественные методы в исторических исследованиях» (Власов А.В., Петрова О.С., Селунская Н.Б. М., 2003), авторы раскрывают общие принципы и специфику применения количественных методов анализа в контексте решения источниковедческих и исторических задач изучения проблем социальной, экономической и политической истории России.

Работа по совершенствованию преподаваемых курсов и разработке новых курсов идет на кафедре постоянно. Так, многолетний опыт преподавания курса «Количественные методы» на историческом факультете показал, что необходимо серьезно переработать курс с учетом накопленного материала и в связи с современными тенденциями развития исторической науки. В 2018 г. появилось учебно-методическое пособие «Измерение прошлого»²⁰, в котором авторы рассказывают о современных дискуссиях в историческом сообществе о методологии истории в условиях «цифрового поворота», дают характеристику измерения как инструмента познавательной деятельности человека и методологического инструментария позна-

---

¹⁸ Голиков А.Г. Архивоведение отечественной истории. Учебное пособие (Труды исторического факультета МГУ / Под ред. С.П. Карпова. Серия III. Instrumenta studiorum, 13). М., 2005; Голиков А.Г. Архивоведение отечественной истории: учебное пособие для студентов высших учебных заведений. М., 2008 (и последующие стереотипные издания).

¹⁹ Количественные методы в исторических исследованиях: учебное пособие / Под ред. Н.Б. Селунской. М., 2014 (высшее образование. Бакалавриат). Первый вариант книги был опубликован историческим факультетом МГУ двумя годами ранее, учебное пособие было переиздано в том же издательстве в 2017 г.

²⁰ Селунская Н.Б., Петрова О.С., Карагодин А.В. Измерение прошлого. (Труды исторического факультета МГУ. Вып. 119. Сер. II: Instrumenta studiorum, 33). СПб., 2018.

ния прошлого. В книге содержатся визуальные презентации и также вспомогательные материалы, раскрывающие методики работы историков с различного рода историческими данными с применением количественных методов и компьютерных технологий.

В рамках проблематики научных исследований преподавателями и сотрудниками кафедры читаются специальные курсы, тематика которых постоянно обновляется. Среди нескольких десятков спецкурсов, которые были прочитаны студентам, специализирующимся по кафедре, только за последние годы: «Конституционная модернизация России и СССР в XX веке», «Современная концепция отечественной истории XX в.: различия в трактовках и дискуссии» (С.А. Байбаков); «Национальная политика Российской империи в зеркале нумизматики», «Воеводы Ивана III Великого в зеркале разрядных источников» (Д.М. Володихин); «Вожди и кумиры 1917 года», «Источниковедческие проблемы изучения отечественной периодической печати XIX — начала XX вв.» (А.Г. Голиков); «Презентистские подходы в отечественной исторической науке XX века», «От государственной службы к номенклатуре. Источники и методы изучения» (Г.Р. Наумова); «Коллективный портрет российской законодательной элиты в начале XX в. (источники и методы изучения)», «The birth of democratic culture in lateimperial Russia (methodological and historiographical aspects of the research)» (Н.Б. Селунская); «События и судьбы людей в прочтении современников: на рубеже XIX–XX вв. (историческое время в исторической памяти)» (Н.Б. Селунская, О.С. Петрова, А.В. Карагодин); «Русская топонимика: история развития, проблемы использования в исторических исследованиях» (Н.Г. Абрамова); «Делопроизводственные материалы второй половины XIX — начала XX в. как исторический источник: теория и исследовательские практики» (Н.Г. Абрамова, О.С. Петрова); «Литература и история (вопрос соотношения научного и художественного познания)» (Т.В. Агейчева); «История государственной символики России: источниковедческие аспекты», «Эволюция эмблематики и регалий российской государственности XV–XXI вв.: источниковедческий аспект» (В.В. Алексеев); «История древнерусской книжности XI–XVII вв.», «Русская рукописная книга: источниковедческие и археографические проблемы» (Т.А. Круглова); «Партизаны Великой Отечественной войны (современные аспекты изучения, новые источники)» (Ю.А. Мошков); «Научно-исторические сообщества России второй половины XIX — начала XX вв. (Источники и методы изучения)» (О.С. Петрова); «Освоение Южного берега Крыма как курорта в конце XIX — начале

XX вв.: источники, историография и методы изучения», «History of Late Imperial Russia in recent Western historiography: New Trends and Subjects»). (А.В. Карагодин); «Источниковедение отечественной периодической печати (столичные издания XVIII–XIX вв.)», «Личностный фактор в системе источниковедческого анализа периодической печати XVIII — начала XX в.» (Л.Д. Дергачева); «Студенчество исторического факультета Московского университета: источники и методы изучения», «Московский университет в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Источники и методы изучения» (Е.О. Высоцкая).

Преподаватели кафедры участвуют также в общеуниверситетском проекте — чтении лекций межфакультетских курсов. Популярностью у студентов многих факультетов университета неизменно пользуются лекционные курсы «История в зеркале политической карикатуры» (А.Г. Голиков)²¹, «Русская нумизматика X в. — 1917 г.» (Д.М. Володихин).

Сотрудники кафедры источниковедения много внимания уделяют сохранению традиций кафедры и передаче их новым поколениям историков. Кафедра проводит научные конференции, посвященные памяти наших коллег — выдающихся профессоров кафедры: И.Д. Ковальченко (1923–1995), В.И. Бовыкина (1927–1998), А.В. Муравьева (1924–1993), В.А. Плугина (1937–2003). Эти мероприятия являются одними из немногих конференций памяти ученых, которые проводятся историческим факультетом Московского университета на регулярной основе в течение многих лет. Кафедра источниковедения традиционно проводит мемориальные конференции совместно с Отделением историко-филологических наук РАН, центром «История России в XIX — начале XX в.» Института российской истории РАН и другими научными организациями. С программами всех конференций можно ознакомиться на сайте исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (<http://www.hist.msu.ru/research/conference/materials/>). Проведено уже шесть Ковальченковских чтений (1996, 1998, 2003, 2008, 2013, 2018 гг.) и шесть Бовыкинских чтений (1998, 2002, 2007, 2012, 2017, 2022 гг.), восемь научных чтений памяти А.В. Муравьева (1996, 1997, 1998, 2001, 2004, 2009, 2013, 2018 гг.), четыре — памяти В.А. Плугина (2007, 2012, 2017, 2022 гг.). Почти все материалы научных чтений изданы.

---

²¹ В рамках работы над проблемами источниковедения изобразительных источников была подготовлена монография А.Г. Голикова в соавторстве с И.С. Рыбачёнок «Смех — дело серьезное. Россия и мир на рубеже XIX–XX веков в политической карикатуре» (М., 2010).

Личный архив И.Д. Ковальченко был описан доцентом кафедры источниковедения Т.А. Кругловой и в настоящее время по воле его вдовы хранится в Архиве Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (Ф. 301. Оп. 1–4). Ученики В.И. Бовыкина разобрали архив историка и передали его на хранение в Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки (Ф. 891).

Наряду с организацией мемориальных конференций, кафедра источниковедения активно участвует в международных и всероссийских научных проектах, посвященных обсуждению актуальных проблем исторической науки. В их числе подготовленная совместно с кафедрой новой и новейшей истории исторического факультета международная научная конференция «Может ли история быть объективной?» (2011)²²; участие в организации и проведении круглого стола историков и архивистов «Роль архивов в формировании исторической базы историка и информационном обеспечении исторической науки» (2017) и научной конференции «Роль источников визуальной информации в информационном обеспечении исторической науки» (2019); участие во всероссийской научной конференции «Роль вещественных источников в информационном обеспечении исторической науки» (2020)²³. В последние годы возобновилась такая интересная и необходимая форма работы со студентами, как проведение студенческих научных конференций. Две такие конференции были проведены кафедрой совместно с Российским обществом интеллектуальной истории Института всеобщей истории РАН. В них приняли участие не только специализирующиеся по кафедре источниковедения студенты, но и аспиранты и студенты вузов Москвы и других городов России²⁴.

При кафедре на протяжении многих лет действовали два научных семинара: «Индустриализация в России (руководитель С.В. Воронкова) и «Традиции русской исторической мысли» (руководители

---

²² Может ли история быть объективной? Материалы международной научной конференции / Под ред. С.П. Карпова (Труды исторического факультета МГУ. Вып. 54. Серия Исторические исследования, 19). М., 2012.

²³ Материалы круглого стола и конференций изданы соответственно в сборниках: Роль архивов в информационном обеспечении исторической науки: сборник статей. М., 2017; Роль изобразительных источников в информационном обеспечении исторической науки: сборник статей. М., 2019; Роль вещественных источников в информационном обеспечении исторической науки: сборник статей. М., 2020.

²⁴ По материалам одной из студенческих конференций издан сборник «Биографический метод и эго-источники в исследованиях российской истории XVIII — начала XX в. (СПб., 2021).

А.Е. Шикло, Г.Р. Наумова), последний продолжает работу и сегодня. Их материалы опубликованы в серийных изданиях²⁵.

Определенным итогом работы кафедры за всё время ее существования стала вышедшая в 2019 г. коллективная монография «Кафедра источниковедения исторического факультета Московского университета»²⁶. Масштабное исследование по истории кафедры источниковедения издано впервые.

Книга состоит из трех разделов. Она включает общий очерк по истории кафедры, где впервые комплексно рассматриваются все стороны ее функционирования с момента создания, процесс становления и развития, сегодняшний день кафедры. Показана роль кафедры в развитии источниковедения и исторической науки, учебная и научная деятельность с середины XX в. до настоящего времени. Во втором разделе публикуются авторские мемориальные очерки о профессорах, преподавателях и сотрудниках кафедры, внесших значительный вклад в развитие исторической науки, и в частности источниковедения, историографии, методов исторического исследования, в функционирование кафедры источниковедения исторического факультета Московского университета. Среди них — основатель кафедры академик М.Н. Тихомиров; без малого 30 лет руководивший кафедрой академик И.Д. Ковальченко; профессор А.В. Муравьев; лауреат премии имени М.В. Ломоносова за педагогическую деятельность, профессор С.В. Воронкова; профессор В.А. Плугин; заслуженный преподаватель Московского университета, доцент А.Е. Шикло; а также специалист по УМР В.П. Палкина. Третий раздел характеризует повседневную жизнь кафедры, там представлены современный учебный план кафедры источниковедения, книжный и журнальный фонд ее библиотеки, рассказывается о том, как в разные годы проходили студенческие практики и как они проходят сегодня. Кроме того, в разделе дана краткая характеристика материалов по истории кафедры источниковедения, которые хранятся в Архиве МГУ; публикуются фотографии, документы, избранная библиография. В библиографический раздел включены работы о кафедре и ее сотрудниках, материалы мемориальных на-

---

²⁵ Результаты работы первого семинара опубликованы в Информационном бюллетене научного семинара «Индустриализация в России». Вышло 15 номеров. Издание материалов второго семинара продолжается. Сборник выходит под разными названиями: «Традиции русской исторической мысли. Историософия», «История мысли. Историография», «Традиции исторической мысли».

²⁶ Кафедра источниковедения исторического факультета Московского университета / Под ред. проф. А.Г. Голикова (Труды исторического факультета МГУ. Вып. 142. Сер. II: Исторические исследования, 85). СПб., 2019.

учных конференций и публикации о них, учебники, учебные и методические пособия, программы учебных курсов, коллективные монографии и научные издания, подготовленные сотрудниками кафедры. Публикуется избранная библиография трудов преподавателей и сотрудников кафедры, работающих в настоящее время, а также преподавателей и сотрудников, работавших в предшествующие годы. В персональные библиографические списки включены кандидатские и докторские диссертации, научные монографии, основные статьи по проблематике кафедры. В подготовке книги участвовали все сотрудники кафедрального коллектива — профессора и доценты, преподаватели и научные сотрудники, специалисты по учебно-методической работе.

В ближайших планах кафедры — проведение научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения академика И.Д. Ковальченко, которое будет отмечаться в ноябре 2023 г. Как и все предыдущие научные чтения памяти ученого, они будут организованы совместно с Отделением историко-филологических наук РАН.

Сегодня кафедра источниковедения исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова по-прежнему является одним из ведущих центров изучения источниковедения, историографии, методов исторического исследования и вспомогательных исторических дисциплин.

References

Abramova N.G., Kruglova T.A. *Vspomogatel'nyye istoricheskiye distsipliny: uchebnoye posobiye dlya studentov vysshikh uchebnykh zavedeniy* [Auxiliary Historical Disciplines: A Textbook for Students of Higher Education Institutions]. Moscow: Izdatel'skiy tsentr "Academia", 2008. 368 p.

Biograficheskiy metod i ego-istochniki v issledovaniyakh rossiyskoy istorii XVIII — nachala XX v. [Biographical Method and Ego Sources in the Study of Russian History from the 18th through the Early 20th Century] / Ed. by A.G. Golikov (*Trudy istoricheskogo fakul'teta MGU* [Proceedings of the Faculty of History of the Moscow State University]. Issue. 203. Series II: *Istoricheskiye issledovaniya* [Historical Studies], 134). Saint Petersburg: Aleteia, 2021. 201 p.

Drobizhev V.Z., Koval'chenko I.D., Murav'yev A.V. *Istoricheskaya geografiya SSSR: uchebnoye posobiye* [Historical Geography of the USSR: Textbook]. Moscow: Vysshaya shkola, 1973. 320 p.

Golikov A.G. *Arkhivovedeniye otechestvennoy istorii: uchebnoye posobiye* [Archivology of National History: Textbook] (*Trudy istoricheskogo fakul'teta MGU* [Proceedings of the Faculty of History of the Moscow State University]. Issue. 33. Series III: *Instrumenta studiorum*, 13). Moscow: Izdatel'stvo MGU, 2005. 188 p.

Golikov A.G. *Arkhivovedeniye otechestvennoy istorii: uchebnoye posobiye dlya studentov vysshikh uchebnykh zavedeniy* [Archivology of National History: A Textbook for

Students of Higher Educational Institutions]. Moscow: Izdatel'skiy tsentr "Academia", 2008. 176 p.

Golikov A.G., Kruglova T.A. *Istochnikovedeniye otechestvennoy istorii* [Source Study of National History] / Ed. by A.G. Golikov. Moscow: ROSSPEN, 2000. 439 p.

Golikov A.G., Kruglova T.A. *Istochnikovedeniye otechestvennoy istorii: uchebnoye posobiye dlya studentov vysshikh uchebnykh zavedeniy* [Source Study of National History: A Textbook for Students of Higher Educational Institutions] / Ed. by A.G. Golikov. Moscow: Izdatel'skiy tsentr "Academia", 2007. 464 p.

Golikov A.G., Kruglova T.A. *Metodika raboty s istoricheskimi istochnikami: uchebnoye posobiye dlya studentov uchrezhdeniy vysshego professional'nogo obrazovaniya* [Methods of Work with Historical Sources: A Textbook for Students of Higher Educational Institutions] / Ed. by A.G. Golikov. Moscow: Izdatel'skiy tsentr "Academia", 2014. 224 p.

Golikov A.G., Rybachenok I.S. *Smekh — delo ser'eznoye. Rossiya i mir na rubezhe XIX–XX vekov v politicheskoy karikature* [Laughter Is a Serious Matter. Russia and the World at the Turn of the 19th and 20th Centuries in Political Caricature]. Moscow: Institut rossiyskoy istorii RAN, 2010. 328 p.

Istochnikovedeniye istorii SSSR: uchebnik dlya istoricheskikh fakul'tetov universitetov i pedagogicheskikh institutov [The Source Study of the History of the USSR: A Textbook for History Departments at Universities and Pedagogical Institutes] / Ed. by I.D. Koval'chenko. Moscow: Vysshaya shkola, 1973. 559 p.

Istochnikovedeniye istorii SSSR: uchebnik dlya istoricheskikh spetsial'nostey universitetov i pedagogicheskikh institutov [The Source Study of the History of the USSR: A Textbook for History Departments at Universities and Pedagogical Institutes] / I.D. Koval'chenko, S.V. Voronkova, A.V. Murav'yev et al.; ed. by I.D. Koval'chenko. 2nd ed., revised and extended. Moscow: Vysshaya shkola, 1981. 496 p.

Kafedra istochnikovedeniya istoricheskogo fakul'teta Moskovskogo universiteta [Department of Source Studies at the Faculty of History of the Moscow University] / Ed. by A.G. Golikov (*Trudy istoricheskogo fakul'teta MGU* [Proceedings of the History Faculty of the Moscow State University]. Issue 142. Series II: *Istoricheskiye issledovaniya* [Historical Studies], 85). Saint Petersburg: Aleteia, 2019. 302 p.

Kolichestvennyye metody v istoricheskikh issledovaniyakh: uchebnoye posobiye dlya studentov istoricheskikh fakul'tetov vuzov [Quantitative Methods in Historical Studies: A Textbook for Students of History at Faculties of History of Higher Educational Institutions] / O.S. Petrova, N.B. Selunskaya, A.V. Karagodin; ed. by N.B. Selunskaya. Moscow: Istoricheskiy fakul'tet MGU, 2012. 327 p.

Kolichestvennyye metody v istoricheskikh issledovaniyakh: uchebnoye posobiye dlya studentov vysshikh uchebnykh zavedeniy, obuchayushchikhsya po napravleniyu "Istoriya" [Quantitative Methods in Historical Research: Textbook for Higher Education Students in History] / Ed. by N.B. Selunskaya. Moscow: Infra-M, 2014. 255 p.

Kolichestvennyye metody v istoricheskikh issledovaniyakh: uchebnoye posobiye dlya vuzov po spetsial'nosti "Istoriya" [Quantitative Methods in Historical Studies: A Textbook for Higher Educational Institutions' Program in History] / Ed. by I.D. Koval'chenko. Moscow: Vysshaya shkola, 1984. 384 p.

Koval'chenko I.D. *Metody istoricheskogo issledovaniya* [Methods of Historical Research]. Moscow: Nauka, 1987. 440 p.; 2nd ed., extended. Moscow: Nauka, 2003. 486 p.

Koval'chenko I.D. *M.N. Tikhomirov — osnovatel' i rukovoditel' kafedry istochnikovedeniya Moskovskogo universiteta* [M.N. Tikhomirov, Founder and Head of the

Department of Source Studies at the Moscow University] // *Arkheograficheskiy yezhegodnik za 1973 god*. Moscow: Nauka, 1974. P. 181–182.

Kovalchenko I.D., Litvakov B.M., Selunskaya N.B. *Sotsial'no-ekonomicheskiy stroypomeshchichyego khozyaystva Yevropeyskoy Rossii v epokhu kapitalizma. Istochniki i metody izucheniya* [Socio-Economic Structure of the Gentry Estates in European Russia in the Age of Capitalism. Sources and Methods of Research]. Moscow: Nauka, 1982. 264 p.

Kovalchenko I.D., Milov L.V. *Vserossiyskiy agrarnyy rynek. XVIII — nachalo XX veka. Opyt kolichestvennogo analiza* [All-Russian Agrarian Market. From the 18th through the Early 20th Century. A Quantitative Analysis]. Moscow: Nauka, 1974. 413 p.

Kovalchenko I.D., Moiseyenko T.L., Selunskaya N.B. *Sotsial'no-ekonomicheskiy stroypomeshchichyego khozyaystva Yevropeyskoy Rossii v epokhu kapitalizma. Istochniki i metody issledovaniya* [Socio-Economic Structure of the Peasant Economy in European Russia in the Age of Capitalism. Sources and Methods of Research]. Moscow: Izdatel'stvo MGU, 1988. 223 p.

Letopis' Moskovskogo universiteta [Chronicle of Moscow University]. In 3 vols. Vol. 1: 1755–1952. Moscow: Izdatel'stvo MGU, 2004. 622 p.

Massovyye istochniki po sotsial'no-ekonomicheskoy istorii Rossii perioda kapitalizma [Mass Sources on the Social and Economic History of Russia during Capitalism] / Ed. by I.D. Kovalchenko; editorial: V.I. Bovykin, S.V. Voronkova, V.Z. Drobizhev, L.V. Milov, Yu.A. Moshkov, A.K. Sokolov (executive secretary). Moscow: Nauka, 1979. 415 p.

Massovyye istochniki po sotsial'no-ekonomicheskoy istorii sovetskogo obshchestva [Mass Sources in Social and Economic History of the Soviet Society] / Ed. by I.D. Kovalchenko; editorial: V.I. Bovykin, V.Z. Drobizhev, L.V. Milov, Yu.A. Moshkov, A.K. Sokolov (executive secretary). Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 1979. 374 p.

Metodicheskaya razrabotka k kursu "Istoriografiya rossiyskoy istorii" dlya studentov istoricheskogo fakul'teta [Guidelines for the Course "The Historiography of Russian History" for Students of the Faculty of History] / Compiled by A.E. Shiklo. Moscow: Istoricheskiy fakul'tet MGU, 1993. 56 p.

Metodicheskiye rekomendatsii dlya provedeniya prakticheskikh zanyatiy po kursu "Istoriya istoricheskoy nauki v SSSR" [Guidelines for the Practical Training Course "History of Historical Science in the USSR"] / Compiled by Yu.A. Moshkov, N.B. Selunskaya, A.E. Shiklo. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 1985. 36 p.

Metodicheskiye rekomendatsii dlya provedeniya prakticheskikh zanyatiy po kursu "Kolichestvennyye metody v istoricheskikh issledovaniyakh": uchebnoye posobiye dlya studentov [Guidelines for Practical Lessons for the Course "Quantitative Methods in Historical Research": Manual for Students] / Compiled by A.V. Vlasov, O.S. Petrova, N.B. Selunskaya. Moscow: Istoricheskiy fakul'tet MGU, 2003. 44 p.

Moshkov Yu.A. *Zernovaya problema v gody sploshnoy kollektivizatsii sel'skogo khozyaystva SSSR (1929–1932 gg.)* [The Grain Problem in the Years of the Total Collectivization of Agriculture in the USSR (1929–1932)]. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 1966. 231 p.

Mozhet li istoriya byt' ob'yektivnoy? Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii [Can History Be Objective? Acta of the International Scientific Conference] / Ed. by S.P. Karpov (*Trudy istoricheskogo fakul'teta MGU* [Proceedings of the History Faculty of the Moscow State University]. Issue 54. Series II: *Istoricheskiye issledovaniya* [Historical Studies], 19). Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 2012. 222 p.

Murav'yev A.V. *Paleografiya: sbornik snimkov s russkogo pis'ma XI–XVIII vekov* [Paleography: A Collection of Images from Russian Writing from the 11th through the 18th Century]. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 1963. 57 p.

Murav'yev A.V. *Paleografiya: sbornik snimkov s russkogo pis'ma XI–XVIII vekov* [Paleography: A Collection of Images from Russian Writing from the 11th through the 18th Century]. Stereotyped reissue. Cheboksary: Izdatel'stvo Chuvashskogo universiteta, 2000. 59 p.

Murav'yev A.V. *Paleografiya: uchebno-metodicheskoye posobiye dlya studentov-zaochnikov istoricheskikh fakul'tetov gosudarstvennykh universitetov* [Paleography: Tutorial for Students of History Departments of State Universities]. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 1960. 40 p.; 2nd ed., stereotyped. 1967. 35 p.; 3rd ed., stereotyped. 1971. 104 p.; 4th ed., stereotyped. 1975. 105 p.

Naumova G.R. *Istoriya istoricheskoy nauki. Istoriografiya istorii Rossii: uchebnik dlya akademicheskogo bakalavriata* [History of Historical Studies. Historiography of Russian History: Textbook for Academic Bachelor's Degree]. In 2 parts. Moscow: Yurayt, 2017. Part 1. 237 p.; Part 2. 217 p.

Naumova G.R., Shiklo A.E. *Istoriografiya istorii Rossii: uchebnoye posobiye dlya studentov vysshikh uchebnykh zavedeniy* [Historiography of Russian History: Textbook for Students of Higher Education Institutions]. Moscow: Izdatel'skiy tsentr "Academia", 2008. 480 p.

Programma distsipliny "Istoriografiya istorii SSSR". Dlya gosudarstvennykh universitetov. Spetsial'nost' — istoriya [Program "Historiography of the History of the USSR". For State Universities. Specialization: History] / Ed. by I.D. Koval'chenko; editorial board: V.I. Durnovtsev, Yu.A. Moshkov, V.A. Murav'yev, A.E. Shiklo. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 1987. 32 p.

Programma kursa "Istochnikovedeniye istorii SSSR". Dlya gosudarstvennykh universitetov. Spetsial'nost' — istoriya [Program of the Course "The Source Study of the History of the USSR". For State Universities. Specialization: History] / Ed. by I.D. Koval'chenko; compiled by S.V. Voronkova, A.V. Murav'yev, I.D. Koval'chenko. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 1980. 22 p.

Programma kursa "Istoriografiya istorii SSSR". Dlya gosudarstvennykh universitetov. Spetsial'nost' — istoriya [Program of the Course "Historiography of the History of the USSR". For State Universities. Specialization: History] / Ed. by I.D. Koval'chenko. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 1979. 29 p.

Programmy distsiplin spetsializatsii po otechestvennoy istorii [Programs of Specialization in Russian History] / Ed. by A.G. Golikov (*Trudy istoricheskogo fakul'teta MGU* [Proceedings of the History Faculty of the Moscow State University]. Issue 14. Series III: *Instrumenta studiorum*, 6). Moscow: ZAO "Manufaktura", 2000. 144 p.

Rol' arkhivov v informatsionnom obespechenii istoricheskoy nauki: sbornik statey [The Role of Archives in Information Support for Historical Studies: A Collection of Articles] / Author and compiler E.A. Vorontsova; ed. by V.Yu. Afiani, Yu.A. Petrov. Moscow: Eterna, 2017. 1000 p.

Rol' izobrazitel'nykh istochnikov v informatsionnom obespechenii istoricheskoy nauki: sbornik statey [The Role of Image Sources in Information Support for Historical Studies: A Collection of Articles] / Author and compiler E.A. Vorontsova; ed. by A.G. Golikov. Moscow: [s. n.], 2019 1030 p.

Rol' veshchestvennykh istochnikov v informatsionnom obespechenii istoricheskoy nauki: sbornik statey [The Role of Physical Sources in Information Support for Histori-

cal Studies: A Collection of Articles] / Author and compiler E.A. Vorontsova; ed. by D.M. Bondarenko, D.N. Maslyuzhenko. Moscow: [s. n.], 2020. 702 p.

Sakharov A.M. *Istoriografiya istorii SSSR: metodicheskiye ukazaniya dlya studentov-zaochnikov istoricheskikh fakul'tetov gosudarstvennykh universitetov* [Historiography of the History of the USSR: Methodological Guidelines for Correspondence Course Students of History Departments of State Universities]. 5th ed., revised and extended. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 1978. 51 p.

Sbornik dokumentov dlya prakticheskikh zanyatiy po istochnikovedeniyu istorii SSSR: uchebnoye posobiye [Collection of Documents for Practical Lessons in Source Studies of the History of the USSR: Textbook] / Ed. by I.D. Koval'chenko. Issue 1. *Epokha feodalizma* [The Age of Feudalism]. Moscow: Vysshaya shkola, 1980. 272 p.; Issue 2. *Period kapitalizma* [The Period of Capitalism]. 1980. 280 p.; Issue 3. *Epokha sotsializma* [The Age of Socialism]. 1982. 272 p.; Issue 4. *Epokha sotsializma* [The Age of Socialism]. 1987. 336 p.

Sbornik materialov po istorii istoricheskoy nauki SSSR (konets XIX — nachalo XX v.): uchebnoye posobiye dlya studentov vuzov, obuchayushchikhsya po spetsial'nosti "Istoriya" [Collection of Material on the History of Historical Studies in the USSR (Late 19th and Early 20th Centuries): Textbook for Students in History] / Compiled by A.E. Shiklo; ed. by I.D. Koval'chenko. Moscow: Vysshaya shkola, 1985. 303 p.

Sbornik materialov po istorii istoricheskoy nauki v SSSR (konets XVIII — pervaya tret' XIX v.) [Collection of Material on the History of Historical Studies in the USSR (Late 18th and First Third of the 19th Century)] / Compiled by A.E. Shiklo; ed. by I.D. Koval'chenko. Moscow: Vysshaya shkola, 1990. 285 p.

Selunskaya N.B. *Problemy metodologii istorii: uchebnoye posobiye po kursu "Metodologicheskiye problemy istoricheskikh issledovaniy"* [Issues of the Methodology of History. Textbook for the Course "Methodological Problems of Historical Research"] (*Trudy istoricheskogo fakul'teta MGU* [Proceedings of the History Faculty of the Moscow State University]. Issue 28. Series III: *Instrumenta studiorum*, 10). Moscow: Istoricheskiy fakul'tet MGU, 2003. 121 p.

Selunskaya N.B., Petrova O.S., Karagodin A.V. *Izmereniye proshlogo* [Measuring the Past] (*Trudy istoricheskogo fakul'teta MGU* [Proceedings of the History Faculty of the Moscow State University]. Issue 119. Series III: *Instrumenta studiorum*, 33). Saint Petersburg: Aleteia, 2018. 242 p.

Tikhomirov M.N. *Istochnikovedeniye istorii SSSR s drevneyshikh vremen do kontsa XVIII v.* [Source Study of the History of the USSR from Ancient Times to the End of the 18th Century]. Vol. 1. Moscow: Ogiz, 1940. 256 p.

Tikhomirov M.N. *Istochnikovedeniye istorii SSSR: uchebnoye posobiye* [Source Studies of the History of the USSR: Textbook]. Issue 1. *S drevneyshikh vremen do kontsa XVIII v.* [From Ancient Times to the End of the 18th Century]. Moscow: Sotsekgiz, 1962. 495 p.

Tikhomirov M.N., Murav'yev A.V. *Russkaya paleografiya: uchebnoye posobiye dlya vuzov* [Russian Paleography: A Textbook for Higher Education Institutions]. Moscow: Vysshaya shkola, 1966. 288 p.; 2nd ed., extended. Moscow: Vysshaya shkola, 1982. 200 p.

Поступила в редакцию
12 июня 2022 г.

А.Е. Жданова

**ЖАН-ЛУИ ДЕВЕЛЬИ (1730–1804?) — МИГРИРУЮЩИЙ
ФРАНЦУЗСКИЙ МАСТЕР В РУССКОМ КУЛЬТУРНОМ
ПРОСТРАНСТВЕ XVIII в.**

A.E. Zhdanova

**JEAN-LOUIS DEVELLY (1730–1804?) — A MIGRATING
FRENCH MASTER IN THE EIGHTH CENTURY
RUSSIAN CULTURAL SPACE**

Аннотация. Тема статьи представляется частью более широкой проблемы, а именно — диалога культур, повсеместно и активно происходившего в европейском пространстве XVIII в. Рассматривается одна из сторон межкультурной коммуникации — взаимообмен художественными кадрами между странами. В данном явлении ключевую роль играл тип «странствующего», или «мигрирующего», мастера, сложившийся в указанную эпоху. С самого начала столетия активно распространяется практика приглашения к европейским монаршим дворам именно французских мастеров, художников, скульпторов и архитекторов. Французская традиция начинает активно воздействовать на формирование художественной политики многих европейских государств. Для понимания особенностей развития отечественного искусства XVIII в. важным становится установление и определение причин возникновения данного феномена и его бытования как в общеевропейском, так и в русском культурном пространстве. Внимание автора сосредочено по большей части на карьере одного из представителей рассматриваемого явления — Жана-Луи Девельи (1730–1804?), французского мастера, прибывшего в Россию около 1754 г. Посредством изучения творческих биографий мигрирующих мастеров, повлиявших на общую картину отечественного искусства во второй половине столетия, представляется возможным более полно осмыслить данное явление. Рассмотрение деятельности отдельных представителей французской художественной миграции позволяет нагляднее проследить процессы формирования в европейском искусстве указанного времени явления «мигрирующих мастеров» и выявить ключевые особенности их творчества. Можно говорить о формировании определенного «метода странствующе-

---

Жданова Анастасия Евгеньевна, научный сотрудник научно-хранительного отдела «Усадьба» Музея-усадьбы Кусково

Zhdanova Anastasia Evgenievna, Research Fellow, Research and Storage Department, The Kuskovo Memorial Estate

+ 7-905-520-26-47; kuzminanastasiia@yandex.ru

го живописца». Эта синтетическая художественная манера представляет собой сплав наследия национальной школы, в рамках которой воспитывался мастер, с художественными традициями посещаемых художником стран. В данном контексте фигура Ж.-Л. Девельи является весьма показательной. Общаясь с русскими заказчиками, учениками и сложившимися художниками, представителями отечественной художественной школы, французский мастер активно способствовал межкультурным контактам. Биография художника представляет интересный материал, позволяющий проследить основные пути взаимодействий художественных традиции России и Франции.

Ключевые слова: искусство XVIII в., европейские международные связи, руссика, русско-французские связи, мигрирующий мастер, иностранцы в России.

Abstract. The subject covered in the article is part of a broader issue, namely the dialogue of cultures that was a widespread and vibrant phenomenon in the 18th-century Europe. This is one of the aspects of intercultural communication — the interchange of artistic personnel between countries. The “itinerant” or “migratory” type of artist that emerged during this period played a pivotal role in this phenomenon. Since the turn of the century, the practice of inviting French masters, painters, sculptors and architects to European monarchs’ courts had been extensively cultivated. The French tradition begins to actively influence the formation of artistic policy in many European states. In order to understand the development of Russian art in the 18th century, it is important to identify and determine the reasons for the emergence of this phenomenon and for its existence in both the pan-European and Russian cultural space. The author focuses his attention mostly on the career of one of the representatives of the phenomenon in question — Jean-Louis Develly (1730–1804?), a French master who came to Russia about 1754. By studying creative biographies of migrant artists who influenced the general picture of Russian art in the second half of the century, we can gain a better understanding of this phenomenon. We can speak of the emergence of a particular “itinerant painter’s method”. This synthetic artistic method is a fusion of the heritage of the national school where the master grew up and the artistic traditions of the countries he visited. In this context, the figure of J.-L. Develly is very significant. Communicating with Russian clients, pupils and established artists, representatives of the national art school, the French master actively promoted intercultural contacts. The artist’s biography provides interesting material that allows us to trace the main ways of interaction between artistic traditions of Russia and France.

Keywords: eighteenth-century art, European international relations, Rossica, Russian-French relations, migrating master, foreigners in Russia.

* * *

В течение XVIII столетия в европейских странах распространяется практика приглашения иностранных мастеров. Согласно традиции, сложившейся в отечественной историографии, пред-

ставителей россики, перемещающихся между монаршими дворами Европы, принято называть «мигрирующими», «странствующими» или «заезжими» мастерами¹. Примечательно, что впервые данный термин появляется в рамках культуры Нового времени. Так, известно, что А.Н. Оленин, президент Академии художеств с 1817 по 1843 г., рассуждая о творчестве живописца Е.М. Корнеева, отмечал, что тот «приобрел большой навык в упражнениях и занятиях, какие свойственный *странствующему* художнику»². Таким образом, интересующий нас феномен осмыслялся и анализировался с начала XIX столетия. В этом контексте особенно важным кажется рассмотрение данного явления, его основных форм и характеристик. В полной мере проанализировать феномен мигрирующих мастеров представляется возможным посредством изучения деятельности и жизненного пути отдельных творческих личностей.

Среди многих работавших в России в XVIII столетии французских мастеров, таких как Л. Каравак, Л. Токке или Ж.-Б. Лепренс, Ж.-Л. Девельи выделяется в том числе и недостаточной изученностью. Рассмотрение его творческого пути в широком культурно-историческом контексте дает возможность на конкретном примере выявить основные стороны взаимодействия европейской художественной традиции с русской культурой в XVIII в. посредством мигрирующих мастеров. Фигура Ж.-Л. Девельи сыграла возможно и небольшую, но определенно важную роль для русской художественной жизни середины — второй половины XVIII в. Однако в истории отечественного искусствознания ему было уделено сравнительно мало внимания. Биография мастера изучена плохо, и до сегодняшнего дня основная информация о нем по большей части сводится к кратким заметкам в каталогах музейных собраний, художественных словарях и упоминаниям в обзорных работах, посвященным общим проблемам искусства XVIII столетия.

Известно, что французский мастер приезжает в Россию около 1754 г. Именно с середины XVIII в. в отечественной культурной

---

¹ См.: *Евсеева Е.Д.* «Пробудет недолго...». Заезжие художники первой трети XIX века: комментарии на полях каталога миниатюр Государственной Третьяковской галереи // Третьяковские чтения. 2016: материалы отчетной научной конференции / Ред. Л.И. Иовлева, Т.В. Юденкова. М., 2017. С. 39–60; *Карпова Т.Л.* Иоганн-Баптист Лампи-Старший. Тип странствующего художника-универсала // XVIII век: Ассамблея искусств: Взаимодействие искусств в русской культуре XVIII века: Сб. статей. М., 2000. С. 143–153; *Агратина Е.Е.* Театральный декоратор Джузеппе Валериани и его время. Александр Рослин в европейской и русской художественной среде XVIII века. Из истории русско-европейских художественных связей. М., 2019. С. 485–486.

² Цит. по: *Усачева С.В.* В поисках природы: очерки истории русской пейзажной живописи эпохи классицизма. М., 2021. С. 129.

среде растет число представителей французской художественной школы, которое достигнет наибольших масштабов к концу 1750-х гг. В XVIII в. французская школа воспринималась как образец, служащий формированию художественной политики других стран. Именно Франция становится родиной универсальной культурной модели, повсеместно утвердившейся в европейском пространстве. Французская “grand manière”, сформированная еще в XVII в. при дворе Людовика XIV, закладывает основы для сложения и распространения интернациональной придворной культуры по всему европейскому пространству. На протяжении века Просвещения престиж Франции укрепляется как в политическом, так и художественном плане. Еще с конца XVII столетия европейских правителей начинает привлекать образец искусства, выражающего идеалы абсолютизма во всем его блеске и величии. Стремление его повторить способствует активному приглашению французских мастеров³.

К моменту приезда Ж.-Л. Девельи в Россию, в эпоху правления императрицы Елизаветы Петровны, начинается новый этап русско-французских отношений. Смене внешнеполитического курса активно способствует деятельность канцлера Российской империи графа М.И. Воронцова. Большую роль в этом процессе играет и фаворит императрицы И.И. Шувалов, известный франкофил, куратор Московского университета и основатель Императорской Академии художеств. В результате активной деятельности этих придворных формируется база для плодотворного русско-французского культурного взаимодействия. По приглашению Воронцова в 1756 г. в Санкт-Петербург приезжает придворный французский живописец Л. Токке. В том же году королевский архитектор Ж.-Ф. Блондель, уже по заказу Шувалова, присылает свой проект здания Академии художеств. К 1758 г. в Санкт-Петербурге обосновывается целая плеяда французских художников. Среди них — первые профессора открывшейся Академии: архитектор Ж.-Б. Валлен-Деламот, скульптор Н.-Ф. Жилле, художники Л.-Ж. Ле Лоррен и Ж.-М. Моро Младший. В их числе был и Ж.-Л. Девельи.

Биографические сведения о художнике отрывочны и неточны. О происхождении Девельи, его жизни и творчестве до приезда в Россию почти ничего не известно. Это характерно для многих

---

³ Приведем несколько примеров в этом ряду. Живописец Жак д'Агар (1640–1715) становится придворным портретистом короля Дании Кристиана V, архитектор Даниэль Маро (1661–1752) проектирует для Вильгельма Оранского интерьеры нидерландского дворца Хет Лоо. Скульптор Клод Ламурё (1650–1699) исполняет конную статую короля Кристиана V для Копенгагена.

мигрирующих французских живописцев второго ряда. Подобно, к примеру, Н.-Б. Деласьеру, другому мастеру, работавшему в России в середине XVIII в., творческое наследие Девельи на родине не сохранилось или до сих пор не было изучено. Не подтверждены сведения ни о его пребывании, ни о творчестве в Англии и Голландии, приводимые в «Записках» Я. Штелина⁴. Данные о приезде художника в Россию также требуют уточнений. Важным источником для нас является письмо Девельи, датированное сентябрем 1778 г.⁵ Художник в нем пишет о своей двадцатидвухлетней службе при русском дворе, от которой он уже два года как получил увольнение. Можно сделать вывод, что Девельи находился в России с 1754, а с государственной службы был уволен в 1776 г. Стоит отметить, что периоды пребывания мигрирующих мастеров в России весьма разнообразны по продолжительности — от кратковременных, для исполнения определенного заказа, до более длительных, а порой и пожизненных иммиграций. Традиционно придворные живописцы, связанные с парижской Академией, желая уехать из Франции в другую страну, были обязаны подавать специальные прошения. Покинуть родину они могли лишь после официального разрешения, в котором оговаривались сроки и цели отъезда. Среди прочих известны документы о поездке в Россию Л. Токке сроком на 18 месяцев с целью написания портрета императрицы Елизаветы Петровны или же Л.-Ж. Ле Лоррена на три года, уезжающего для работы в петербургской Академии художеств⁶. Отсутствие же среди известных документов разрешения на отъезд Ж.-Л. Девельи может свидетельствовать о том, что на родине художник не имел отношения ни к придворной службе, ни к парижской Академии.

В обозначенный период среди всех приезжающих в Россию мастеров выделяются две основные группы. Первая представлена большими художниками, такими как портретист Л. Токке или скульптор Э. Фальконе. Уже обретшие славу и престиж, они охотно приглашались на службу европейскими придворными. Другая группа представляет мастеров второго ряда, к которым, судя по всему, мы можем отнести Девельи и Деласьера. Более ранним примером здесь являет-

---

⁴ Записки Якоба Штелина об изящных искусствах в России / Сост., пер. с нем., вступ. статья, предисл. к разделам и примеч. К.А. Малиновского: В 2-х т. Т. 1. М., 1990. С. 79.

⁵ См.: *Алексеева Т.В.* Некоторые проблемы изучения русского искусства XVIII в. // Русское искусство XVIII века. Материалы и исследования / Под ред. Т.В. Алексеевой. М., 1973. С. 12.

⁶ *Nouvelles archives de l'art français recueil de documents inédits / Publiés par la Société de l'histoire de l'art français.* Paris, 1878. P. 31–34.

ся персоне придворного художника Л. Каравака. Не востребованные у себя на родине по причине сильной конкуренции, не состоящие на официальной государственной службе, эти свободные художники в поисках заказчиков отправляются за границу. Там, как правило, они пользуются достаточным успехом и приобретают определенную популярность в знатных кругах. Ценят их не столько за особые таланты, как в случае с мастерами первой группы, но благодаря их происхождению и образованию. Они рассматриваются как носители престижной национальной традиции, владеющие правилами французского художественного языка.

В XVIII в. мигрирующие французские мастера являлись для русской публики прежде всего представителями некоей образцовой художественной культуры. Благодаря пониманию подобной специфики предпочтений заказчика многие из приезжающих выступали профессионалами весьма широкого профиля. Так, в контракте живописца Л. Каравака указывалось, что тот обязывался работать «в живописи на масле для гисторических картин, портретов, лесов, деревень, баталий, цветов, зверей и, как в больших, так и в малых размеров, также и в самой малой суптельной живописи...»⁷. Ж.-Л. Девельи, в свою очередь, за время работы в России успел показать себя в разных видах изобразительного искусства — станковой картине, монументальной живописи, графике. По данным Я. Штелина, француз, подобно другому своему соотечественнику и современнику Ж.-Ф. де Самсуа, работал в России и как миниатюрист, показавший себя в «нежных и похожих миниатюрах»⁸. Однако об этой стороне его творчества на сегодняшний день ничего не известно.

Первые документальные свидетельства о деятельности Девельи в России относятся к его монументально-декоративной работе и датируются 1756 г.⁹ Несохранившийся плафон в Китайском зале Екатерининского дворца в Царском Селе изображал сцену «Въезд китайского императора». Примечательно, что одновременно с Девельи над украшением дворца трудились и другие иностранные мастера, в их числе итальянский мастер Франческо Градиции, расписывавший Картинный зал и третью Антикамеру дворца¹⁰. Нами было обнаружено большое количество документов конторы строений Царского Села, подробно фиксирующих работу над оформлением дворца. С их

---

⁷ Цит. по: Мюллер А.П. Быт иностранных художников в России. Ленинград, 1927. С. 34.

⁸ Записки Якоба Штелина об изящных искусствах в России... С. 79.

⁹ РГИА. Ф. 487 Оп. 17. Д. 1128. Л. 7–10.

¹⁰ Там же. Л. 11–13

помощью удалось установить точный период создания Девельи плафона: ноябрь 1756 — декабрь 1758 г.¹¹

Позже Девельи будет привлечен, среди других приезжих мастеров, к росписям интерьеров строящегося по проекту Ф.Б. Растрелли Зимнего дворца. В качестве мастера монументальной живописи здесь работал и другой представитель французской школы, будущий мастер «костюмного» жанра, Ж.-Б. Лепренс, исполнивший плафон и ряд десюдепортов¹². Известно, что в октябре 1760 г. Девельи было поручено сделать эскиз одного из плафонов строящейся резиденции. По сведениям А.И. Успенского, Девельи написал плафон «в наугольный покой от Луговой стороны близ опочивальни Ея Императорского Величества»¹³. Однако эта работа мастера также не дошла до наших дней.

Следующий этап деятельности Девельи связан с преподаванием в Академии художеств. Точно известна дата начала его работы — 1759 г. Согласно сохранившемуся тексту контракта, с 1 апреля французский мастер приступал к должности и обязался «обучать рисовать и всему тому, что принадлежит к сему художеству»¹⁴. В том же году совместно со скульптором Н.-Ф. Жилле живописец организует класс рисования с гипсов. А в 1760 г. по их инициативе для учеников, делающих заметные успехи, создается класс рисунка с натуры¹⁵. В научный оборот до сих пор не введены два рисунка авторства Девельи, изображающие учебные постановки¹⁶. Созданы они были в 1760 г., в первый год существования класса.

Педагогическая деятельность Девельи отражает важный аспект, касающийся работавших в России французских мастеров. С самого начала XVIII в. определяется та ниша, которую суждено было занять французской художественной колонии в русской культуре, — профессиональное образование. Еще в петровское время в контрактах приезжающих мастеров отдельно обозначался пункт, касающийся преподавания. Так, в контракте Л. Каравака оговаривалось, что тот обязуется «взять в свою службу тех людей русско-

¹¹ РГИА. Ф. 487 Оп. 17. Д. 1128; Оп. 12. 1756 г. Д. 26; Оп. 12. 1757 г. Д. 192, д. 73, д. 129; Оп. 12. 1758 г. Д. 73, д. 53; Оп. 12. 1758 г. Д. 192.

¹² *Pierre-Dulau M.-L. Trois artistes lorrains à Saint-Pétersbourg au XVIIIe siècle // L'influence française en Russie au XVIIIe siècle. Paris, 2004. P. 133.*

¹³ *Успенский А.И. Материалы для описания Зимнего дворца // Художественные сокровища России. Т. 6. № 8–12. СПб., 1906. С.137.*

¹⁴ РГИА. Ф. 789 Оп. 1, ч. 1. Д. 6. Полный текст контракта см.: *Молева Н.М., Белютин Э.М. Педагогическая система Академии художеств XVIII в. М., 1956. С. 347.*

¹⁵ *Петров П.Н. Сборник материалов для истории С.-Петербургской Академии художеств за сто лет ее существования. СПб., 1864. Ч. 1. С. 2–8.*

¹⁶ ГЭ, инв. 14642, 14643.

го народу, которых его величество изволит ему дать для научения и обучения во всем, что касается до живописного художества»¹⁷. В дальнейшем французская Академия во многом способствовала становлению российского художественного образования. Как уже было отмечено, в качестве первых преподавателей в Россию приезжает плеяда французских мастеров. В разрешениях на отъезд из Франции Л.-Ж. Ле Лоррена, Л. Лагрена и Н.-Ф. Жилле обозначается цель их поездки: «содействовать своим вниманием и талантами организации Академии в Санкт-Петербурге»¹⁸. Приезд мастеров-преподавателей способствовал изменению качественной составляющей французских экспатов в России. Так, Л. Рео характеризует образовавшуюся в середине века общину французских художников как «колонию профессоров»¹⁹, подчеркивая тем самым, что в отличие от приезжих-ремесленников первой половины XVIII в., в Санкт-Петербурге обосновались профессиональные художники высокого европейского уровня.

Один из пунктов договора Ж.-Л. Девельи гласил, что живописец обязуется «оставить картину по своему вкусу и выбору своей работы в знак своего искусства». Согласно распространенной практике, мастера, предлагающие свои услуги двору, должны были предоставить доказательства своего мастерства. Многие приезжали в Петербург с уже готовыми работами. В их ряду можно назвать, к примеру, П. Ротари или Л. Лагрена. О последнем Я. Штелин писал: «... он привез сюда значительно больше своих картин, написанных во Франции, чем создал здесь»²⁰. Однако некоторые приезжающие мастера, в числе которых Ж.-Б. Лепренс и Ж.-Л. Девельи, исполняли «показательные» работы по прибытии в северную столицу. Если для Лепренса подобным доказательством мастерства послужили монументально-декоративные работы в Зимнем дворце, то для Девельи эту роль сыграла первая работа, созданная им в России, — портрет И.И. Шувалова (1755–1757 гг.)²¹. Данный портрет должен был служить образцом его творчества для поступления на государственную службу.

В разное время исследователи приписывали авторство Девельи нескольким живописным полотнам. На сегодняшний день многие

---

¹⁷ Цит. по: Успенский А.И. Словарь художников в XVIII веке, писавших в Императорских Дворцах. М., 1913. С. 95.

¹⁸ *Nouvelles archives de l'art français: recueil de documents inédits...* P. 31–34.

¹⁹ Réau L. Histoire de l'expansion de l'art français moderne. Le monde slave et l'Orient. Paris, 1924. P. 144.

²⁰ Записки Якоба Штелина об изящных искусствах в России... С. 77.

²¹ ГРМ, Ж-3924.

атрибуции были изменены, некоторые до сих пор требуют уточнений. Только три портрета можно без сомнения считать работами французского мастера. Помимо уже названного парадного изображения И.И. Шувалова, к его работам относится исполненный в 1759 г. портрет Я. фон Штелина²². Долгое время считалось, что изображенный на портрете мужчина является известным придворным деятелем, руководителем художественного департамента Императорской Академии наук Я. Штелиным²³. Однако М.А. Алексеева выяснила, что изображенный — его тёзка: «Жак (или Яков) Штеллинг ... родился в 1700 году в Гамбурге, 23 лет приехал в Петербург, занимался коммерцией и играл значительную роль в делах евангельской общины, церкви Св. Петра и школы, существовавшей при церкви»²⁴. К этому периоду творчества Девельи, началу 1760-х гг., относится и единственная известная нам подписная работа, до сих пор вызывающая у исследователей ряд вопросов. Данное полотно известно под двумя названиями: «Автопортрет» или же «Портрет П. Ротари»²⁵.

Стоит отметить, что именно портретный жанр стал главенствующим в творчестве Девельи. В «Записках» Я. Штелина упоминается о многочисленных портретах, которые исполнял в России французский мастер²⁶. В целом, среди мигрирующих мастеров — представителей разных видов искусства ведущее место занимают живописцы, причем чаще всего именно портретисты. Данный факт без сомнения связан с особым положением портрета в художественном обиходе XVIII в. Основной задачей приезжих мастеров-портретистов стала именно «европеизация» русской модели, подгонка ее под модный, «французский лад». Показательным примером здесь является творчество Л. Токке. Заказчики этого мигрирующего между европейскими дворами художника хотели заполучить свое изображение, исполненное по французскому образцу, воспринимаемому ими как эталон. Именно по этой причине Токке в своих работах повторяет некие уже выработанные схемы. Оставляя почти без изменений позы и жесты моделей, художник мастерски передает индивиду-

---

²² ГЭ, ЭРЖ-2470.

²³ Именно с этой атрибуцией портрет до сих пор значится в Государственном Эрмитаже. См.: *Поморнацкий А.В.* Пополнение коллекции за 20 лет // *Сообщения ГЭ.* Вып. 3. Ленинград, 1962.

²⁴ *Алексеева М.А.* Художник Жан-Луи Девельи (1730–1804) // *Вопросы теории и истории русского искусства второй половины XVIII века.* Сб. научных трудов / Сост. и науч. ред. Е.Б. Мозговая. СПб., 1997. С. 25.

²⁵ Автопортрет. 1756(?). ГЭ, инв. 1130.

²⁶ *Записки Якоба Штелина об изящных искусствах в России...* С. 79.

альные черты лиц изображенных²⁷. Подобное повторение единообразных портретных формул отличает, к примеру, и творчество Э. Виже-Лебрен, работавшей в России с 1795 по 1801 г. Иностранная модель, безотносительно ее национальной принадлежности, помещается в уже сложившуюся схему портрета, апробированную при французском дворе. Подобные принятые формулы — парадного портрета придворного, интимного автопортрета или же кабинетного — демонстрируют и известные нам работы кисти Девельи. «Все эти портреты говорят если не о большом мастерстве и ловкости, то об умении передавать характерные особенности не только каждого человека в отдельности, но, главным образом, тип светского любезника Елизаветинского двора», — точно оценивает эту сторону творчества мастера Н.Н. Врангель²⁸.

В декабре 1760 г. Девельи прекращает свою деятельность в Академии. С началом нового царствования, в сентябре 1762 г. он зачисляется на службу в Кабинет Е.И.В. в ведомство Г.Г. Орлова, заключив контракт на работу над Коронационным альбомом императрицы Екатерины II²⁹. Специальные издания для документации церемоний создавались по образцу европейских коронационных альбомов.

Они представляют собой крупноформатные книги, содержащие подробное описание коронационного церемониала. Обычай делать коронационные альбомы, проиллюстрированные гравюрами, берет свое начало с правления Анны Иоанновны. Следующее подобное издание — Коронационный альбом императрицы Елизаветы Петровны. Иллюстративный ряд данных изданий выполнялся мастерами Академии наук. Известно, что 22 сентября 1762 г. Девельи присутствует на коронации Екатерины II в Успенском соборе. Контракт с ним заключается 11 февраля 1763 г. Живописец обязывался «сделать рисунки коронации ... по предложенному от него плану». Также в договоре оговаривается, что с 1 сентября 1762 г. Девельи числится придворным художником. В помощники ему определяется «академический рисовальщик» М.И. Махаев. Есть сведения, что в команде, возглавляемой Девельи, состояли также актер Ф. Волков и живописец А. Антропов³⁰. Известно, что совместная работа в Москве Девельи и Махаева ведется с весны 1763 г. Позже оба мастера

---

²⁷ Doria A. Louis Tocqué: biographie et catalogues critiques. Paris, 1929. P. 35–37.

²⁸ Врангель Н.Н. Иностранные художники XVIII века в России // Старые годы. 1911. Июль–сентябрь. С. 12.

²⁹ Текст контракта см.: Вейнберг А.Л. Чемесов и де Велли. К истории создания гравированного портрета Е.П. Чемесова // Русское искусство XVIII в. / Под. ред. Т.В. Алексеевой. М., 1968. С. 193.

³⁰ Сидоров А.А. Рисунок старых русских мастеров. М., 1956. С. 126–127.

переезжают в Петербург, где продолжают работу над рисунками. Об этом свидетельствует в том числе сохранившийся указ от 19 августа 1763 г. «об отпуске из Академии живописцу Девили разной бумаги и карандашей на счет Кабинета е.в.»³¹.

В контексте рассмотрения феномена мигрирующих мастеров и их влияния на отечественную художественную культуру важным является вопрос о взаимодействии представителей иностранных и русской школ. Яркий пример в этом ряду — сотрудничество Девельи и Махаева. Некоторые аспекты совместной работы художников описываются в аттестате от 1 августа 1767 г., подписанном Девельи. На момент составления документа, к концу 1760-х гг., все виды «с полными церемониалами» им «уже нарисованы, также и другие нужные знатные из тамошних мест виды»³². Французский мастер описывает обязанности своего помощника: он «снял проспекты... то есть соборы со внутренними изображениями, Дворы и Триумфальные ворота...»³³. Таким образом, в рамках одного художественного произведения два автора разделяли свои обязанности. Перспективный мастер Махаев создавал архитектурные и пейзажные задники для основного действия, героев которого изображал Девельи.

Интересно, что на создании коронационных рисунков совместная работа не закончилась. В 1766 г. Девельи и Махаеву поручают другое задание: запечатлеть организованный перед Зимним дворцом грандиозный праздник состязания наездников — «Карусель» — в специально построенном для этого действия деревянном амфитеатре. Известно указание распорядителя мероприятия, князя П.И. Репнина: «Для снятия состоящего против Зимнего Ея Императорского Величества Каменного Дворца Амфитеатра плана потребен перспективой мастер Махаев. Того ради реченная Канцелярия благоволит оногo мастера прислать к Живописному мастеру Девиле немедленно»³⁴. В отчете о проделанной работе в 1768 г. Махаев пишет: «... снимал разнovidные возвышения Карруселя на проспекты ж со внутренними уборными видами и с около Стоящим Зимним Домом и другими строениями. Начерно и начисто нарисовавши, отдал придворному живописцу Г. Девеллию...»³⁵. Однако о судьбе рисунков «Карусели» ничего не известно.

---

³¹ РГИА. Ф. 789. Оп. 1, ч. 1. Д. 68.

³² *Алексеева М.А.* Документы о творчестве М.И. Махаева // Русское искусство XVIII — первой половины XIX века / Под ред. Т.В. Алексеевой. М., 1971. С. 265.

³³ Там же. С. 265.

³⁴ Цит. по: *Алексеева М.А.* Михайло Махаев — мастер видового рисунка XVIII века. СПб., 2003.

³⁵ Цит. по: *Алексеева М.А.* Документы о творчестве М.И. Махаева... С. 264.

Работу над коронационным альбомом Девельи совмещал с исполнением частных заказов. Параллельно с сотрудничеством с Махаевым у Девельи начинается пора другого, не менее плодотворного творческого взаимодействия — с гравёром Е.П. Чемесовым. В творчестве последнего большую роль играло исполнение гравюр по оригиналам мастеров россики. В этом ряду следует вспомнить не менее плодотворное сотрудничество Чемесова с П. Ротари. Однако примечательно, что в случае с итальянским мастером гравёр работал по живописным оригиналам, тогда как в работе с Девельи образцом для гравюр служили графические, вероятно, специально созданные с этой целью портреты. Так, в период с 1760-х по 1780-е гг. французским художником было создано шесть графических портретов. Первые из дошедших до нас гравюрных оттисков с них датируются второй половиной 1760-х гг. Изучив биографии двух мастеров, можно сделать вывод, что их знакомство состоялось гораздо раньше. В конце 1750-х гг. обоим художникам покровительствовал И.И. Шувалов. Они могли познакомиться в его доме на Итальянской улице или же в стенах Академии художеств, где Чемесов учился, а Девельи преподавал с 1759 г. Итогом совместной работы стала серия из трех портретов: графа Г.Г. Орлова, фельдмаршала Б.Х. Миниха и автопортрета Е.П. Чемесова. Последний, вероятно, появился как результат дружбы художников. Свидетельство этому — надпись, расположенная на раме: «Е. Чемесовъ, вырезанъ имъ самимъ; а рисованъ его приятелем г. Девеллием». Этот автопортрет, являющийся одним из первых в отечественной художественной культуре, без сомнения возник под влиянием французского мастера. Несмотря на композиционные отличия, живописный автопортрет Девельи и графический Чемесова принадлежат к единой традиции, имеющей корни в европейском художественном наследии. Французский мастер в данном случае выступает для русского гравёра «проводником» к образному художественному языку Европы, знакомя его с жанром автопортрета, служащим для выражения творческого самосознания художника.

После окончания работ Девельи было поручено создать рисунки, «касающиеся до древней Гистории российского государства», и составить галерею «славнейших мужей»³⁶. Традиционно считалось, что данный заказ не был воплощен в жизнь в связи с увольнением художника. Однако нами была обнаружена анонимная заметка под названием «Нечто о комитетах, составленных на 1772 г. для сочине-

---

³⁶ Цит. по: *Вейнберг А.Л.* Указ. соч. С. 193.

ния медалей»³⁷. Становится известно, что Девельи входил в комитет, созданный «для сочинения медалической истории со времен Государя Петра Великого». Помимо Девельи его членами были Я. Штелин и профессор исторической живописи Г.И. Козлов. Всего к 1774 г. ими было «сочинено» 128 медалей с сюжетами, посвященными деяниям Петра Великого. Скорее всего, привлечение именно Девельи к данному проекту было связано с его недавним опытом в изображении репрезентативного государственного действа — коронации.

31 января 1775 г. выходит приказ об увольнении Ж.-Л. Девельи — «... в рассуждении неимения к продолжению поручаемых дел...»³⁸. О жизни и деятельности живописца во второй половине 70-х гг. почти ничего неизвестно. Отрывочные сведения говорят о драматических коллизиях в судьбе художника: он «чуть не угодил в Сибирь и потерял звание придворного живописца» за то, что во время сеанса портретирования осмелился подать прошение императрице³⁹. В Санкт-Петербургских ведомостях от 22 июля 1774 г. публикуются сведения об отъезде придворного живописца Девельи из Санкт-Петербурга⁴⁰. А начиная с января 1775 г. там появляются несколько объявлений о продаже разной собственности мастера. Свет на этот период жизни живописца проливает письмо о судебном деле 1778 г. против французского купца Г. Келлера⁴¹. Становится известно, что во время отсутствия Девельи в Петербурге Келлер завладел домом и имуществом художника. Отсутствие же его было связано с поездкой в Сибирь с целью поиска заработка, не увенчавшегося успехом. Девельи пишет, что побывал в Иркутске с намерением посмотреть «железные заводы», а также изучить «хитрость нравов» сибирских народов.

Можно предположить, что поездка художника именно в Сибирь была отнюдь не случайностью. В это время во Франции настоящий расцвет переживает явление «руссомании» — плод усилий философов Просвещения. Речь идет о сложившемся, отчасти утопическом, образе Российской империи, страны, которой в кратчайшие сроки

---

³⁷ Нечто о Комитетах, составленных в 1772 году для сочинения медалей // Отечественные записки. Ч. VII. СПб., 1821. С. 180–190.

³⁸ Брук Я.В. У истоков русского жанра. XVIII в. М., 1990. С. 242.

³⁹ Рош Д. Портреты Елизаветы Петровны, рисованные Моро-Младшим // Старые годы. 1913. Июль–сентябрь. С. 206.

⁴⁰ Санкт-Петербургские ведомости. Указатели к содержанию (1761–1775). — URL: <http://vedomosti.rasli.ru> (дата обращения: 01.08.2021).

⁴¹ О письме см.: Алексеева М.А. Художник Жан Луи де Велли (1730–1804)... С. 31. Алексеева Т.В. Некоторые проблемы изучения русского искусства XVIII века... С. 12.

удалось пройти путь от средневекового варварства до одной из могущественных держав Европы. Неудивительно, что многие художники, привлеченные подобными слухами, приезжают в этот период работать в Россию. Одним из примеров подобного увлечения является востребованность и популярность работ Ж.-Б. Лепренса, исполненных в стиле «рюссери» и изображающих повседневную жизнь простого русского народа.

Вполне правдоподобным кажется предположение, что успех данного стиля стал причиной и сибирского путешествия Девельи. Это подтверждается письмом художника 1779 г. директору Академии наук С.Г. Домашневу с предложением своих услуг. Французский мастер пишет: «... я мог бы изображать аллегорические сюжеты, так же, как и всё, что относится к истории великого множества народностей, населяющих обширную Сибирь»⁴².

Важной представляется часть письма, в которой Девельи говорит о возможном обучении мастеров гравировальной палаты. Мастер предлагает брать «на себя также наблюдение над гравюрами ... так как нам полагалось править последние оттиски в Париже в нашей школе». Этот момент позволил М.А. Алексеевой высказать предположение о месте обучения Девельи — Королевской школе покровительствуемых художников, где применялась похожая система образования⁴³. Однако данных об обучении Девельи в архивах школы и списках учеников нами пока не было обнаружено. Тем не менее, предложение Девельи свидетельствует о востребованности французской системы образования и за стенами Академии художеств. 13 сентября 1779 г. с Девельи был заключен контракт на «службу рисовального мастера» при Академии наук, расторгнутый уже в октябре 1780 г.⁴⁴ Как правило, в качестве преподавателей рисунка в Академию наук приглашались итальянцы (Б. Тарсия, Дж. Валериани) или немцы (И.В. Люрсениус, И.Э. Гриммель). Примечательно, что в этом ряду художник являлся одним из немногих представителей французской школы.

Последние данные о Девельи датируются 1793 г., когда он принес присягу русскому правительству и вместе со многими соотечественниками, жившими в России, подписал отречение от революционного отечества⁴⁵. Известно, что в конце жизни живописец вел препода-

---

⁴² Алексеева М.А. Художник Жан Луи Девельи (1730–1804)... С. 24.

⁴³ Там же. С. 24.

⁴⁴ Полный текст письма, запись об исключении из академической службы см.: Брук Я.В. Указ. соч. С. 242. Текст контракта см.: Вейнберг А.Л. Указ. соч. С. 193.

⁴⁵ Мюллер А.П. Указ. соч. С. 100–101.

вательскую деятельность, давая частные уроки, в том числе в семье Уваровых⁴⁶. В собрании Исторического музея сохранился графический портрет Девельи, созданный неизвестным художником, скорее всего его учеником из этой семьи, датированный 1802 г.⁴⁷

Творческая биография Девельи без сомнения отражает главные особенности феномена мигрирующих мастеров второго ряда. Безызвестный на своей родине, в России живописец смог построить если не блестящую, то вполне удачную карьеру. При этом педагогические аспекты деятельности мастера, наравне с творческим наследием, без сомнения внесли вклад в развитие отечественной художественной традиции. В 1759 г. живописный класс Академии под руководством французского мастера должны были посещать Ф.С. Рокотов, а также А.П. Лосенко, И.С. Саблуков, К.И. Головачевский. Известны также имена учеников Девельи из Гравировальной палаты Академии наук⁴⁸. Яркая творческая индивидуальность живописца, без сомнения, оказывала влияние на мастеров, сотрудничавших с ним. Произведения искусства, созданные Девельи совместно с М.И. Махаевым и Е.П. Чемесовым, отличаются высоким мастерством, выражая особенности творчества каждого из мастеров.

Рассмотрение феномена мигрирующих живописцев позволяет сделать вывод о формировании некоего интернационального художественного языка в европейском искусстве XVIII в. Речь идет о сложении в рамках их деятельности «метода странствующего живописца», образующегося путем синтеза национальной школы мастера и его личных впечатлений, связанных с традициями посещаемых стран. Вступая в контакт с иностранными заказчиками, моделями, знакомясь с культурой, нравами и обычаями других стран, мастера не могли не отразить эти факторы в своем творчестве. Так, Жан-Луи Девельи всегда остается в русле французской национальной школы, поддерживая и продолжая традиции своих соотечественников. Гармонично объединяя в своем творчестве французскую выучку и воздействие русской культуры, мастер никогда не теряет индивидуальности своей художественной манеры. Сочетание упомянутых качеств делают Девельи показательной фигурой своего времени, заслуживающей самого пристального внимания.

---

⁴⁶ Там же. С. 84.

⁴⁷ *Костышин Д.Н.* Из истории пенсионерства в аннинскую и елизаветинскую эпохи. М., 2018. С. 170.

⁴⁸ Гравировальная палата академии наук XVIII века. Сборник документов / Сост. М.А. Алексеева, Ю.А. Виноградов, Ю.Я. Пятницкий. Ленинград, 1985. С. 219, 232, 236.

References

Agratina E.E. *Teatral'nyy dekorator Giuseppe Valeriani i yego vremya. Aleksandr Roslin v evropeyskoy i russkoy khudozhestvennoy srede XVIII veka. Iz istorii russko-evropeyskikh khudozhestvennykh svyazey* [Theatre Decorator Giuseppe Valeriani and His Time. Aleksandr Roslin in European and Russian Artistic Space of the 18th Century. A History of the Russian-European Artistic Contacts]. Moscow: Progress-Traditsiya, 2019. 608 p.

Alekseeva M.A. *Dokumenty o tvorchestve M.I. Makhayeva* [Documents on M.I. Makhayev's Art] // *Russkoye iskusstvo XVIII — pervoy poloviny XIX veka* [Russian Art in the 18th and First Half of the 19th Centuries]. Moscow: Iskusstvo, 1971. P. 238–294.

Alekseeva M.A. *Khudozhnik Jean-Louis Develly (1730–1804)* [Painter Jean-Louis Develly (1730–1804)] // *Voprosy teorii i istorii russkogo iskusstva vtoroy poloviny XVIII veka: sbornik nauchnykh trudov* [Issues of Theory and History of the Russian Art in the Second Half of the 18th Century: Collection of Scientific Works] / Compiled and ed. by E.B. Mozgovaya. Saint Petersburg: Institut imeni I.E. Repina, 1997. P. 23–35.

Alekseeva M.A. *Mikhaylo Makhayev — master vidovogo risunka XVIII veka* [Mikhaylo Makhayev As a Master of Scene Drawing in the 18th Century]. Saint Petersburg: Izdatel'stvo zhurnala "Neva", 2003. 448 p.

Alekseeva T.V. *Nekotoryye problemy izucheniya russkogo iskusstva XVIII v.* [Some Problems of Studying the Eighteenth-Century Russian Art] // *Russkoye iskusstvo XVIII veka. Materialy i issledovaniya* [The Eighteenth-Century Russian Art. Materials and Studies] / Ed. by T.V. Alekseeva. Moscow: Nauka, 1973. P. 7–19.

Bruk Ya.V. *U istokov russkogo zhanra. XVIII v.* [At the Origins of Russian Genre. The 18th Century]. Moscow: Iskusstvo, 1990. 264 p.

Doria A. *Louis Tocqué: biographie et catalogues critiques*. Paris: Les Beaux-arts, édition d'études et de documents, 1929. 271 p.

Evseeva E.D. "Probudet nedolgo..." *Zayezhziye khudozhniki pervoy treti XIX veka: komentarii na polyakh kataloga miniatyur Gosudarstvennoy Tretyakovskoy galerei* ["He Won't Be Long..." Visiting Artists of the First Third of the 19th Century: Comments on the Margins of the Catalogue of Miniatures of the State Tretyakov Gallery] // *Tretyakovskiy chteniya. 2016: materialy otchetnoy nauchnoy konferentsii* [Tretyakov Readings. 2016: Acta of the Reporting Scientific Conference] / Ed. by L.I. Iovleva, T.V. Yudenkova. Moscow: Gosudarstvennaya Tretyakovskaya galereya, 2017. P. 39–60.

Karpova T.L. *Johann Baptist von Lampi Starshiy. Tip stranstvuyushchego khudozhnika-universalala* [Johann Baptist von Lampi the Elder. Wandering Universal Artist Type] // *XVIII vek: Assambleya iskusstv: Vzaimodeystviye iskusstv v russkoy kul'ture XVIII veka: sbornik statey* [The 18th Century: Assembly of Arts: Interaction of Arts in Russian Culture of the 18th Century: A Collection of Articles]. Moscow: Pinakoteka, 2000. P. 143–153.

Kostyshin D.N. *Iz istorii pensionerstva v anninskuyu i yelizavetinskuyu epokhi* [On the History of Pensions under Anna and Elizabeth]. Moscow: Academia, 2018. 479 p.

Marisina I.M. *Rossiya–Frantsiya, vek vosemnadtsatyy* [Russia–France, the Eighteenth Century]. Moscow: NII teorii i istorii izobrazitel'nogo iskusstva, 1995. 143 p.

Moleva N.M., Belyutin E.M. *Pedagogicheskaya sistema Akademii khudozhestv XVIII v.* [Pedagogical System of the Academy of Arts in the 18th Century]. Moscow: Iskusstvo, 1956. 519 p.

Muller A.P. *Byt inostrannykh khudozhnikov v Rossii* [Everyday Life of Foreign Artists in Russia]. Leningrad: Academia, 1927. 157 p.

Pierre-Dulau M.-L. *Trois artistes lorrains à Saint-Pétersbourg au XVIIIe siècle // L'influence française en Russie au XVIIIe siècle.* Paris: Presses de l'Université de Paris-Sorbonne, 2004. P. 131–157.

Réau D. *Histoire de l'expansion de l'art français moderne. Le monde slave et l'Orient.* Paris: H. Laurens, 1924. 424 p.

Roche D. *Portrety Yelizavety Petrovny, risovannyye Moro-Mladshim* [Portraits of Elizabeth of Russia Painted by Moreau the Younger] // *Staryye gody.* 1913. July–September. P. 201–206.

Sidorov A.A. *Risunok starykh russkikh masterov* [Drawing of Old Russian Masters]. Moscow: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1956. 527 p.

Usacheva S.V. *V poiskakh natury: ocherki istorii russkoy peyzazhnoy zhivopisi epokhi klassitsizma* [In Search of Nature: Essays on the History of Russian Landscape Painting in the Classical Age]. Moscow: Rossiyskaya akademiya khudozhestv, 2021. 240 p.

Uspenskiy A.I. *Materialy dlya opisaniya Zimnego dvortsa* [Materials for the Description of the Winter Palace] // *Khudozhestvennyye sokrovishcha Rossii.* Vol. 6. 1906. N 8–12. P. 117–160.

Uspenskiy A.I. *Slovar' khudozhnikov v XVIII veke, pisavshikh v imperatorskikh dvortsakh* [Dictionary of the Eighteenth-Century Painters, Who Painted in Imperial Palaces]. Moscow: Pechatnya A.I. Snegirevoy, 1913. 182 p.

Weinberg A.L. *Chemesov i de Velli. K istorii sozdaniya gravirovannogo portreta E.P. Chemesova* [Chemesov and de Velly. On the History of the Engraved Portrait of E.P. Chemesov] // *Russkoye iskusstvo XVIII v.* [The Eighteenth-Century Russian Art] / Ed. by T.V. Alekseeva. Moscow: Iskusstvo, 1968. P. 183–193.

Wrangel N.N. *Inostrannyye khudozhniki XVIII veka v Rossii* [Foreign Artists in the Eighteenth-Century Russia] // *Staryye gody.* 1911. July–September. P. 5–94.

Поступила в редакцию
26 августа 2021 г.

